

Вернуться к оглавлению

БИТВА ПРИ ХАТТИНЕ

1187 г.

СРЕДНИЕ ВЕКА

СОЛДАТ

НОВЫЙ

№12

Пехотинец из обоза. Низкий сферический шлем являлся новой формой шлема, появившейся в конце XII века. Оружие с длинным насаженным лезвием может быть фоссаром (faussart), о котором часто упоминают источники тех времен.

3. Гвардеец-телохранитель Айюбидов. Приворный костюм при Айюбидах являлся отражением турецкого и персидского придворных стилей, и, следовательно, на нем нет доспехов.

1. Саладин. Султан изображен в высокой желтой шапке «калаута», покрытой белой накидкой-шарфом. На нем кольчужная рубашка и стеганный казаганд. Изображенный здесь меч – один из приписываемых Саладину – тот, который хранится в Военном музее Стамбула.

2. Всадник таваши. Он из состава элитных войск, предназначенных для ближнего боя с врагом, поэтому его защитное вооружение мало чем отличается от такового у его христианских противников.

Справа: знатный рыцарь. Вооружение высшей знати отличалось богатой отделкой, шлем этого рыцаря имеют позолоченные обод и личину, под хауберком одежда из дорогой ткани. Обратите внимание на новейшую деталь в защитном вооружении того периода – ступни поверх кольчужных чулков покрыты металлическими чешуйками.

Внизу: Пеший воин вспомогательных войск «джарваджарайя» (jarwajaraya). Вооружение этого воина-волонтера весьма простое, а его костюм ничем не отличается от повседневного,

Вооружение менее состоятельного рыцаря качественно отличается от вооружения богатого рыцаря. Его сферический шлем снабжен устаревшей назальной пластиной, в левой руке – массивный щит для пешего боя, возможно, применявшегося также при штурме замков.

хотя, в отличие от большинства волонтеров, он и вооружен мечом. Его дротники, возможно, могут пробить броню, в левой руке – щит пехотного типа «джанувия» (januwiyah).

Новой деталью в доспехе XII века являются кольчужные рукавицы и кольчужные чулки. Шлемы иногда оснащались также неподвижной железной маской – забралом. Под кольчужой этого рыцаря надет стеганный «акетон» (aketon) или «гамбезон» (gambeson).

Ничто так не объясняет настоящее, как знание прошлого...
Полибий

Игорь Донец

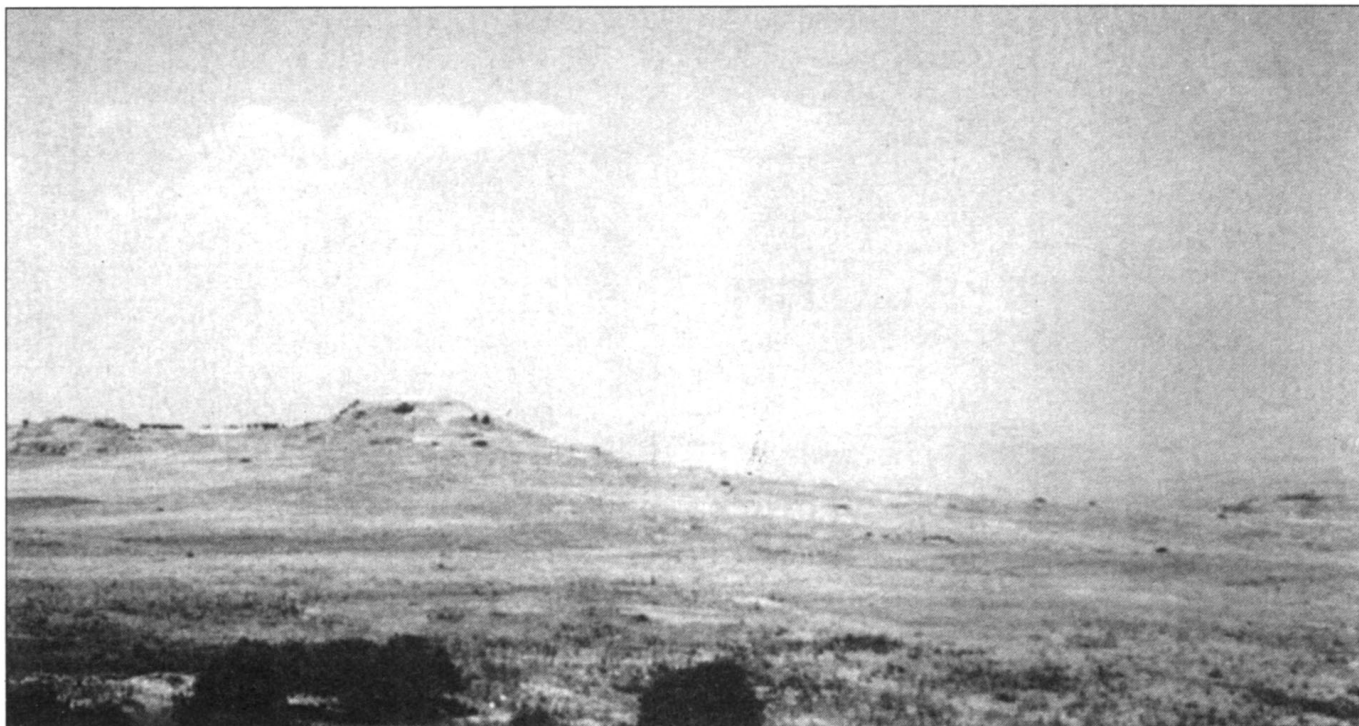
Битва при Хаттине

1187 г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

**НОВЫЙ
СОЛДАТ**

№ 12

Вид на Рога Хаттина из современного кибутца Лави. Основная дорога осталась справа, за кадром, она проходит прямо к Тивериадскому озеру, виднеющемуся вдали. Вечером 3 июля христианская армия свернула с нее налево, направляясь к ближайшему источнику воды в деревне Хаттин, и двигалась вниз по лощине, невидимой слева на фотографии. Сражение произошло на этой равнине перед Рогами Хаттина, а финал битвы – на вершине Рогов.

Предыстория кампании

К 1180 году области, завоеванные в ходе Первого крестового похода, уже не являлись «государствами крестоносцев» в подлинном значении этого названия, поскольку потомки первых крестоносцев уже не «несли знак истинной веры заблудшим сынам Магомета», не помышляли о новых завоеваниях и прекратили экспансию по отношению к своим мусульманским соседям. Теперь они вели борьбу за выживание этих государств, стремясь защитить христианские святыни от воинственности мусульман, а их лидеры стремились лишь к мирному сосуществованию с соседями.

Иерусалимское королевство оставалось наиболее крупным христианским государством в Сирии и Палестине. Однако графство Эдесса с центром в Урфе уже пало под ударами мусульманских властителей, княжество Антиохия находилось под влиянием Византии и даже небольшое по размерам графство Триполи теперь отказывалось признавать сюзеренитет Иерусалима. В начале 80-х годов XII века в Иерусалимском королевстве проживало 40000-50000 человек, из которых не более 12000 были латинянами (христианами с западноевропейскими корнями). Остальные являлись коренными обитателями этой страны: «восточные» христиане, мусульмане, евреи, самаритяне. Баланс сил между феодальными баронами и верховным правителем Иерусалимского королевства в последней четверти XII века до конца не ясен, но в общем похоже, что королевская власть теряла влияние, в то время как крупнейшие бароны становились более независимыми, чем когда-либо ранее. В то же время возросли мощь и влияние

военно-монашеских орденов (тамплиеров и госпитальеров), в их распоряжении находилось подавляющее большинство христианских замков и крепостей, которые только они и могли эффективно защищать.

Теоретически защита Иерусалимского королевства являлась обязанностью всего западноевропейского христианства, но в действительности, после провала Второго крестового похода в 1148 году, латинским государствам приходилось рассчитывать только на собственные силы. Их правители нуждались в большом количестве профессиональных воинов и финансовой поддержке, а не в пришлых ордах воинственных крестоносцев, которые убирались восвояси, взбудоражив мусульманский мир. В то же время катастрофическое поражение византийской армии, нанесенное ей турками-сельджуками при Мариокефалоне в 1176 году, и последовавшая восемь лет спустя резня венецианцев в Константинополе означали, что помощи со стороны Византийской империи латинянам ждать не следует. Кроме того, Иерусалимское королевство испытывало и внутренние проблемы религиозного плана. Осевшие в Палестине многочисленные армяне и воинственные христиане-марониты ливанских гор жили вдали от основных центров власти, поскольку вера сирийско-якобитских христиан подвергалась гонениям западноевропейских завоевателей-католиков. Заимствование ими некоторых восточных обычаев в одежде и гигиене было весьма поверхностным, а культурная пропасть между католиками и восточными христианами сохранялась во время всего периода существования латинских государств. Взаимоотношения между христианскими и мусульманскими государ-

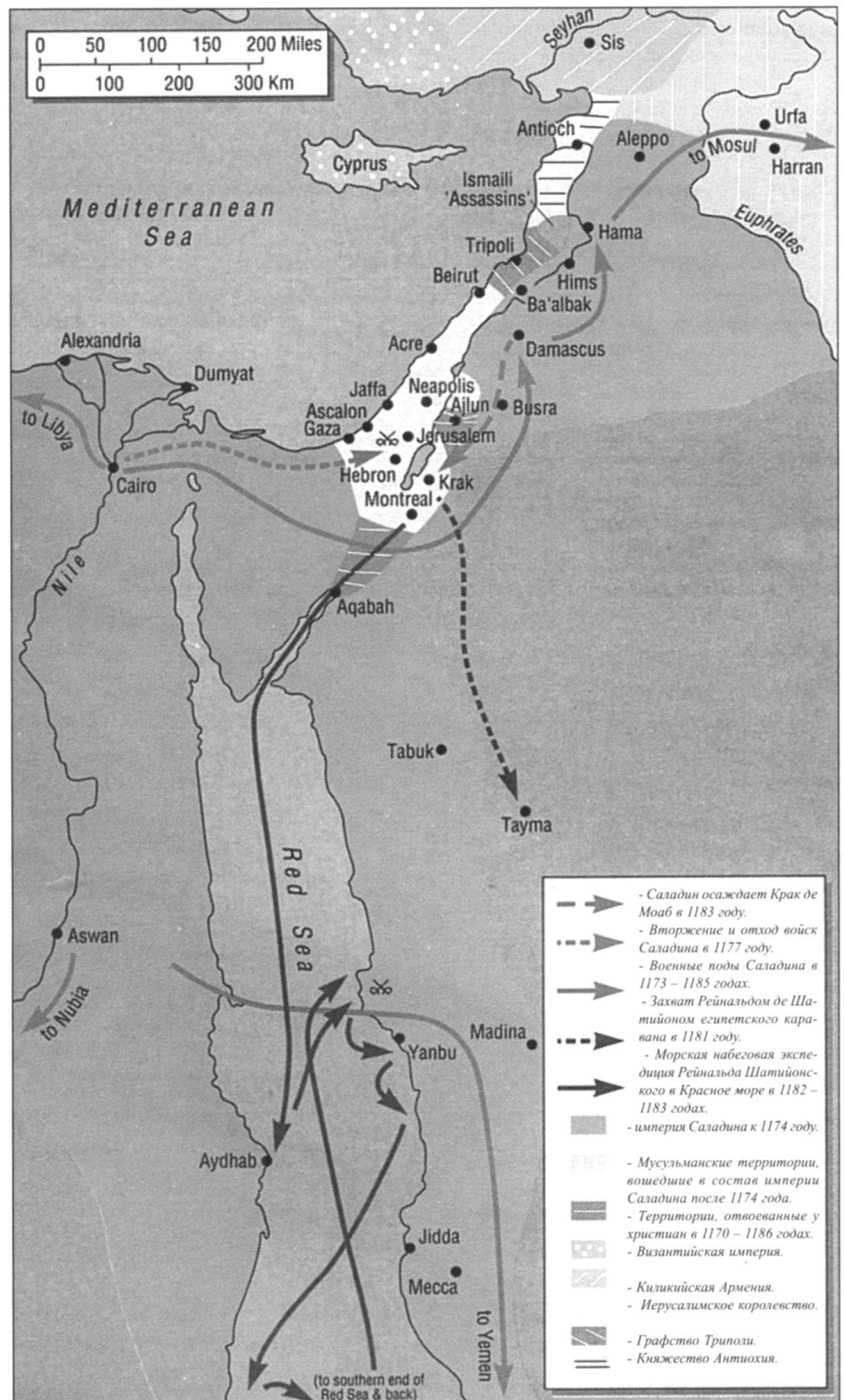
ствами даже в «мирное» время носили характер необъявленной войны, поскольку идеологии обеих сторон исключали существование противной стороны. Самоуверенность военной элиты латинских государств все еще питалась опытом легких побед Первого крестового похода, что, с одной стороны, положительно отражалось на моральном духе христиан, но с другой стороны, стало одной из основных причин разразившейся вскоре военной катастрофы. Если какие-то сомнения и существовали, то следы этих настроений обнаруживаются лишь в ведшемся во второй половине XII столетия широком строительстве многочисленных оборонительных замков.

Восточная граница Иерусалимского королевства на деле представляла собой несколько разрозненных секторов обороны. На севере (долина Литании) находились несколько впечатляющих христианских твердынь. Центральный сектор от горы Хермон (Джабаль-аль-Шейх) вдоль Голанских высот до долины Ярмук граничил с владениями эмиров Дамаска. Считалось, что латинские владения простирались и дальше, до холмов Балка вокруг Аммана, но фактически христиане владели только плодородным плато между рекой Ярмук и холмами Айлуна. Южнее вновь начиналась латинская территория Заиордания, лежащая между рекой Иордан, Мертвым морем и Вади Араба на западе и стратегически важной дорогой из Аммана в Акабу. Господствующие здесь твердыни христиан позволяли им облагать данью мусульманские караваны, следующие из Сирии в Египет и обратно, а также всех мусульман, совершавших «хадж» (Наж), или паломничество на юг, в Мекку или Медину. Однако в начале 70-х годов XII века

Саладин отвоевал территории к югу от замка Монреаль (Шобэк), нанеся удар по самоуверенности христиан и «освобождая дорогу хаджа», так что пилигримы, по крайней мере из Египта, больше не платили дань неверным.

Самым значительным событием этого периода стало объединение Саладином мусульманских территорий, граничащих с латинскими государствами. (Саладин – Салах-ад-Дин, Юсуф ибн Айюб – род. 1138 – ум. 4.03.1193, сын Айюба ибн Шади, курд по происхождению. Египетский султан в 1171-1193, основатель династии Айюбидов. Отвоевал у крестоносцев Иерусалим и являлся основным их противником во время Третьего крестового похода. Успешная борьба с крестоносцами и высокие личные качества стали причиной необычайной популярности Саладина среди современников). Теперь только далеко на севере, там, где владения последних примыкали к территории дружественного христианского государства Киликийская Армения, граница оставалась спокойной. Другой важной переменной на Ближнем Востоке стало возрождение концепции «джихад» (jihad), «войны с неверными», долго дремавшей, но вновь призванной к жизни мусульманскими богословами-суннитами XII века. «Джихад» стал организованной кампанией по отвоеванию Святой земли, так же как крестовый поход ставил целью ее завоевание. Мусульмане, однако, не стремились обратить врага в свою веру мечом, поскольку ислам никогда не одобрял насильственное обращение. Тем не менее, XII век стал временем ужесточения религиозной позиции ислама, большей нетерпимости и возросшего давления на местных христиан восточного толка. Те же принципы мусульмане-сунниты применяли и в отношении мусульманского меньшинства, шиитов.

Завоевание крестоносцами Иерусалима фактически возвысило значение этого города в глазах мусульманского мира, что нашло отражение в «фада,иль» (fada'il) или «хвалебной литературе» о Святом городе. Деяния правителей также описывались в многочисленных хвалебных книгах, известных как «Зеркала для Принцев», а одна из наиболее интересных была написана за год или более до смерти Саладина анонимным сирийцем, жившим вблизи границы с крестоносцами. Книга содержала детальное описание концепции «джихад» и, хотя все еще признавалось, что лучший «джихад» направлен против зла в сердце каждого правоверного мусульманина, борьба с неверными уже считалась не менее священной. Жители сирийских городов, таких как Алеппо и других, имели давние традиции в области фортификационных и осадных работ, поэтому в XII веке в мусульманской Сирии, как и в латинских государствах, наблюдалось грандиозное строительство новых укреплений. Впрочем, воинственностью дышал не весь мусульманский мир. Арабы-бедуины Аравийских пустынь, со времен арабских завоеваний потерявшие инициативу, кото-

Латинские государства в 1187 году.

рую перехватили турки-сельджуки, теперь, в основном, предпочитали, чтобы их оставили в покое. С другой стороны, народ Египта также давно предоставил занятие военным делом в удел своим правителям и их воинов-рабов и наемников. Арабизация страны началась еще при Фатимидах, которые управляли Египтом с 969 года н.э., и переселившиеся туда арабы-бедуины продолжали процветать и после воцарения Саладина в 1171 году.

Отношения ислама с Европой претерпели значительно большие изменения, чем с латинскими государствами в Сирии. К XII веку мусульманская морская мощь в Сред-

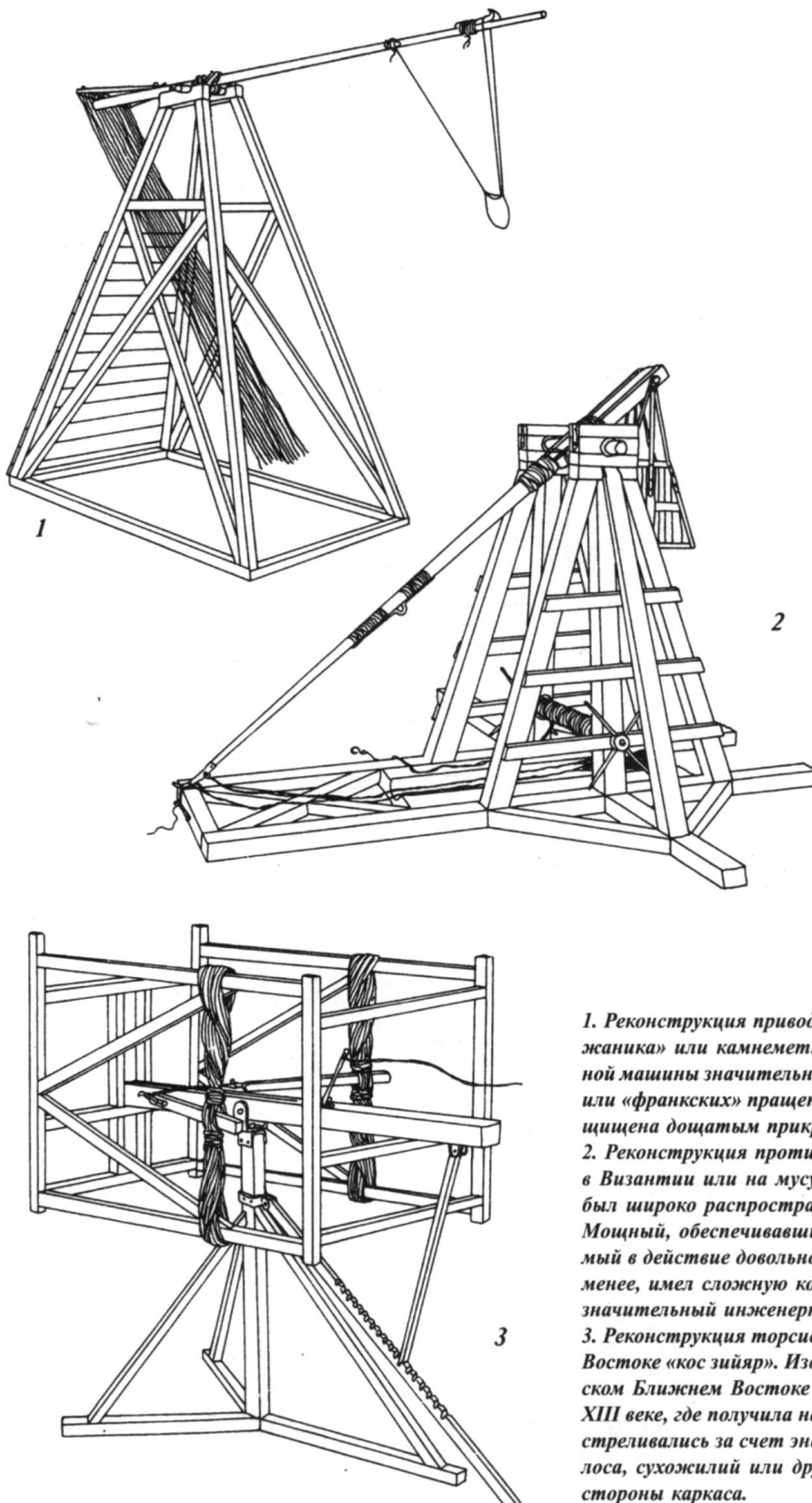
иземном море находилась в невероятном упадке, в то время как итальянские торговые города-республики, такие как Пиза, Генуя и Венеция, полностью контролировали морские торговые пути. Саладин фактически был последним правителем средневекового Египта, который сделал попытку возродить египетскую морскую мощь - попытку, которая полностью провалилась. В Красном море, однако, Египет оставался доминирующей силой, отражая пиратские рейды и походы крестоносцев с относительной легкостью.

Объединение Саладином большей части Ближнего Востока происходило в тече-

ние десятилетия войн и дипломатии. Опираясь на свою основную базу, Египет, основатель новой египетской султанской династии Айюбидов (Айюбиды, Эйюбиды – династия правителей ряда государственных образований на Ближнем Востоке с 1171 года, после основания ее Саладином в Египте с падением династии Фатимидов. Свое название получила от имени отца Саладина, Айюба ибн Шади. Различные ветви Айюбидов правили в XII-XIII веках в Египте, Сирии /Дамаске, Алеппо, Хомсе/, Месопотамии и Южной Аравии. Египетские Айюбиды являлись главными организаторами борьбы с крестоносцами. Рост военно-политического значения султанской гвардии, мамлюков, и династийные распри ослабили Айюбидов; их основная, египетская, ветвь пала в 1250 году в результате мамлюкского переворота.) Саладин распространил свою власть на Йемен (1173 год), Дамаск (1174 год) и Алеппо (1183 год). К 1186 году он утвердился и в Джазире (восточная Сирия, юго-восточная Турция и северный

Ирак) – обширном районе, ставшем богатым источником его военной мощи. Правители латинских государств уже с тревогой наблюдали за ростом могущества султана и слали посольства в различные страны Европы, прося поддержки. Английский король Генрих II Плантагенет с сочувствием отнесся к призыву из Святой земли, хотя и оказал, скорее, финансовую помощь, чем военную. В 1172 году в Англии был введен специальный налог на крестовый поход для помощи Иерусалиму, а в качестве епитимьи за убийство архиепископа Кентерберийского Томаса Беккета король обязался содержать в Иерусалиме в течение года 200 своих рыцарей. Пять лет спустя Генрих отправил в Иерусалим целый сундук денег, а в 1185 году обещал прислать значительно больше. В итоге английские пожертвования, находившиеся на сохранении в казначействе Ордена тамплиеров, составили 30000 марок – огромную по тем временам сумму, и одно это могло сыграть решающую роль в предстоящей военной кампании, закончившейся сражением под Хаттином.

Для определения действительного военного потенциала латинских государств в них была проведена перепись населения с одновременным усилением налогового бремени и увеличением повинностей по постройке замков. Исключительную важность приобретало теперь укрепление христианских позиций в имевшем важное стратегическое значение Заиорданье, вклинившемся между сирийскими и египетскими владениями Саладина. Здесь крупнейший заиорданский сеньер Рейнальд де Шатийон наладил эффективную разведывательную сеть среди бедуинов, рассчитывая прорвать окружавшее латинян кольцо ислама и, может быть, даже выйти на богатые торговые коммуникации Индийского океана. В 1181-1182 годах Рейнальд, получив поддержку нескольких местных арабских племен, страшившихся могущества Саладина, совершил рейд на Хиджаз. Для проведения пиратских морских экспедиций в районе замка Монреаль Шатийоном было организовано строительство галер, которые затем по частям доставлялись на верблюдах в Акабу (Айлу), находившийся в руках крестоносцев морской порт

1. Реконструкция приводимого в действие тяговыми веревками «манжаника» или камнеметного мангонеля. Этот «арабский» тип осадной машины значительно мощнее современных ей «турко-персидских» или «франкских» пращеподобных машин и, к тому же, ее прислуга защищена дощатым прикрытием.

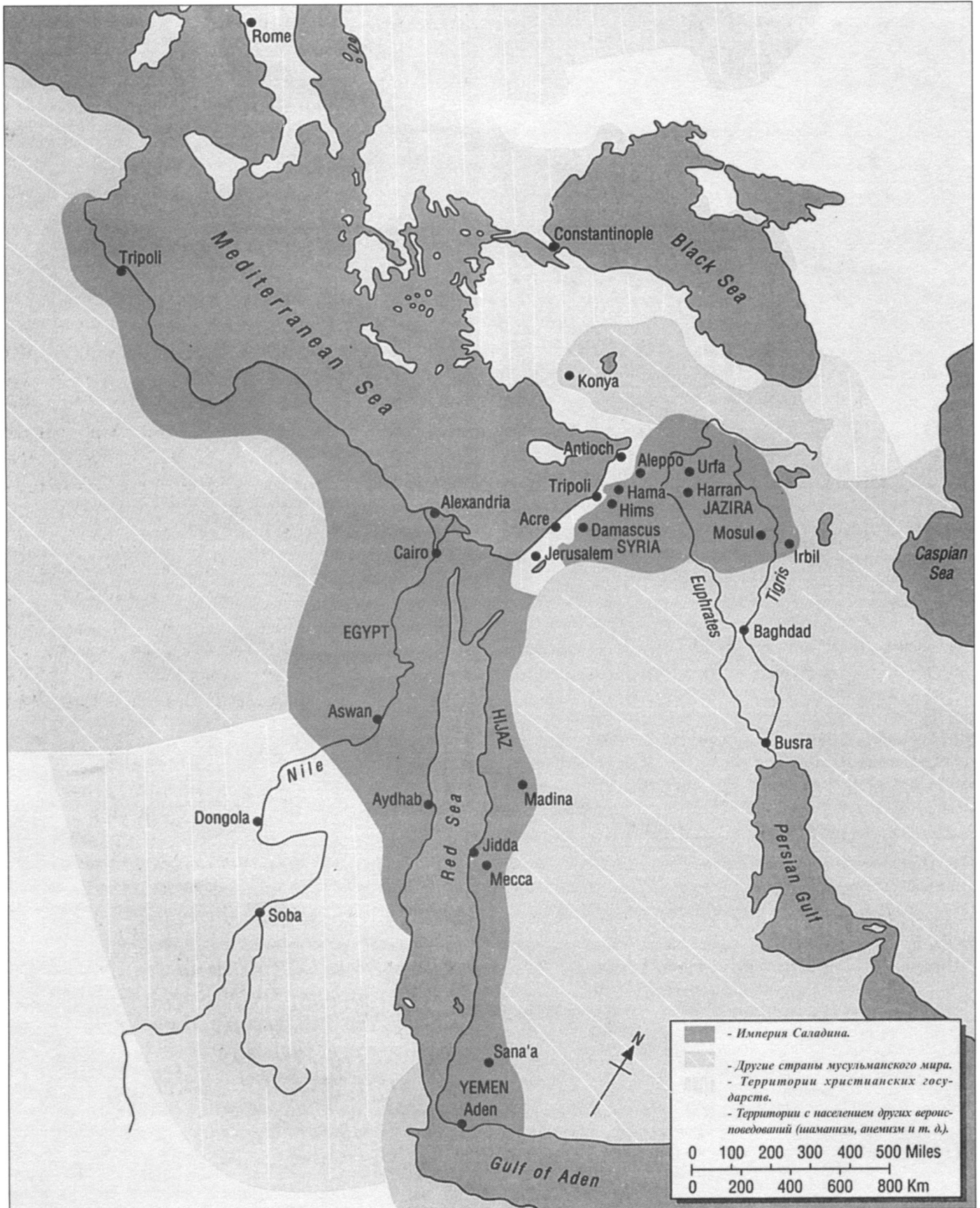
2. Реконструкция противовесного манжаника. Впервые появившийся в Византии или на мусульманском Востоке, этот тип камнеметов был широко распространен в Европе, получив название «требуюше». Мощный, обеспечивавший достаточно точную стрельбу и приводимый в действие довольно малочисленной прислужкой, требуюше, тем не менее, имел сложную конструкцию и для его постройки требовался значительный инженерный опыт.

3. Реконструкция торсионной стрелометной машины, называемой на Востоке «кос зийяр». Известная в Византии с XI века, а на мусульманском Ближнем Востоке с XII века, она появилась в Европе только в XIII веке, где получила название «спрингалд». Две большие стрелы выстреливались за счет энергии полотен шелка, канатов из конского волоса, сухожилий или других материалов, туго скручиваемых по обе стороны каркаса.

в Красном море, где их собирали и спускали на воду. Доходя со своей дружиной до Адена, Шатийон совершал дерзкие набеги на прибрежные города, нападал на суда, перевозившие совершавших «хадж» мусульманских паломников, грабили их, убивая при этом и старых, и больных. Всех остальных войны сеньера Заиорданья брали в плен, продавая затем работаровцам. Эффектная морская экспедиция Рейнальда в Красное море вызвала потрясение в исламском мире и нанесла немалый ущерб репутации Саладина в качестве защитника мусульманских святынь в Мекке и Медине. Султан немедленно нанес ответный удар, который повторил и в 1183 году. Однако на этот раз христиане собрали самое большое войско, когда-либо выставлявшееся латинскими государствами, и, прибегнув к оборонительной тактике и не вступая в большие сражения с мусульманами, заставили Саладина отступить. Тем не менее, ущерб от неприятельских набегов был настолько велик, что Раймон, граф Триполи, по чьему совету была принята эта пассивная стратегия, был обвинен в потере верного шанса покончить с ненавистным султаном.

фактная морская экспедиция Рейнальда в Красное море вызвала потрясение в исламском мире и нанесла немалый ущерб репутации Саладина в качестве защитника мусульманских святынь в Мекке и Медине. Султан немедленно нанес ответный удар, который повторил и в 1183 году. Однако на этот раз христиане собрали самое большое войско, когда-либо выставлявшееся латинскими государствами, и, прибегнув к оборонительной тактике и не вступая в большие сражения с мусульманами, заставили Саладина отступить. Тем не менее, ущерб от неприятельских набегов был настолько велик, что Раймон, граф Триполи, по чьему совету была принята эта пассивная стратегия, был обвинен в потере верного шанса покончить с ненавистным султаном.

скими государствами, и, прибегнув к оборонительной тактике и не вступая в большие сражения с мусульманами, заставили Саладина отступить. Тем не менее, ущерб от неприятельских набегов был настолько велик, что Раймон, граф Триполи, по чьему совету была принята эта пассивная стратегия, был обвинен в потере верного шанса покончить с ненавистным султаном.

Империя Саладина в 1187 году.

Демоны на резной капители Церкви Благовещения в Назарете, конец XII века. Эти изображения отражают представление христиан об их врагах, мусульманах – кожаные щиты, отсутствие доспехов и большое количество лучников.

Железорудные месторождения имели почти такое же важное значение, как и источники воды, и в Джабаль Айлуне, к северу от Заиорданья, как раз и находились шахты с богатой добычей железа. Эти холмы перешли под контроль Саладина в 1184 году и султан направил Изз-аль-Дина Усаму, вероятно, управляющего этим промыслом в богатых железом горах к востоку от Бейрута, построить новый замок над Айлуном для защиты этих мест. Христиане пытались всячески вредить строительству, но в 1185 году в Палестине установилась жестокая жара, и обе стороны согласились заключить четырехлетнее перемирие. Однако, разумеется, это не означало мира на всех фронтах. В 1186 году войска княжества Антиохия совершили набег на своих христианских соседей в армянской Киликии, в то время как юго-восточная Анатолия стала ареной кровавой борьбы между подвластными Саладину курдами и туркоманами. Византийская империя также раздиралась междоусобицами. Два знатнейших аристократа, Исаак и Алексей Ангелы, нашли убежище при дворе Саладина, но в 1185 году Исаак Ангел вернулся в Константинополь, сверг императора Андроника Комнина и стал новым византийским императором. В следующем году его брат Алексей был схвачен на латинских территориях по пути домой и брошен в тюрьму. Столь же напряженное положение воцарилось и на восточных границах владений Саладина после востества

на багдадский престол в 1180 году нового халифа Аль Назира. В период его энергичного правления некогда могущественная династия Аббасидов испытала последний подъем былой славы. Устремления Аль Назира и Саладина пересеклись в Северном Ираке и с тех пор отношения между двумя могущественными мусульманскими правителями оставались натянутыми.

В Иерусалиме в 1185 году умер прокаженный король Бодуэн IV, а в августе 1186 года, свергнув королевство в пучину кризиса, скончался и его малолетний сын-наследник Бодуэн V. Регент королевства Раймон, граф Триполи, был оттеснен от управления страной воинственной «Партией Двора», требовавшей проведения более жесткой политики по отношению к мусульманам. Эта придворная клика добилась коронации Сибиллы, сестры Бодуэна IV, и, таким образом, королем стал ее муж, французский дворянин из влиятельной французской фамилии из Пуату Гвидо (Ги) де Лузиньян. В течение нескольких месяцев бароны Иерусалимского королевства не признавали нового короля, хотя в конце концов только граф Триполи отказался принести оммаж королю Гвидо. Вместо этого граф Раймон удалился в Тивериаду, главный город сенъерии Галилея, которую он держал в качестве лена на территории королевства по своей жене Эскиве Галилейской. Примечательно, что за развитием конфликта с интересом следил Саладин. Он освободил не-

скольких находившихся у него в плену рыцарей Раймона и послал для поддержки графа к Тивериаде собственные войска, оставив их там на случай, если король Гвидо атакует город. Вслед за графом отказался признать Лузиньяна королем и принц Раймон III Антиохийский, которому, тем не менее, пришлось уступить в этом вопросе после начала войны с Саладином.

Предводители

Мусульманские военачальники

Саладин традиционно рассматривается в Европе как образец добродетели и герой. Открывшиеся недавно факты, однако, позволяют взглянуть на него как на амбициозного и безжалостного правителя, хитрого политика и менее блестящего военачальника, чем считалось ранее. Как всегда, истина, очевидно, лежит где-то между двумя этими крайностями, хотя все согласны, что султан Саладин являлся величайшим правителем в истории Ближнего Востока XII века. Семья Саладина, Айюбиды, имела курдские корни и служила Нур-ад-Дину, турецкому правителю Сирии и Северного Ирака. Саладин обучался и получал военную подготовку в утонченном окружении турецкого двора в Сирии, хотя впоследствии стал султаном Египта, который он привел к процветанию. Будучи правителем, он прислушивался к советам, хотя, возможно, и в силу

Вход в замок крестоносцев Во Муаси (Vaux Moysi – Al Wu,ayra – Аль Ву,айра). Затерянный среди беспорядочно нагромождения скал в районе Петры, этот небольшой замок (в левой части фотографии) был прекрасно защищен самой природой – отвесными скалами и глубокими расщелинами. Каменный мост, соединяющий края расщелины, построен уже в наши дни.

Античный город Баальбек в Ливане находился в самом центре стратегически важного пограничного наместничества империи Саладина. Многие античные здания вошли в состав системы городских укреплений, будучи дополненными вновь построенными оборонительными сооружениями, такими как Южная башня, которая видна справа на фотографии. На взгорье справа – пограничная крепостца крестоносцев.

свойственной ему показной демократической политики, но умел воспользоваться советом или новой идеей так же хорошо, как и имеющимися в его распоряжении военными силами. Современные ему мусульманские биографы, склонные идеализировать его характер, без конца превозносили человечность его всепрощающей натуры, набожность, справедливость, великодушие и мужество. Они, возможно, преувеличивали, но нет сомнений, что Саладин оказывал в этом плане огромное влияние на окружающих его людей. И даже противники-христиане доверяли благородству Саладина.

Вопреки некоторым романтическим домыслам, султан не был младенцем, которому навязали участие в непрерывных военных походах. Он получил значительный военный опыт под началом Нур-ад-Дина и участвовал в нескольких походах и сражениях, прежде чем был назначен своим повелителем визирем (наместником) Египта в 1169 году. Саладин стал полноправным правителем этой страны в 1171 году, но и после этого Египет теоретически все еще составлял часть владений Нур-ад-Дина до смерти последнего в 1173 году. Как военачальник Саладин был готов пойти на значительный, но оправданный риск и всегда

имел четкое представление о широкой стратегии. С другой стороны, он очень часто совершал ошибки, например, уступив ожесточенному сопротивлению христианских защитников Тира (Сюр), осажденного после ошеломляющей победы при Хаттине.

Тем не менее, Саладин остается благородным и трагическим – хотя и «языческим» – героем различных европейских средневековых пьес и поэм. Его величие было настолько велико, что латиняне оказались не готовыми принять тот факт, что он был «ничтожным сарацином». Поэтому и возникли легенды, согласно которым Саладин являлся внуком прекрасной французской принцессы, принужденной к браку храбрым турком по имени Малакин. Он, говорится, «...жил долго и счастливо со своей женой. И родилась у них дочь, ставшая впоследствии матерью учтивого турка, султана Саладина, - благородного, мудрого и победоносного повелителя.»

Саладина также очень уважали за родство с Таки-ад-Дином, который приходился султану племянником и, как и множество других мусульманских лидеров той эпохи, характеризовался современными исламскими писателями как глубоко религиозный и очень благородный человек. Это вполне

может быть правдой, но наиболее вероятными чертами его характера кажутся физическое мужество и стремление лично возглавлять войска. Таки-ад-Дин продемонстрировал свой военный талант задолго до Хаттина, его энергичные действия принесли победу в день битвы у Хамы (с войсками единоверцев из Алеппо и Мосула) в 1175 году. С тех пор Саладин давал под его начало самые надежные войска, часто назначая Таки командовать правым крылом своих войск, которому, согласно традиционной тактике Ближнего Востока, отводилась атакующая роль, в то время как левое крыло действовало оборонительно.

Обладая выдающимся талантом военачальника, Таки-ад-Дин в силу импульсивности своего характера считал себя достойным значительно больших владений, чем провинция Хама в центральной Сирии, которой он управлял с 1178 года. Саладин был прекрасно осведомлен об амбициозности этого упряма, но не придавал этому большого значения, считая, очевидно, эту черту присущей всему своему роду, и даже неоднократно назначал его правителем Египта на время своего отсутствия. Таки-ад-Дин мечтал завоевать себе какое-нибудь государство в Северной Африке, но Саладин опа-

Раскрашенный фрагмент из средневекового египетского манускрипта XII века, на котором изображены мусульманские воины, облаченные в полный кольчужный доспех и в тюрбанах, при поддержке бездоспешных пехотинцев с большими миндалевидными щитами выезжающих из ворот крепости для боя с крестоносцами. Возможно, на этом фрагменте манускрипта изображен эпизод одного из многочисленных боевых столкновений мусульман с христианами у Аскалона, тогда мусульманские воины, вероятно, являются войсками династии Фатимидов.

Кала, ат аль Рабад (Qala, at al Rabadh), один из замков Саладина в районе Айлуна, который был построен в 1184 – 1185 годах. На этой фотографии, сделанной с немецкого самолета 9 апреля 1918 года, хорошо виден небольшой, прямоугольный в плане замок. Четыре башни замка датируются временем правления султана Саладина, а часть внешних оборонительных сооружений были добавлены в XIII веке.

Геральдика в мусульманских странах никогда не достигала таких высот развития, как это было в Европе, но эмиры Саладина все же пользовались личными эмблемами. Эти схватившиеся ястребы над входом в Кала, ат аль Рабад (см. фото вверху), вероятно, являются личным знаком Изз ад-Дина Усамы, который был комендантом замка при Саладине. Внизу – другое украшение, вытесанное над входом в замок Кала, ат аль Финди (Qala, at al Findi) на Синайском полуострове. Замок был закончен постройкой уже после Хаттинской кампании. Этот же знак можно увидеть в фатимидском замке Баб аль Наср (Bab al Nasr) в Каире, построенном веком раньше.

сался, что племянник уведет за собой слишком большое количество необходимых ему самому войск. После снятия Таки-ад-Дина с поста наместника в Египте, он почти восстал против своего дяди и поссорился с его сыном Аль Афдалем, но Саладин вскоре примирился с воинственным племянником, прибавив к сирийскому лену Таки-ад-Дина в Хаме гористый пограничный район вокруг города Майафарикин в Анатолии. Здесь молодой воин имел возможность расширить подвластную ему территорию не вступая в конфликт с другими членами семьи. Однако Таки-ад-Дин лишился милости своего дяди, покинув его в кризисный период Третьего крестового похода. Умер он лишенным всех своих владений за 17 месяцев до смерти великого султана.

Музаффар-ад-Дин Гёкбёри являлся одним из главных эмиров (amirs) или военачальников Саладина. Эмиры, и в том числе Музаффар, управляли большими провинциями, подати с которых шли на содержание войск. Гёкбёри, что в переводе с турецкого означает «синий волк», был сыном правителя провинции Ирбиль, ближайшего сподвижника великого Зенги, чьё завоевание графства Эдессы стало первым шагом в изгнании крестоносцев с Ближнего Востока. Гёкбёри верно служил сыну Зенги, Нур-ад-Дину, и вскоре стал правителем Харрана, в составе которого находилась часть территории прежнего латинского графства Эдесса. В 1175 году в битве с войсками Саладина при Хаме он возглавлял правое крыло объединенных сил Алеппо и Мосула, но после смерти Нур-ад-Дина династия Зенгидов пала и возник новый герой ислама – Саладин. Переход Гёкбёри на его сторону стал одним из основных факторов успеха султана. Для самого Гёкбёри это был весьма рискованный шаг, поскольку в случае поражения Саладина правитель Харрана потерял бы всё. Однако Саладин победил Зенгидов и в благодарность расширил владения Гёкбёри присоединением городов Эдесса (Урфа) и Самсат. Он также отдал в жены «Синему Волку» одну из своих сестер, Аль Ситт Рабию Хатунь.

Непревзойденность военного мастерства Гёкбёри являлась общепризнанной. Придворный историк и секретарь Саладина Аль Исфакхани характеризовал его как

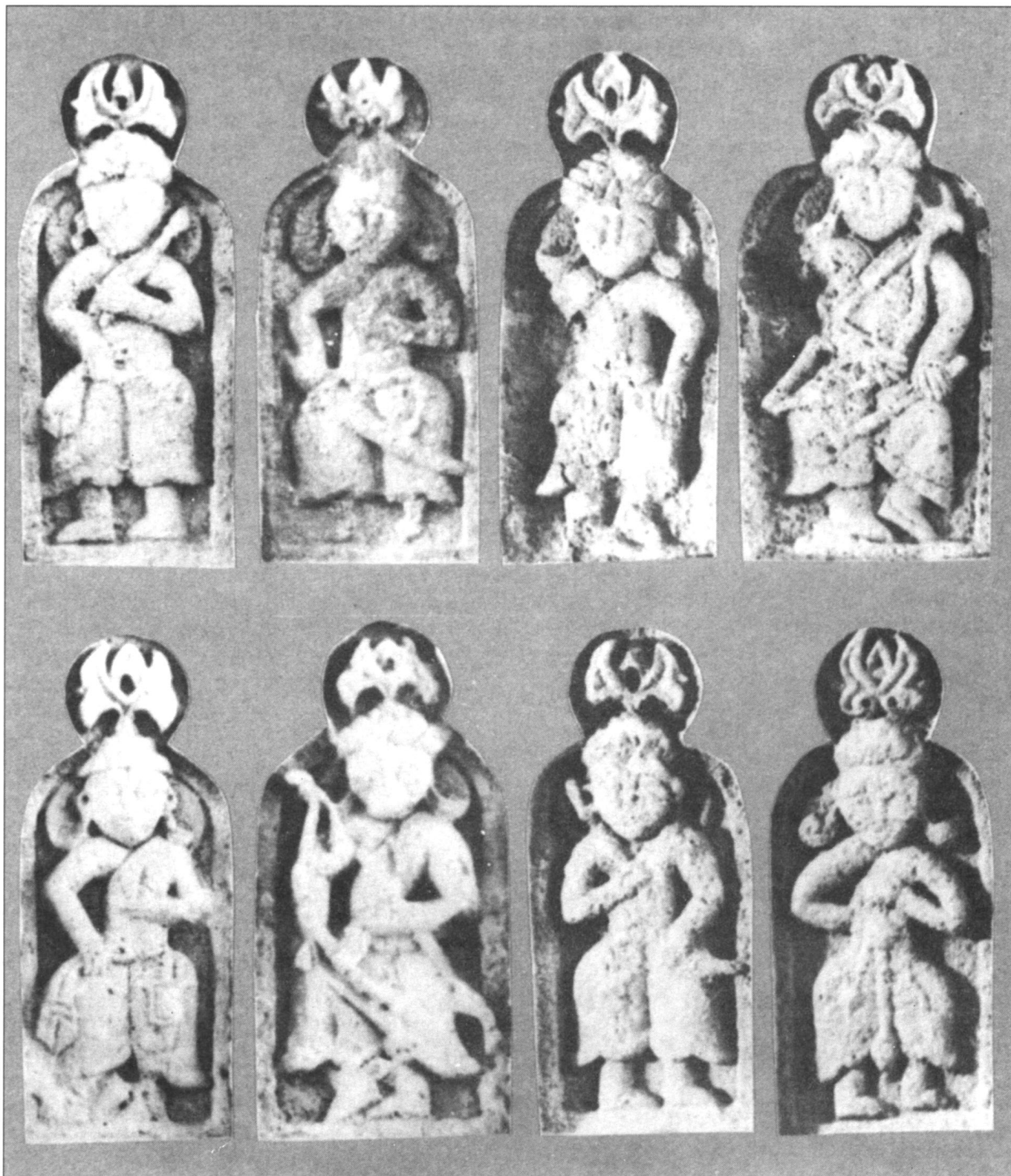

«смелчака, героя, который всегда до конца обдумывал свои начинания, льва, который стремился прямо к цели, самого надёжного и решительного военачальника». После победы при Хаттине он стал главным эмиром Саладина, и хоть и отдал свой лен Таки-ад-Дину, но эту потерю ему компенсировали передачей старых владений отца – провинции Ирбиль, которой он и правил до самой смерти в возрасте 81 года. В Сирии его навсегда запомнили как великого воина, а в находящейся ныне на территории Курдис-

тана прежней провинции Ирбиль его и сейчас почитают как покровителя искусств и ученых, таких как историк Ибн Халликан и др. Он строил школы, больницы, открывал дома престарелых и постоянные дворы для паломников, совершающих «хадж», и торговцев, став также первым правителем, официально признавшим негласный прежде праздник «Мавлид аль Наби» (день рождения пророка Мухаммеда, появившийся у мусульман Ирбиля, вероятно, в подражание христианскому Рождеству, праздновавше-

муся большой местной общиной христиан). Всего лишь пять лет спустя после его смерти в провинцию вторглись монголы, уничтожая культурные насаждения Гёкбёри, и, похоже, всё, что сохранилось – это красиво украшенный минарет старой мечети Ирбиля.

Немного известно о хаджибе Хусаме-ад-Дине Лул,лу. Он наверняка был мамлюком (mamluk), поскольку имя Лул,лу, означающее «Жемчужина», обычно давалось рабам. Возможно, он был армянского происхождения и даже его титул хаджиба (уп-

Небольшие резные фигурки в виде воинов на богато украшенной арке из Синджара в Северо-Западном Ираке. Арка датируется началом XII века и дает представление о вооружении элитных войск телохранителей – мамлюков.

Керамическая чаша начала XIII века из Персии, на которой изображен мусульманский правитель с жезлом или «гурзом» (gurzum) в руках. Он сидит между двумя военачальниками, облаченными в полные кольчужные доспехи или «дирь» (dîrs) под сюрко без рукавов.

равитель двора, мажордом) говорит немногое. При прежних правителях Египта из династии Фатимидов, когда Луллу также мог быть придворным, хаджиб являлся важным должностным лицом при дворе, хотя и не военным. При иранских Сельджукидах хаджиб уже мог возглавлять войска.

Согласно современным мусульманским летописям, Хусам-ад-Дин Луллу был шей-

хом (shaykh), то есть духовным лицом, и, одновременно, он являлся командующим флотом Саладина. На этом поприще он и приобрел известность, отразив дерзкий рейд Рейнальда де Шатийона в Красное море в 1183 году и лично возглавив морские силы султана в морском сражении, приведшем к взятию Джибелета (Джубайля) четырьмя годами позднее. После морской блокады и

взятия Акры в 1189 году упоминания о Луллу исчезают со страниц летописей. Не был ли он среди 2700 военнопленных гарнизона Акры, казненных по приказу Ричарда Львиное Сердце в 1191 году? Военачальник по имени Хусам-ад-Дин все еще находился на службе Аль Адлия в 1194 году, но нет никаких данных, что это был тот же человек.

Умер ли Луллу в Акре, бежал ли после гибели там же египетского флота или перешел на службу к Аль Адлию, но он уже завоевал достаточную известность, чтобы быть упомянутым рядом с Саладином в панегирике поэта Ибн аль Даравиля. Секретарь султана Аль Исфохани также рассыпается в похвалах Луллу: «...чье мужество было хорошо известно неверным, чья жестокость к врагам превозносилась. Он был вне конкуренции, когда отправлялся в морские походы, в которых никто не мог с ним сравниться...сопутствуемый счастьем при любых обстоятельствах, приятный по характеру». Ибн аль Атир, менее известный мусульманский историк, характеризовал Хусам-ад-Дина Луллу как «...храброго и энергичного человека, морского военачальника, полного полезной инициативности».

Христианские военачальники

Большинство современных средневековых источников не симпатизируют Гвидо де Лузиньяну, королю Иерусалима в 1186-1192 годах, как правителю, отдавшему Святой город в руки мусульман. Такую же антипатию испытывали к Гвидо и его французским рыцарям и местные латинские аристократы. О нем точно известно, что он был красив, чем и завоевал сердце будущей королевы Сибиллы Иерусалимской, но, по оценке большинства хронистов, был также слаб и легкомыслен, проявив большую решительность уже после Хаттинского поражения,

Этот резной фронтоны, работы начала XIII века, над воротами Баб аль Тиллис в Багдаде был уничтожен взрывом в 1917 году. На нем в турецком костюме – длинные косы, богатая туника и замысловатый тюрбан – представлен «герой-правитель», сражающийся с двумя драконами.

когда поправить случившееся стало невозможным. Историки и по сей день традиционно характеризуют Гвидо как неумелого и нерешительного байльи (регента – bailli – regent) королевства в кризисный период вторжения мусульманских сил в 1183 году, хотя позднейшие исследования Р. Смэйла (R. C. Smail) показывают, что именно действия Лузиньяна принудили тогда Саладина к отступлению. Кроме того, он находился под влиянием своих французских друзей, следование советам которых часто приводило к возникновению конфликтных ситуаций. И как следствие этого, король Гвидо имел склонность менять точку зрения и отдавать противоречивые приказания даже в критические моменты.

Разумеется, следует учитывать и местную специфику монархической власти, поскольку законы Иерусалимского королевства скорее отражали европейский идеал «конституционной» монархии, чем реальность условий существования латинских государств на Ближнем Востоке. Даже командование Гвидо войсками королевства было скорее символическим и, прежде чем отдать тот или иной приказ, король был вынужден каждый раз советоваться со своими баронами. Беспорядок, неразбериха, своеволие, неподчинение и зависть являлись обычным делом и Гвидо очень редко удавалось заставить баронов действовать согласно своих приказов. Тем не менее, действия Лузиньяна и тактика, которой он следовал и при Хаттине, вполне соответствовали общепринятой стратегии того времени – стратегии, которая с успехом применялась латинскими государствами прежде.

Раймон III, граф Триполи, является, пожалуй, самой трагической фигурой всей Хаттинской эпопеи. Возможно, наиболее разумный из всех христианских вождей, он стремился мирно сосуществовать с соседними мусульманскими правителями, а также проявил себя самым искусным военачальником среди латинских предводителей. Однако, в конце концов, Раймону пришлось нести клеймо изменника и виновника поражения христианских сил и гибели многих единомышленников. Сломленный духом, он умер спустя несколько месяцев после хаттинской катастрофы, став последним графом Триполи из Тулузской династии основателей графства, Сен-Жилей. В качестве справки можно добавить, что после смерти Раймона графство Триполи и княжество Антиохия в начале XIII века были объединены под властью Бозмунда IV Антиохийского. В 1289 году Триполи был взят и разрушен мамлюками, сопротивление которым на территории графства дольше всего оказывала находившаяся в руках тамплиеров Тортоса, также павшая в 1291 году.

Раймон стал графом Триполи в возрасте всего лишь 12 лет после гибели своего отца, Раймона II, убитого исмаилитами-«касасинами» в 1152 году. К 1175 году опыт и полководческий талант графа сделали его признанным вождем местных баронов, а десятилетие спустя он был выбран реген-

Оклад из слоновой кости Псалтиря королевы Мелизнды, изготовленный в Иерусалиме в 1131 – 1143 годах. На нем символически отражены основания для притязаний короля Иерусалима на владение в землях Сирии и Палестины в качестве преемника царя Давида. На войнах византийское и исламское защитное вооружение, особенно это заметно на изображениях эпизодов «Стойкость, убивающая Алчность» (внизу) и «Давид и Голиаф» (слева).

том королевства, управляющим от имени умирающего от проказы короля Бодуэна IV. На поприще правителя Раймон показал себя терпеливым, осторожным и изобретательным политиком, искусно лавирующим между интересами противоборствующих партий королевства и его могущественных соседей. Расчетливый граф Раймон мог великолепно приспособиться к изменяющейся ситуации, что являлось весьма редким качеством среди современных ему ограниченных личностей вождей Иерусалимского королевства. Восемь лет, проведенных в качестве узника в Алеппо, научили его бегло разговаривать по-арабски и дали ему значительные знания относительно сути ислама и психологии мусульман, что вызывало, скорее, восхищение, чем ненависть, со стороны противника. В отличие от вновь прибывших крестоносцев, к числу которых относился и Лузиньян с его кличкой само-

уверенных французов, Раймон больше не рассматривал мусульман в качестве просто врагов, а скорее в качестве соседей – хотя и противников – с различными интересами в уборке урожая в условиях нечастых дождей и в торговле. Со своей стороны, мусульмане считали Раймона III Триполитского храбрейшим, а также умнейшим из латинских вождей. Тем не менее, когда наступил хаттинский кризис, граф сражался больше и упорнее, чем кто бы то ни было, за спасение королевства, и если бы Лузиньян следовал советам Раймона, битва при Хаттине могла бы обернуться победой, но никак не поражением.

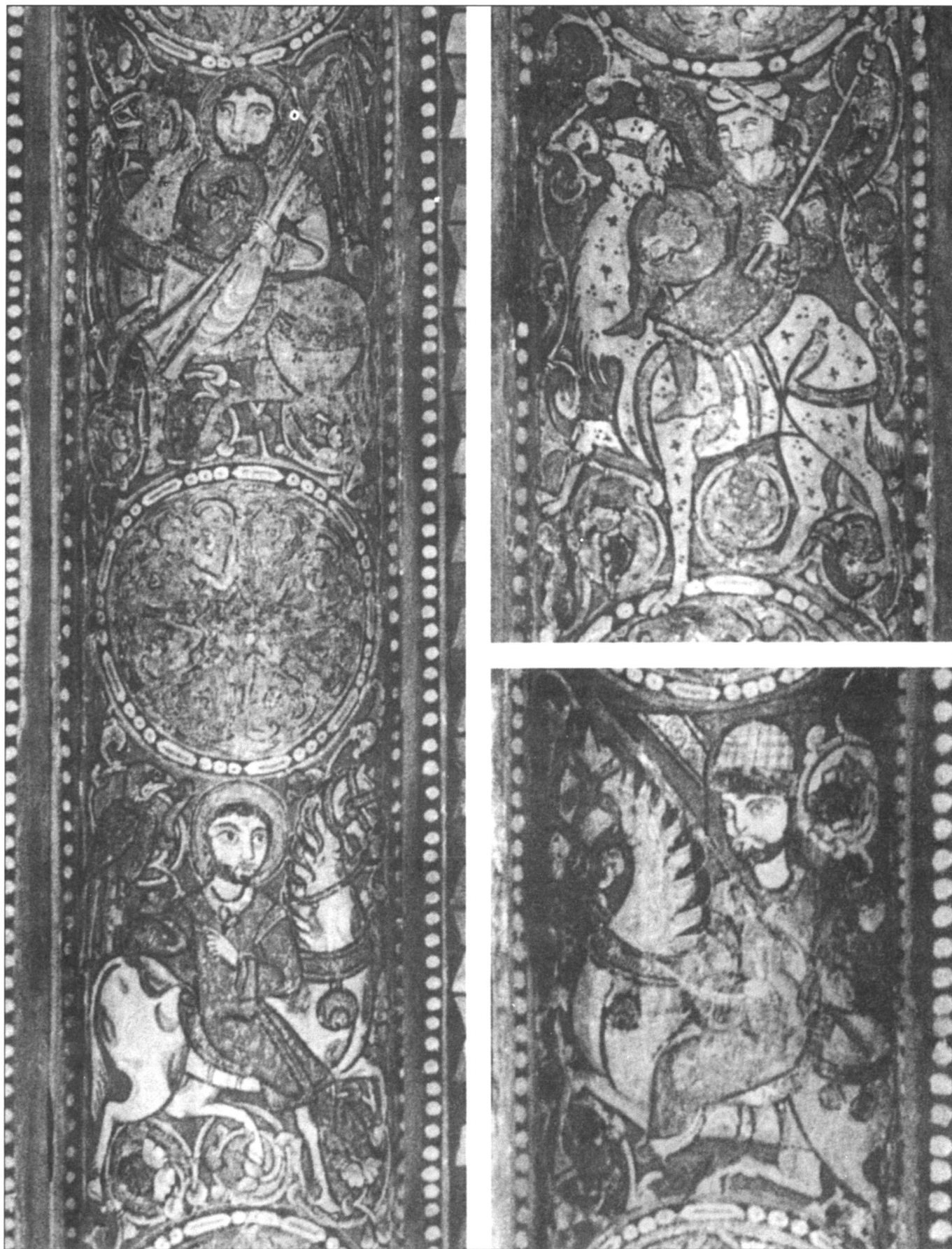
В истории потери Иерусалима нет более яркой фигуры, чем Рейнальд де Шатийон, который традиционно изображается как безрассудно храбрый, физически красивый, но недисциплинированный искатель приключений. Он прибыл в Святую землю в

Свиток XII века «Exultet Roll» из Беневенто в Южной Италии, на миниатюре которого изображен король, вручающий меч в качестве символа военной власти командующему своей гвардии или, пользуясь приведенным здесь греко-византийским термином, «протоспатириусу» (*protospatharius*). Костюмы и оружие представляют смесь западноевропейского, византийского и мусульманского стилей – возможно, подобная смесь стилей имела место и в латинских государствах Ближнего Востока.

Гипсовый персидский барельеф конца XII – начала XIII веков с изображением конного боя на копьях. Всадники крепко держат копья обеими руками. Оба защищены пластинчатыми панцирями или «джошан» (*jowshan*), на доспехе правого всадника имеются клапаны для защиты предплечий.

Раскрашенные панели из Капелла Палатина (Cappella Palatina), Палермо. Слева сверху – арабский всадник с копьем и вытянутым миндалевидным щитом. Другой всадник, слева внизу, может позволить себе занятие весьма распространенным аристократическим развлечением - соколиной охотой. Справа сверху – арабский воин с копьем и небольшим круглым щитом верхом на верблюде, примерно 1140 год. Такие воины служили во вспомогательных войсках армии Саладина, хотя это изображение в восточном стиле и было сделано во дворце норманнских правителей Сицилии. Справа внизу – арабский всадник в подбитой мехом шапке, вооруженный копьем.

1153 году и вскоре завоевал руку и сердце молодой принцессы Констанции Антиохийской, наследницы княжества Антиохия. Будучи неразборчивым в средствах и даже жестоким, Рейнальд, тем не менее, обладал удивительным пониманием геополитической стратегии. К несчастью для Иерусалимского королевства, его видение стратегической обстановки значительно превышало военный и экономический потенциал всех латинских государств. В отличие от графа Триполи, также прошедшего несколько лет в мусульманском плену, более длительное содержание Рейналда в неволе в Алеппо в 1161-1175 годах сделало его пылким ненавистником ислама. Он стал крестоносцем-фанатиком. Мусульмане, в свою очередь, хорошо знали, что «Арнат», как они его называли, является их злейшим врагом.

Ко времени освобождения Рейналда его жена Констанция умерла, а княжество перешло к другим наследникам. Получив свободу, Рейнальд без промедления женился на Марии, наследнице сеньории Керака (Крак-де-Моаб), Монреалья и Сент-Абрахама в составе Иерусалимского королевства и таким образом стал владетелем большой сеньории в Заиордании. Здесь он постепенно создал некое подобие «государства в государстве», возможно, надеясь впоследствии сделать его независимым владением, таким, как графство Триполи или княжество Антиохия.

Другим «злым гением» для христиан латинских государств стал Жерар де Ридфор, магистр Ордена тамплиеров или храмовников. О нем трудно говорить сдержанно. Ридфор всегда был и остался авантюристом, даже заняв столь ответственный пост. В избытке наделенный спесью тамплиеров, в надменной независимости возомнивших, что им все дозволено, и ставших несносными и для светских, и для духовных властей, он не имел ни военного опыта, ни верности долгу прежних магистров. Мало того, не выказывая ни малейших военных способностей, Жерар, напротив, проявлял твердое намерение выжить во всех военных катастрофах, которые сам же вызывал. Власть генерального капитула Ордена и его магистра довольно искусно уравновешивались, но орденский устав не предусматривал случая, когда главе Ордена совершенно не доставало чувства ответственности.

Казалось бы, магистр ордена Храма мог бы и забыть обиды, причиненные некогда молодому странствующему рыцарю, но Жерар все подчинил интересам личной мести. А предыстория, хоть она и кажется легендарной, такова. Около 1175 года в поисках удачи в Триполи прибыл молодой фламандский рыцарь, привлечший внимание регента королевства, графа Раймона, назначившего Жерара маршалом Иерусалима и обещавшего подыскать ему богатую наследницу. Но некоторое время спустя, когда умер сеньер Ботрона, граф отдал руку его дочери рыцарю из Пизы, якобы предложившему ему столько золота, сколько весила сама девушка. Де Ридфор, то ли отчаявшись в

Обратная сторона персидского бронзового зеркала XII века с изображением всадника с золотым подмышкой копьем в бою с чудовищами. В левой руке – большой круглый щит.

чувствах, то ли от честолюбивого разочарования, заболел горячкой и слег в лазарет тамплиеров в Иерусалиме, где по выздоровлении, возможно, с досады, принес обет брата Ордена, поклявшись также отомстить графу Триполи. Жерар совершил довольно быструю карьеру: он стал сенешалем Ордена и уже в 1180 году его кандидатура была выставлена на выборах магистра, но тогда он проиграл престарелому провинциальному магистру Испании Арно де Ла Тур Руж (Арnaud де Тороха). Однако на следующих выборах, в 1184 году, когда его противником был великий командор Иерусалима и казначей Ордена Жильбер Эрайль, де Ридфор стал последним магистром, провозглашенным в цитадели ордена Храма в Иерусалиме. Если бы большинство выборщиков отдали свои голоса за Эрайля, перипетии

последующих лет выглядели бы совершенно иначе, поскольку последний обладал такими качествами, как умеренность, ловкость и дар предвидения. Жерара де Ридфора впоследствии обвиняли в гибели тамплиеров, павших в затеянной магистром безрассудной схватке у Крессонских источников, а также попавших в плен после битвы при Хаттине и замученных мусульманами, в том, что он заплатил за свою жизнь сдачей Газы, где в 1188 году капитулировали тамплиеры, и даже в том, что он стал мусульманином (перед попытками султан предлагал даровать жизнь плененным при Хаттине тамплиерам, которые примут ислам: отказались и были казнены более двух сотен братьев-рыцарей, де Ридфора же по неизвестной причине пощадили). На совести магистра и непоправимый ущерб, нанесенный

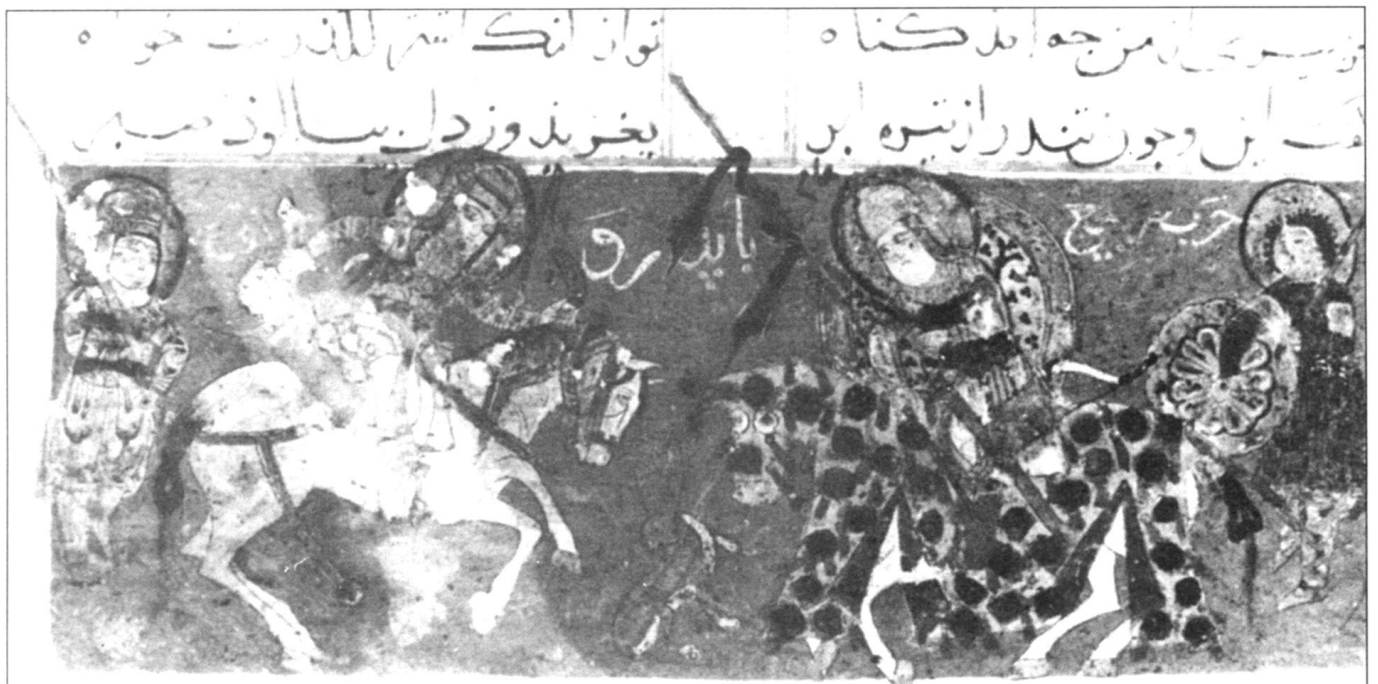

Эта великолепная, конца XII – начала XIII веков, керамическая статуэтка всадника, сражающегося с гигантским змеем, имеет около метра в высоту и происходит из Ракки в Северо-Восточной Сирии. На голове воина – сегментный шлем, в руках – прямой широкий меч и типично турецкий круглый щит «калкан» (qalqan), изготовленный из плетеного камыша и хлопка.

моральному духу христиан поражением у Крессона в самом преддверии Хаттинских событий, да и сам поход по безводным холмам к Хаттину, на котором магистр настоял только из чувства противоречия благородному и ненавистному графу Триполи. Жерар де Ридфор погиб при штурме Акры 4 октября 1187 года, пока король совершал вылазку в лагерь Саладина. Однако мусульманские источники сообщают, что он не пал на поле брани, как полагали христиане, а был схвачен и предан султаном смерти как клятвопреступник, поскольку он, как и Гвидо де Лузиньян, при освобождении обязался не воевать против него.

Балиан д.Ибелин, сеньер Рамы (Рамлы), происходил из наиболее известного феодального рода в латинском Иерусалимском королевстве. Род Ибелинов имел простое происхождение, являясь так называемой «новой аристократией», выросшей из числа мелких, но ловких рыцарей, участников Первого крестового похода, которые поделили территорию королевства в начале XII века (Основатель палестинского дома Ибелинов, одной из главных баронских фамилий Святой земли, участник Первого крестового похода, по своим владениям во Франции являлся непосредственным королевским вассалом Капетингов и братом королевского наместника или управителя Шартра, что в XI веке было довольно ничтожным положением. Тем не менее, название Ибелин /Ивелин/ сохранилось в названии современного французского департамента, гранича-

«Раби в бою с отцом Варки» из манускрипта конца XII – начала XIII веков «Warga wa Gulshah», вероятно, азербайджанского происхождения. Миниатюра прекрасно иллюстрирует оружие, доспехи и костюм аристократии турецкой империи Сельджукидов, стилистически весьма сходные с ближневосточными.

Подобные небольшие статуэтки вооруженных всадников появились в Персии в конце XII – начале XIII веков. Этот, например, вооружен булавой, за спину заброшен щит, за седлом на крупе лошади сидит охотничья кошка.

щего на северо-востоке с предместьями Парижа). К 1180 году Балиан д.Ибелин являлся одним из наиболее уважаемых баронов королевства и обладал полунезависимой властью на юге Палестины. Кроме того, он был вторым мужем вдовствующей королевы Марии Комнины и свекром принцессы Изабеллы. Пользуясь доверием всех сторон, часто являлся посредником в переговорах между королем Гвидо и Раймоном, графом Триполи, и даже между мусульманами, а Саладин считал его своим личным другом.

Тем не менее, Балиан остался убежденным христианином и преданным защитником королевства. Поклявшись не поднимать более оружие против султана, Ибелин получил разрешение Саладина вывезти свою семью из Иерусалима, которому грозила осада, но впоследствии, освобожденный от этой клятвы патриархом Иерусалимским, возглавил защиту Святого города, показав чудеса храбрости и решительности. Несмотря на противостояние и религиозное различие, христианский барон Ибелин и египетский султан Саладин испытывали друг к другу чувство огромного уважения, благодаря которому султан смог понять причины нарушения данной Баллианом клятвы и простил его, когда Иерусалим, наконец, пал 2 октября 1187 года.

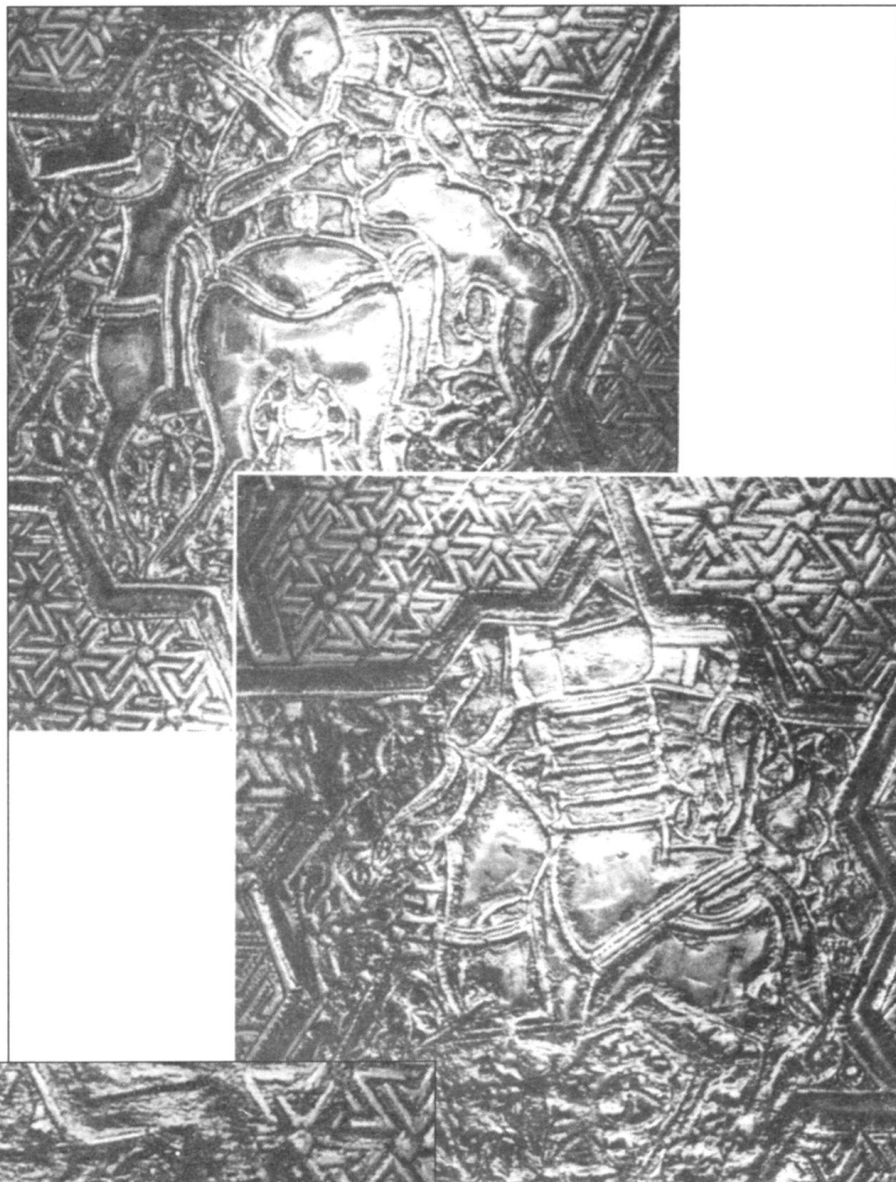
Изображение двух конных воинов на изразце из Кашана, Персия, середина XIII века. У переднего всадника небольшой круглый щит, а задний держит обеими руками копьё.

Противоборствующие армии

Силы Саладина: набор новобранцев

Средневековые мусульманские армии являлись значительно более высокоорганизованными сравнительно с армиями их противников-крестоносцев, а некоторые аспекты их структуры, тактики и традиций восходили к организации армий древних римско-византийской или персидской империй. Армии комплектовались, в основном, профессиональными воинами, хотя религиозные добровольцы также играли свою роль в борьбе с вторгшимися в Сирию и Палестину крестоносцами. Как и в Европе, наличие лошади также придавало ее владельцу особый статус в средневековом исламском обществе. С другой стороны, элита стран Востока, начиная, по крайней мере, с IX века, охотнее проживала в городах, чем в разбросанных по стране замках, как феодальная аристократия Запада. Регулярные воинские соединения квартировали в пределах городских стен, в то время как иррегулярные войска становились лагерем вне стен. Турки и курды, которые составляли основную массу воинов-профессионалов, были людьми грубыми по сравнению с арабскими эмирами старого режима Фатимидов, отсюда и отношение городских жителей к ним, как к варварам, соседство с которыми приходилось терпеть по необходимости. Эти профессионалы часто происходили из старинных военных родов, молодые воины которых, приобретя опыт командования и

Три изображения мусульманских воинов на поврежденном основании подсвечника начала XIII века из Персии. На верхней всадник изображен со спины, на средней – всадник с изогнутой саблей и в панцире джошан. Внизу – пеший воин с саблей и небольшим круглым щитом.

навыки тактики, сражались затем бок о бок со своими родственниками в составе армий различных восточных правителей. В отличие от прежде зависимых мамлюков, имевших ранее статус рабов и владевших исключительно военной профессией, свободнорожденные воины в мирное время часто занимались и другими видами деятельности, включая торговлю. Среди тех, кто занимал высокие посты в армиях мусульманского Востока, встречались военачальники и простого происхождения, однако во времена Саладина большинство таких являлись людьми свободнорожденными, а не из набранных из рабов мамлюков.

О соотношении различных этнических групп в исламских армиях XII века судить нелегко, поскольку невозможно по военачальнику судить о составе его армии. Войска Саладина выросли из армии его предше-

ственников, Зенгидов, государство которых, как и большинство государств, возникших после распада великой империи сельджуков в начале XII века, являлось высокомилитаризованным. Посланные Нур-ад-Дином в 1169 году в Египет войска, в которых находились и Саладин, состояли из 6000 турок, 2000 курдов и небольшого элитного отряда из 500 мамлюков. Вокруг этих сил Саладин и построил свою армию, когда принял власть над Египтом несколькими годами позднее. Сначала он также использовал старые формирования Фатимидов, но большинство из них были расформированы вскоре после того, как он сделался султаном.

В Сирии и Джазирском регионе Саладин проводил политику набора войск из побежденных мусульманских противников. Верности тех, кто присоединился к нему, льстило присвоенное им название «асабийя» (asabiyah), или «гордость рода», и вскоре воины Саладина доказали свое превосходство над войсками Восточной Анатолии и Персии. По мере распространения власти Саладина наместниками провинций создавались региональные армии. Набор в них часто отличался от набора в собственно войска Саладина. Войска Алеппо, в основном, формировались турецкими племенами, такими как юрюки, в Дамаске набирали арабов из центральной Сирии, а курды играли видную роль в вооруженных силах Мосула. И тем не менее, ядром большинства таких армий оставались набранные из рабов мамлюки. Исключительно предан-

ные человеку, который их купил, обучил и даровал им свободу, такие воины веками составляли отряды личных телохранителей калифов династии Аббасидов. Саладин совместил старую практику Аббасидов и более новую Фатимидов, покупая чаще рабов языческого турецкого происхождения из Малой Азии. Эти элитные воины затем присоединились к гвардии Саладина, которая также охраняла арсеналы, несла гарнизонную службу в важнейших укрепленных пунктах, а во время сражений занимала центр армии Саладина.

Самой большой этнической группой в его армии являлись турки – основной военный элемент Сирии с начала XII века. Некоторые турецкие племена перекочевали в Северную Сирию в 1120-х годах, но большая часть турецких войск до сих пор набиралась из племен турок в регионе Дийярбакр. Второй по численности группой являлись курды, сражавшиеся, в основном, в конном строю или в качестве лучников, но, по-видимому, они не пользовались тактикой конных лучников, распространенной у их турецких противников. Саладин набирал их как по одиночке, так и целыми отрядами из состава различных племен, причем такие племенные отряды действовали в сражениях, в основном, как единое формирование. Третьим важным этническим элементом войск Саладина являлись арабы. После военного возрождения Византии в конце XI века в Северной Сирии произошло восстановление кочевого образа жизни. Однако

несмотря на то, что кочевники-арабы имели много лошадей и прекрасно владели луком, они предпочитали сражаться в пешеходных порядках, мечом или копьем. Тем не менее, к ужасу оседлых арабских крестьян и жителей городов, бедуины продолжали составлять существенную часть вспомогательной, иррегулярной конницы в войсках правителей Сирии XII века. В армии Саладина их именовали «куфли» (qufl – пехотинцы-диверсанты, специализировавшиеся на диверсиях на коммуникационных линиях противника) либо «лизусами» (lisus – конница, просачивающаяся в тыл врага), чьим назначением было прерывание путей снабжения вражеских войск.

«Муттавийя» (muttawiyah) или религиозные волонтеры часто служили очень непродолжительное время, но могли быть чрезвычайно эффективной силой, в особенности, при уничтожении рассеявшихся или отставших воинов противника. Впрочем, правителям всегда было трудно контролировать действия этих фанатиков ислама, в отличие, например, от «адат» (ahdath), воинов городских ополчений. Адат набирали, в основном, из беднейших слоев городского населения. В XII веке их основной функцией являлось несение полицейской службы в городах, хотя при необходимости они могли сражаться в составе регулярных войск правителя. При Фатимидах в адат палестинских городов наряду с мусульманами набирали и евреев, а вот состав адата Саладина доподлинно не известен. Кроме адата, в со-

Арабский воин-бедуин препятствует драке между двумя путешественниками. Эта миниатюра, взятая из «Мақатат» Аль Харири из Мосула, выполнена в 1256 году. Обратите внимание на большую длину копья, что характерно для вооружения арабских всадников.

Барельеф XI – XII века над окном мечети в Кубачи, Дагестан. Только в таких изолированных тюркских регионах еще можно найти сохранившиеся памятники исламской средневековой скульптуры. На барельефе изображен конный лучник, колчан которого имеет типично турецко-среднеазиатскую коробкоподобную форму.

став местных войск входили отряды незаслуженно презираемой пехоты – «раджала» (rajjalah). Пехотинцы этих отрядов всегда являлись профессиональными воинами, а богатый город Алеппо славился своей пехотой, воины которой, к тому же, отличались хорошо развитым чувством юмора. В 1071 году, когда турки-сельджуки осадили Алеппо, защитники города, обмотав шелком вершину самой мощной башни из системы городских укреплений, послали предводителю турок письмо с жалобой, что непрерывно бросающие камни осадные машины причиняют башне головную боль! Кроме того, в дни правления Саладина Алеппо всё еще был знаменит своими минерами и осадными инженерами, а гарнизон цитадели Алеппо регулярно осматривали профессиональные врачи, оплату услуг которых производил правитель города. У Саладина также служили инженеры из далекого Хурасана и султан был просто счастлив, получив от багдадского калифа из династии Аббасидов специалистов «пороховых дел». Немалым был вклад и Северной Африки, поставившей для флота султана экипажи боевых

Персидская глянцевая тарелка конца XII – начала XIII века с изображением воина с высоким миндалевидным щитом, имеющим усеченное основание. Такие «джанувийя» или щиты-«мантелеты» (mantlets), специально предназначались для пехоты. Турбан воина и рукоять его прямого широкого меча представляют стиль, широко распространенный на Ближнем Востоке задолго до вторжения турок-сельджуков.

кораблей – общеизвестно, что магрибы (жители Северной Африки) всегда считались лучшими в мусульманском мире моряками.

Организация войск Саладина

Армия Саладина подразделялась на различные по количеству воинов отряды. Самыми малочисленными из них являлись «джарида» (jarida – 70 человек) и «тулб» (tulb – 70-200 человек), каждый из них имел собственное знамя и трубача. «Джама,а» (jama,a), возможно, являлась тактическим подразделением, состоящим из трех джарид. «Сарийя» (sariya), боевая единица из 20 всадников, могла обозначать отряд, приспособленный действовать из засады («ад хок» - ad hoc), либо отряд гвардии или разведывательную группу – («сака» - saqa). В отличие от своих латинских противников, в войсках мусульманских правителей существовало четкое деление военачальников на ранги от «эмира» (amir - офицер) и дальше по возрастающей: «эмир кабир» (amir kabir) - старший офицер, «хазиндар» (khazindar) - комендант стратегически важной цитадели, «эмир джандар» (amir jandar), «эмир хаджиб» (amir hajib), «улад аль дар» (ustadh al dar) и «хаджиб» (hajib) - старшие военачальники; «исфасалар» (isfahsalar) - командующий армией. «Раис» (ra, is) возглавлял ополчение адат, тогда как «шина» (shihna) был шефом полиции. Служба воинов регулярных формирований вознаграждалась постоянным жалованием, «джамакийя» (jamakiyah), или земельным наделом, «икта» (iqta - равнозначен европейскому феодальному наделу, лену). Система выплаты жалования или выдачи наделов контролировалась структурой «Диван аль Фэйш» (Diwan al Faysh) – нечто наподобие военного министерства - ведавшей также учетом отрядов, их составов, мест дислокации и время от времени проводившей смотры для проверки выучки и снаряжения войск. Воины, зачисленные в регулярные отряды, получали оружие из арсеналов правителя бесплатно, но если снаряжение терялось, то его стоимость взималась из жалования. Любые изменения ранга воина, его статуса или места службы учитывались регистраторами.

Икта или земельный надел являлся одним из важнейших факторов военной системы, представляя собой по сути облагаемую налогом сельскохозяйственную единицу, держатель которой, «мукта» (muqta), получая часть дохода с земли, обязывался лично нести военную службу, а также снаряжать и содержать определенное количество воинов. Одной из особенностей, отличающей икта от европейского феодального надела, являлась сравнительно простая процедура лишения владельца его земель. А территории, входящие в икта, иногда были огромны. Например, те, которыми наделялись члены правящей династии, представляли собой целые провинции. Другие являлись не менее значимыми – наместничества в городах, замках, стратегически важных округах – эти икта даровались наиболее зас-

«Иранская армия покидает Фуруд» - сцена из «Шахнамэ» на разбитой персидской плитке начала XIII века. Четыре воина из шести изображенных имеют шлемы с защитой шеи. На одном из находящихся на переднем плане воинов кольчужный хауберк, у другого – массивная булава «гурз». На заднем плане справа воин несет два свернутых знамени, тогда как другой бьет в барабаны, несомые мулом.

луженным старшим военачальникам. Эмиры меньшего ранга получали деревни и города второстепенного значения. Естественно, статус земельных наделов значительно варьировался даже в пределах одного региона. Исследование состояния дел после смерти Саладина показывает существование различных по значимости икта: от надела, владелец которого должен был выставить для службы в войсках правителя 120-250 всадников, как, например, наместник городов Наблус и Джинин, до небольшого икта предводителя отряда в 70 всадников. Худшие земли отводились под наделы для ополчения «аджнад» (ajnad) или вспомогательных войск бедуинов. Икта также могла даваться в виде жалования или пенсии, выплачиваемых из казны правителя.

Среди различных категорий войск набранные из рабов мамлюки формировали, в основном, элитные подразделения телохранителей правителя, «аскари» (askar). Подчинявшиеся строгой дисциплине и гордые

своим статусом, аскари несли также гарнизонную службу в стратегически важных пунктах или служили в качестве охраны арсеналов. Подразделения элитных войск также различались по количеству воинов. «Халка» (halqa) являлась большим формированием, возможно, сравнимым по численности с полком. К «тавашийя» (tawashiya), как во времена Саладина ещё называли воинов элитных отрядов, относили как мамлюков, так и свободнорожденных всадников, сопровождаемых слугами или собственными мамлюками. Для перевозки имущества и денежных средств для закупки снаряжения использовались около десятка вьючных животных. Хорошо организованные отряды таваши, которые отбывали воинскую повинность в течение нескольких месяцев в году, в бою смыкались вокруг предводителя. Воины из аджнад или территориального ополчения имели значительно более низкий статус, хотя и являлись должным образом экипированной конницей, ис-

сигнальные башни, посредством которых чрезвычайные сообщения из приграничья могли доставляться с необычайной скоростью. Равноважное значение имело и снабжение армии вооружением. В большинстве мусульманских городов процветали оружейные базары, а во многих из них, таких как Алеппо, Дамаск, Каир или Мосул, имелись собственные кварталы мастеров-оружейников. Оружие и предметы защитного вооружения выдавались войскам из арсеналов «задкана» (zardkana) - в начале военной кампании. На марше, однако, доспехи и большая часть оружия хранились в обозе – «тукль» (tuql). Это придавало войскам мобильность и быстроту передвижения, но могло привести и к катастрофе в случае, если бы разведка не сообщила о приближении неприятеля или внезапной атаке. Поэтому тукль находился под началом опытного и заслуживающего доверия эмира. Вместе с обозом также двигались метатели «греческого» огня, кузнецы и мастера-оружейники для починки оружия, осадные машины с осадными инженерами и землемерами, а также все некомбатанты: слуги, погонщики мулов, верблюдов и ослов, писцы, религиозные функционеры, доктора и хирурги. Последние формировали фактически мобильный госпиталь. Раздел добычи в мусульманских армиях всегда происходил очень аккуратно: пятая часть шла правителю, остальное распределялось в войсках. Многие потом могло быть продано торговцам из солдатского базара – «сук аль аскар» (suq al askar), которые также составляли часть обоза. При нужде эти торговцы тоже поставляли вооружение и другое военное снаряжение.

Уникальный фрагмент керамической вазы конца XII – начала XIII века из Египта с изображением мусульманского всадника в кольчужном хауберке и кольчужных чулках «кальзат аль зард» (kalzat al zard).

пользуемой в качестве конных лучников. Пехота, несмотря на ее главенствующую роль в осадном деле, ценилась уж совсем низко. Большинство пехотинцев являлись лучниками или арбалетчиками. «Джанибы» (janib) могли действовать мобильными отрядами, передвигаясь на мулах, но единственными поистине элитными подразделениями пехоты можно назвать только «нафатинов» (nafatin) – метателей «греческого огня». Профессиональным пехотинцам, по крайней мере, в военное время, платили жалованье. Денежное жалованье получали также специалисты осадного дела, такие как «наккабуны» (naqqabun – минеры), «хаджаруны» (hajarun – каменотесы) или «наджаруны» (najarun – плотники).

То, что особенно отличало армию Саладина от ее латинских противников, так это существование в ней вспомогательных служб, таких как служба связи или почтовая служба правителя «барид» (barid), использовавшая голубей и курьеров, а также

Воин в тюрбане и с прямым мечом, висящим, скорее, на перевязи, чем на поясе. Изображение в манускрипте по медицине, написанном в Ираке в 1224 году.

Внешность, костюм и рудиментарные формы геральдики различали отдельные личности и целые этнические группы внутри военной машины армии Саладина. В то время как род Айюбидов (курды) и турки носили длинные волосы, арабы, за возможным исключением бедуинов, брили головы. Почти все мусульмане имели бороды и усы, но морякам флота Саладина приходилось сбрасывать растительность на лице, чтобы походить на крестоносцев, когда они прорывались через латинскую морскую блокаду. Высокая желтая шапка, называемая «калоута» (kalauta) и носившаяся исключительно Айюбидами, в это время начала заменяться различными формами тюрбана ближневосточных турок, завоевывавшего все большую популярность в среде правящего класса. Пояс «хияса» (hiyasa), изготовленный из соединенных металлических пластин, отличал воинов элитных подразделений, в то время как эмиры носили «шарбаш» (sharbush), кожаную шапку, отороченную мехом, с возвышающимся лицом. Лента из богато вышитой ткани, «тираз» (tiraz), с начертанным кратким посвящением, давалась правителями своим приверженцам в

знак лояльности. Краткие надписи возникают с XI века и на щитах, а позднее щитовые девизы становятся весьма распространенным явлением. Девизы и начинающие приобретать популярность цвета указывают на сильное иранское влияние, возникшее, возможно, благодаря чрезвычайной популярности эпической поэмы «Шахнамэ» (Shahnamah), но сложившейся системы мусульманской геральдики не существовало вплоть до воцарения в середине XIII века последовавшей за Айюбидами мамлюкской династии. Девизы сохранили персональный, а не наследственный характер, однако, вместе с тем, на Востоке так и не был создан какой-либо институт, регулирующий геральдические правила и контролирующей законность присвоения гербов, как это было сделано в Европе.

В отличие от находившейся в зачаточном состоянии геральдики, в восточных армиях особое значение имели различного рода флаги и знамена. Так, по мнению свидетелей-крестоносцев, личный флаг Такиад-Дина выглядел как брюки, хотя увиденный европейцами стяг вполне мог быть знаменем в виде двойного воздушного змея,

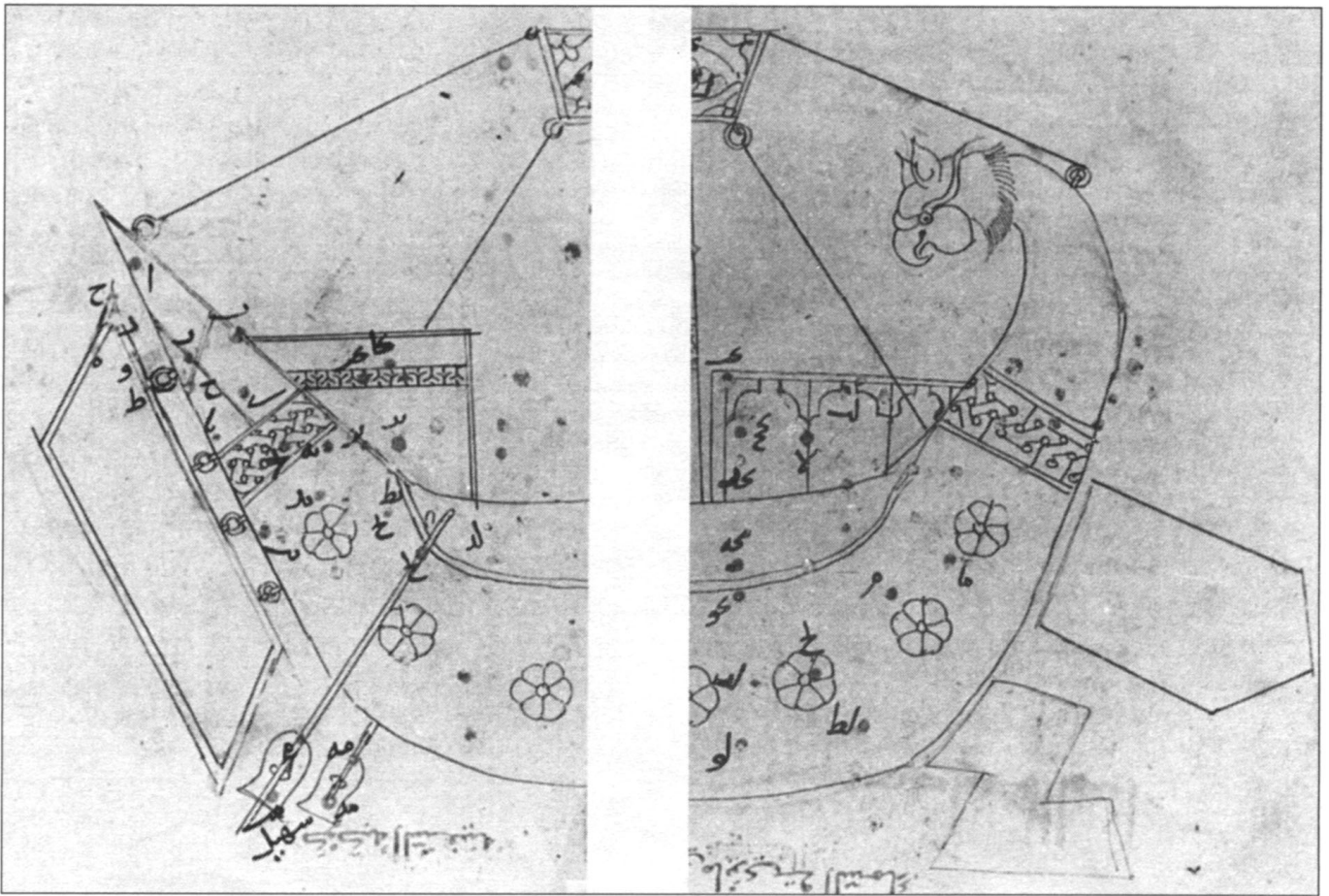
используемого турками и иранцами на протяжении многих сотен лет, либо флагом в виде двулезвийного «Меча Али» или турецкого племенного знака «тамга» (tamga). Достоверно известно, что войска Такиад-Дина выступали под знаменем желтого цвета, главного цвета Айюбидов. Тем не менее, он не являлся основным цветом исламского символизма (это были зеленый, белый, черный и красный цвета) и поэтому в первое время владычества курдской династии не был особенно популярен среди населения империи Айюбидов. Арабы и курды пользовались и другими флагами самой разнообразной формы, а турки имели обычай носить штандарты из конских хвостов, называемые «так» (tuq).

Тактика мусульманских войск

Саладин, в основном, пользовался старинной набеговой тактикой арабов Ближнего Востока «раззия» (razzia), хотя и внес в нее некоторые изменения. Прежние монолитные армии смешанного состава, состоящие из пехоты и конницы, сменили элитные подразделения конных лучников-мамлюков,

«Оборона замка» из манускрипта *Mozarabic* из Каталонии, написанного примерно в 1100 году. Здесь мы находим одно из наиболее четких изображений «лу,аба» (lu,ab) – противовесного мангонеля, приводимого в действие тяговыми веревками. Эта камнеметная машина широко использовалась и мусульманами, и христианами в Испании и на Ближнем Востоке.

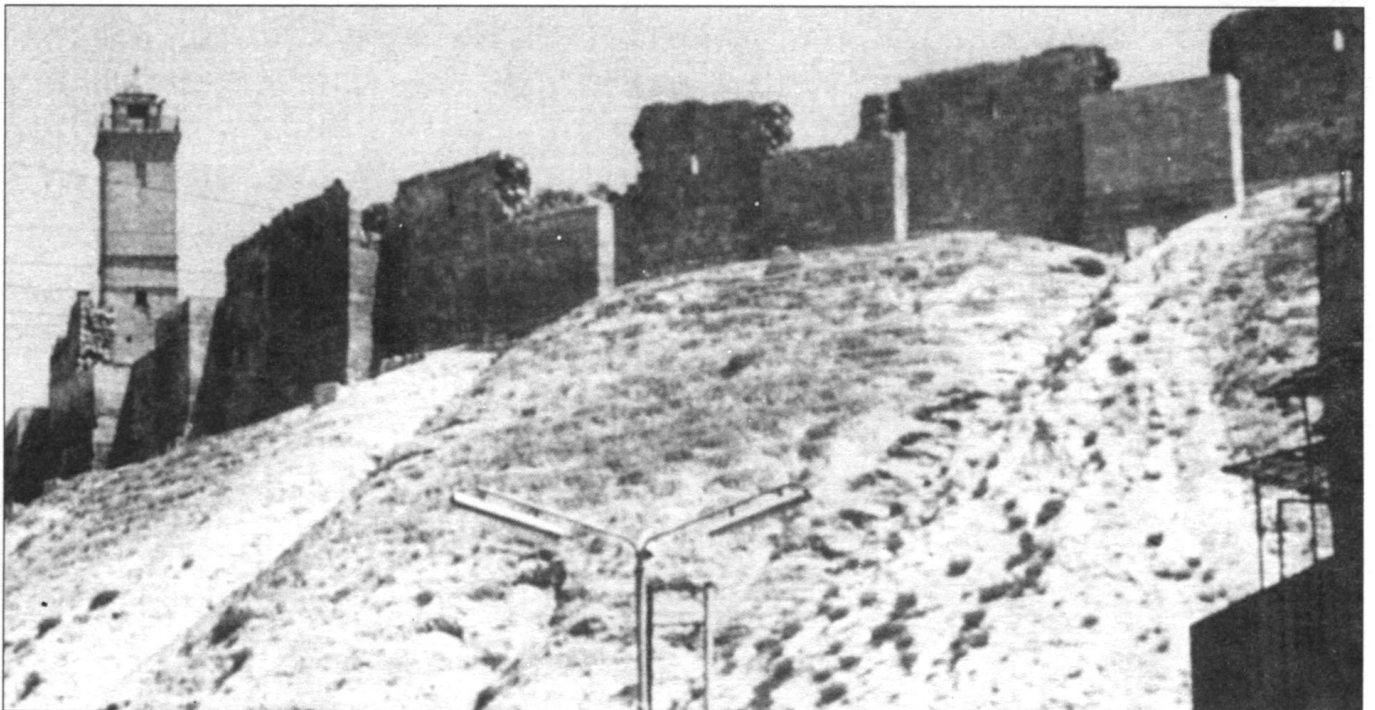

«Арго» из «Книги созвездий» или «Сувар аль Кавакиб» (*Suwar al Kawakib*), написанной, вероятно, в Египте 1130 - 1131 годах. Мачта и центральная часть корпуса на сохранившемся фрагменте изображения корабля отсутствуют, однако корабль совершенно определенно имел рулевое перо, подвешенное на петлях, хотя художник и изобразил пару рулевых весел в качестве элемента звездного неба.

поддерживаемые вспомогательной конницей, использующие турецкую тактику быстрого маневра, расседоточения и тревожащих набегов. Принципы боевых построений, расположения лагерем, маршевых построений, ведения осады и контр-осады во времена Фатимидов, Айюбидов и мамлю-

ков были очень схожи. Осадная тактика Саладина почти полностью повторяла таковую у его предшественников Фатимидов, в то время как его конница пользовалась намного более гибкой тактикой, чем конница крестоносцев. Всадники Саладина, в определенных условиях, могли даже выдержать

полномасштабную атаку латинских рыцарей, в связи с чем мусульманскому всаднику конца XII века требовалось значительное мастерство. Восточные литературные источники в теоретических выкладках боевой тактики также отдавали предпочтение копью, удар которым наносился одной или

Вид цитадели Алеппо не изменился с XII или даже X века, хотя ее стены и подверглись некоторой перестройке в XVI веке. Высокая башня справа – минарет Великой Мечети, построенной сыном Саладина Аль Захиром Гази.

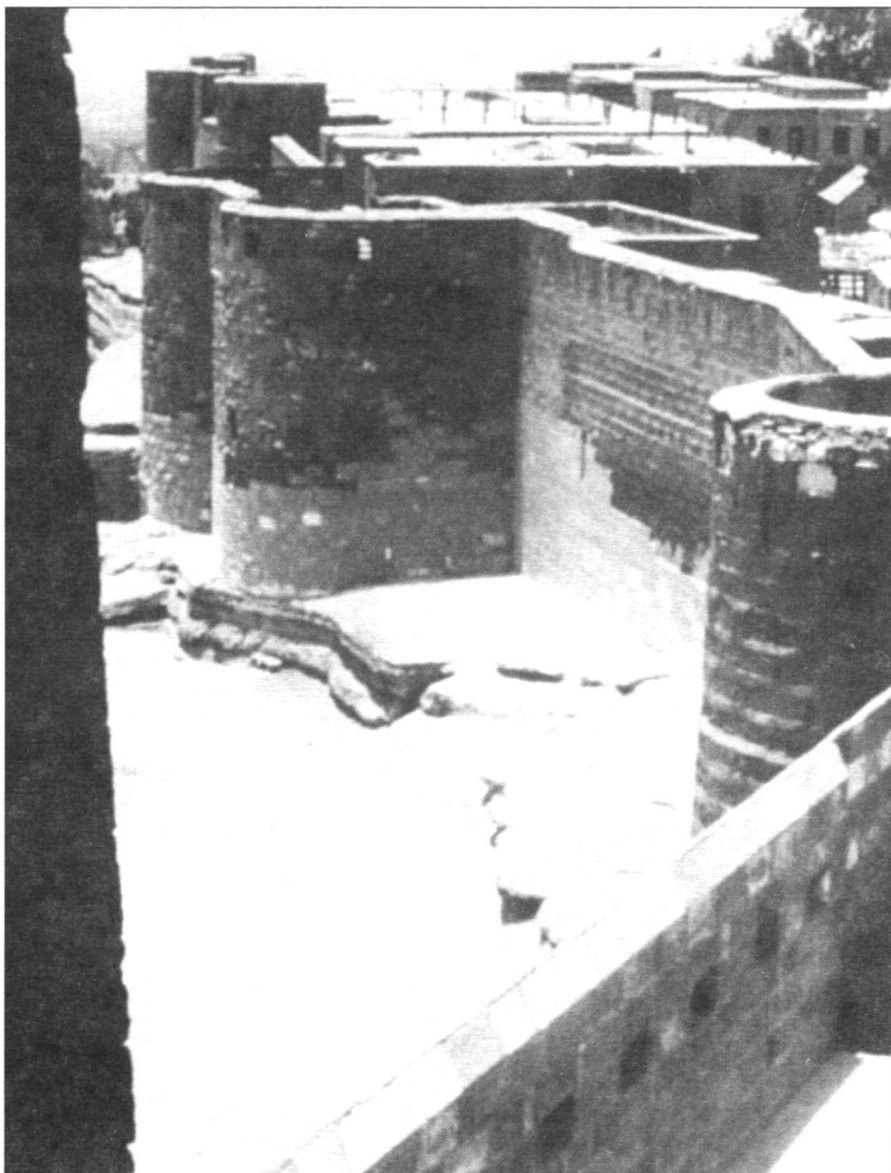
двумя руками. Если копье бросали во врага, всадники доставали мечи. И только в турецких источниках много внимания уделялось лукам.

Тактические руководства по конному бою, разработанные в то время, регламентировали начало и ход атаки, притворное отступление, ведение боя в круговом движении, уклонение от противника и возобновление атаки. Конным лучникам давались наставления, как лучше управлять лошадью при стрельбе из лука на скаку и как при этом лучше стрелять. Приводились рассуждения о преимуществах луков той или иной конструкции и различных видов стрел, а также о применении наперстков на большой палец при стрельбе на дальние дистанции. Вспомогательные подразделения арабов-бедуинов специализировались на устройстве засад, особенно, в знакомой местности. Лучшим временем для осуществления набеговых операций считались ночь, туманная, пасмурная или дождливая погода. Если противник обладал подавляющим преимуществом сил, рекомендовалось атаковать его расположение перед рассветом, захватывая сонного врага врасплох. Больших сражений, в основном, избегали, но если они происходили, то очень трудно сказать, насколько реальноприменяемая тактика Саладина соответствовала тактическим теориям.

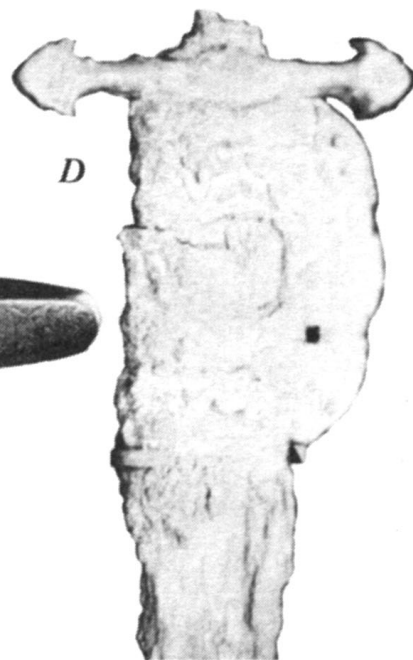
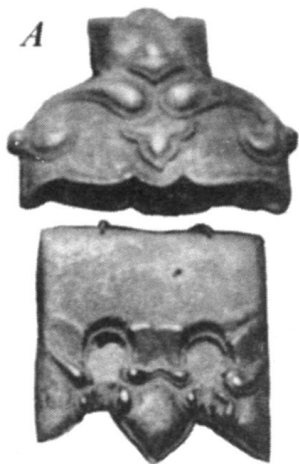
Отборная гвардия султана, «джандарийя» (jandariyah), держалась рядом с правителем и, хотя Саладин обычно размещал лучшие полки халка в центре построения своей армии, эти войска могли действовать также как самостоятельные формирования. Тяжеловооруженная конница использовалась для прямолинейных атак, действуя схоже с латинскими рыцарями, и, как и рыцари, делилась на небольшие отряды «талб» (tulb). Однако наиболее эффективной считалась атака конных лучников, которые обстрелом с дальней дистанции могли расстроить боевые порядки противника, ранив коней, всадников и пехоту. При стрельбе с ближней дистанции наиболее широко использовавшийся на Востоке составной лук мог пробить практически любой доспех XII века. Значение пехоты в армиях исламского Востока значительно уменьшилось уже в XI веке, но, тем не менее, она до сих пор применялась во всех крупных сражениях. И уж никак нельзя приуменьшить роль пехоты при ведении осад. И хотя многие мусульманские хронисты отзывались о пехоте не иначе как о сброде («харафиша» - harafisha), султан Саладин, даже в сражениях с братьями-мусульманами, придавал огромное значение отделению пехоты врага от его конницы. Особенности местности использовались исламскими тактиками в полном объеме. Ширку в 1167 году спровоцировал рыцарскую кавалерию латинян на бесперспективную атаку вверх по склону, состоящему из рыхлого песка, а Саладин неоднократно использовал для укрытия своих резервов искусственные холмы из строительного мусора «таль» (tal), характерные для Ближнего Востока в местах длительного

Стены северной части городских укреплений Дамаска XII века за линией римских укреплений III века. Эта стена возвышается над рекой Барада на участке между воротами Баб Тума и Баб аль Салам и не имеет башен. Башни были возведены только на восточных, южных и западных стенах городских укреплений.

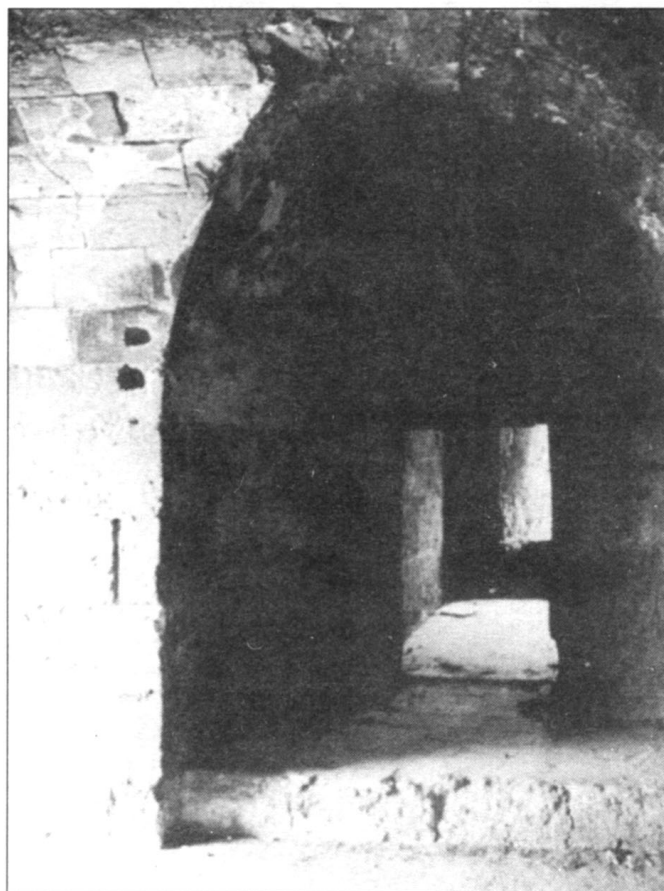
Южные стены цитадели Каира на участке между башнями Бурдж аль Рахла и Бурдж аль Имам, построенными между 1183 и 1207 годом.

A: Бронзовые матрицы XII- XIV веков для отливки перекрестья меча и накладок на ножны. Экспонат музея Метрополитен в Нью-Йорке.

B: Золотой меч-квиллон XIII-XIV веков из Ирана. Экспонат Городского музея искусства, Сент-Луис.

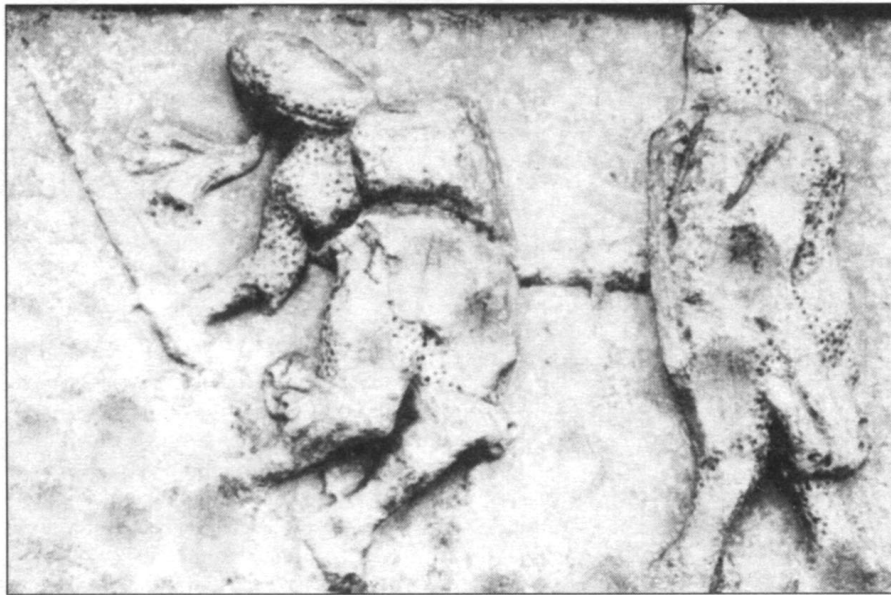
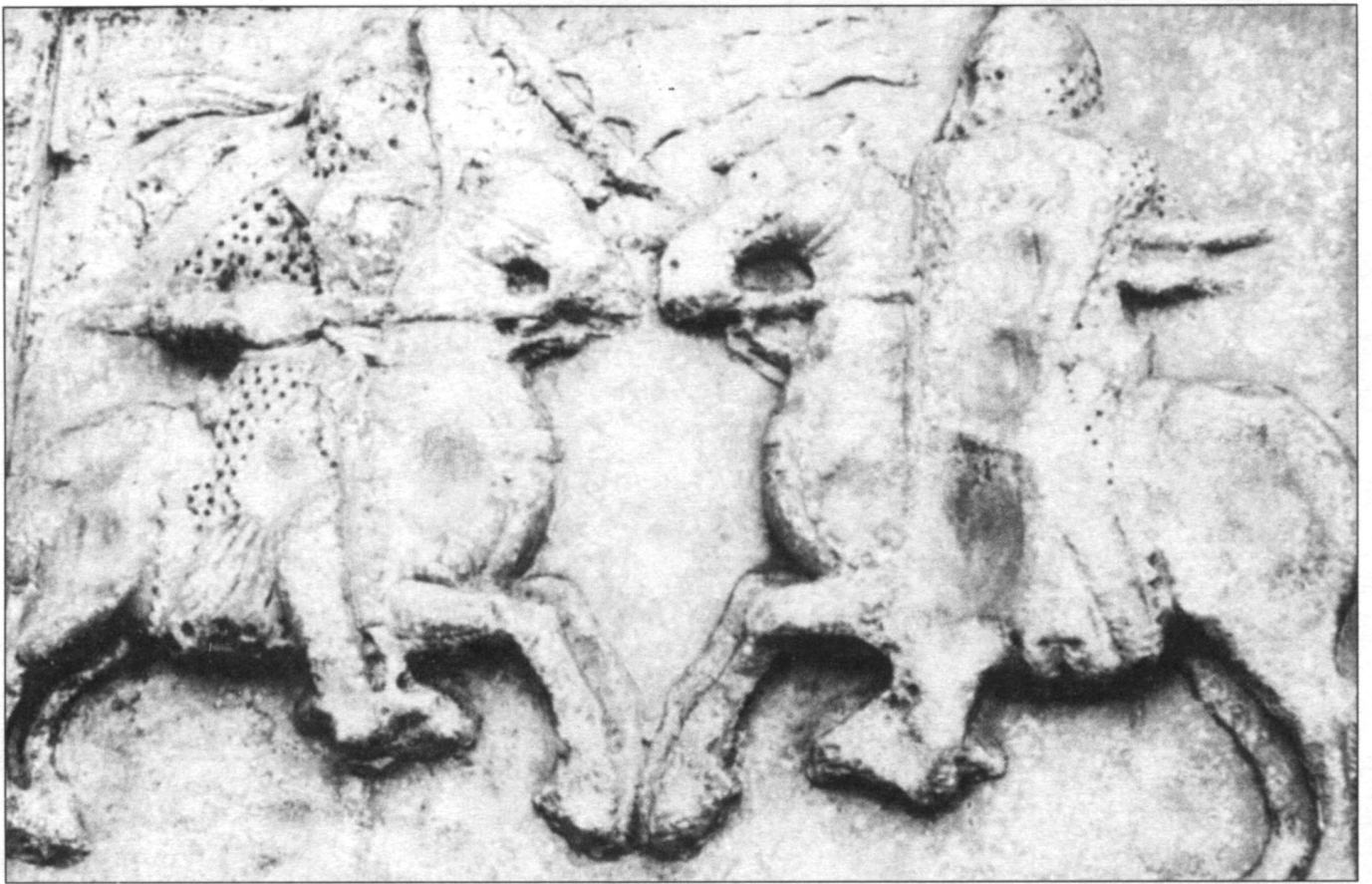
C: Бронзовый квиллон с яблоком X века из Египта, украшенный CXII сурой из Корана. D: Сабля X века с бронзовой оправой ножен из Ирана. Экспонат музея Метрополитен, Нью-Йорк.

Интерьер одной из бойниц в башне Бурдж аль Рамла цитадели Каира, начатой постройкой в конце правления Саладина.

проживания людей. Утонченная восточная тактика требовала надежных средств связи на поле боя и в этих целях мусульмане использовали музыкальные инструменты, сигналы флагами и глашатаев «джаваш» (jawush) и «мунади» (munadi).

Основной целью военных экспедиций являлась осада городов и укрепленных мест на территории противника. Легковооруженные отряды первыми достигали и блокировали вражеские твердыни. Затем, прежде чем приступить к рытью траншей, осаждающие защищали свои позиции палисадами. В ходе осады могли быть построены осадные башни, а минеры подводили подкоп под стены осажденной крепости. Последнее требовало наличия опытных специалистов и известной осторожности, однако можно с уверенностью сказать, что мусульмане при осаде крепостей применяли подкопы значительно чаще, чем крестоносцы. Помимо стенобитных орудий, мусульмане имели большое количество камнеметных машин, достаточно мощных, чтобы разрушить стены или, по крайней мере, зубцы стен, за которыми укрывались защитники крепости. Многочисленные метательные машины меньших размеров применялись, преимущественно, против живой силы противника, ослабляя силы защитников крепости перед решающим штурмом. Одной из важнейших задач осаждающей стороны в этот период осады являлась защита осадных машин и поддерживающих конструкций туннеля подкопа от возможных вылазок осажденных. Как только в стене была пробита брешь или закончен подкоп, гарнизону давалась возможность сдаться. Если предложения о сдаче крепости осажденными отклонялись, организовывались штурмовые группы, командование над которыми принимали лучшие военачальники. Начавшийся штурм мог быть приостановлен, когда штурмующие достигали бреши или пролома в стене – осажденным давали последнюю возможность сдаться. Осада могла длиться месяцами и в таких случаях сам лагерь осаждающих превращался в большой город. Во время осады Акры в 1190 году в лагере Саладина насчитывалось более 7000 лавок и 140 кузниц. Крупнейшие торговые точки лагеря, помимо продовольствия, торговали одеждой, бившим в употреблении и новым оружием. В лагере было около 1000

«Бой между Роландом и Фарагутом» - барельеф примерно 1138 года на фасаде церкви в Сан Зено в Вероне. Классический рыцарский бой начинается с «преломления копий» и заканчивается схваткой на мечах. Тот же сценарий имеют и бои, описание которых можно в достатке найти в арабских героических повестях Ближнего Востока.

бань, содержащими которых были, в основном, выходцы из Северной Африки. Все эти заведения контролировались военной полицией. Контраст со зловонными лагерями крестоносцев, да и вообще западноевропейских армий того времени, являвшимися очагом различных болезней, вряд ли может быть более удручающим.

Мусульманские армии были так же искусны и в обороне укреплений. Архитектурный облик крупнейших твердынь Востока имел характерные черты, восходящие еще к доисламскому периоду. Основой исламской военной архитектуры, как и в Европе, являлась башня, или «бурж» (burj). В то время как на Западе в XI-XII веках крытые галереи поверху стен и башен являлись скорее исключением либо совсем отсутствова-

ли, на Востоке они являлись весьма распространенным явлением, а сами крепостные стены были скорее высокими, чем толстыми. Коренные перемены в крепостной архитектуре произошли несколько позднее, в начале XIII века, в результате появления противовесного мангонеля (mangonel) — метательной машины, действующей по принципу противовеса, но во времена Саладина мангонеля еще не было. В состав гарнизонов крепостей входили каменотесы, саперы, арбалетчики, метатели дротиков и «греческого» огня, а также специалисты по камнеметным машинам. При появлении в окрестностях города или крепости первых отрядов противника и в преддверии осады все окрестные водные источники загрязнялись, а при начале осады в лагерь против-

ника металась трупы животных с целью распространения среди осаждающих опасной заразы и болезней. При малейшей возможности, в особенности, до того, как осаждающие раскидывали лагерь, гарнизон атаковал еще разрозненные отряды противника, и, если осада всё-таки начиналась, защитники стремились тревожить лагерь врага частыми ночными вылазками, имевшими целью застать осаждающих врасплох и сжечь осадные машины. Иногда вылазки производились и днем, в этом случае нападающие действовали в плотных построениях.

Основной задачей флота Саладина являлась быстрая переброска войск из Египта в Сирию и прерывание морских коммуникаций между латинскими государствами и Западной Европой. Основу исламского флота составляли большие морские суда, ничем не отличавшиеся от торговых, и боевые галеры, а в состав их экипажей, помимо моряков, входили также лучники, метатели «греческого» огня, обслуживавшие метательные машины специалисты, а также воины абордажных партий. Когда мусульманские галеры сталкивались с флотом противника, они строились в компактные порядки либо использовали широкое по фронту построение в виде полумесяца, очень часто

Две фигуры на своде кафедрального собора в Монреале, Сицилия, относящиеся к концу XII века. Многочисленные резные фигуры собора Монреалья демонстрируют значительно большее разнообразие доспехов и оружия, чем в странах Северной Европы того периода, что может быть результатом не только различия климатических условий, но и специфических условий Средиземноморья, где особенно сильно ощущалось влияние военных традиций Византии, арабских и латинских государств Ближнего Востока.

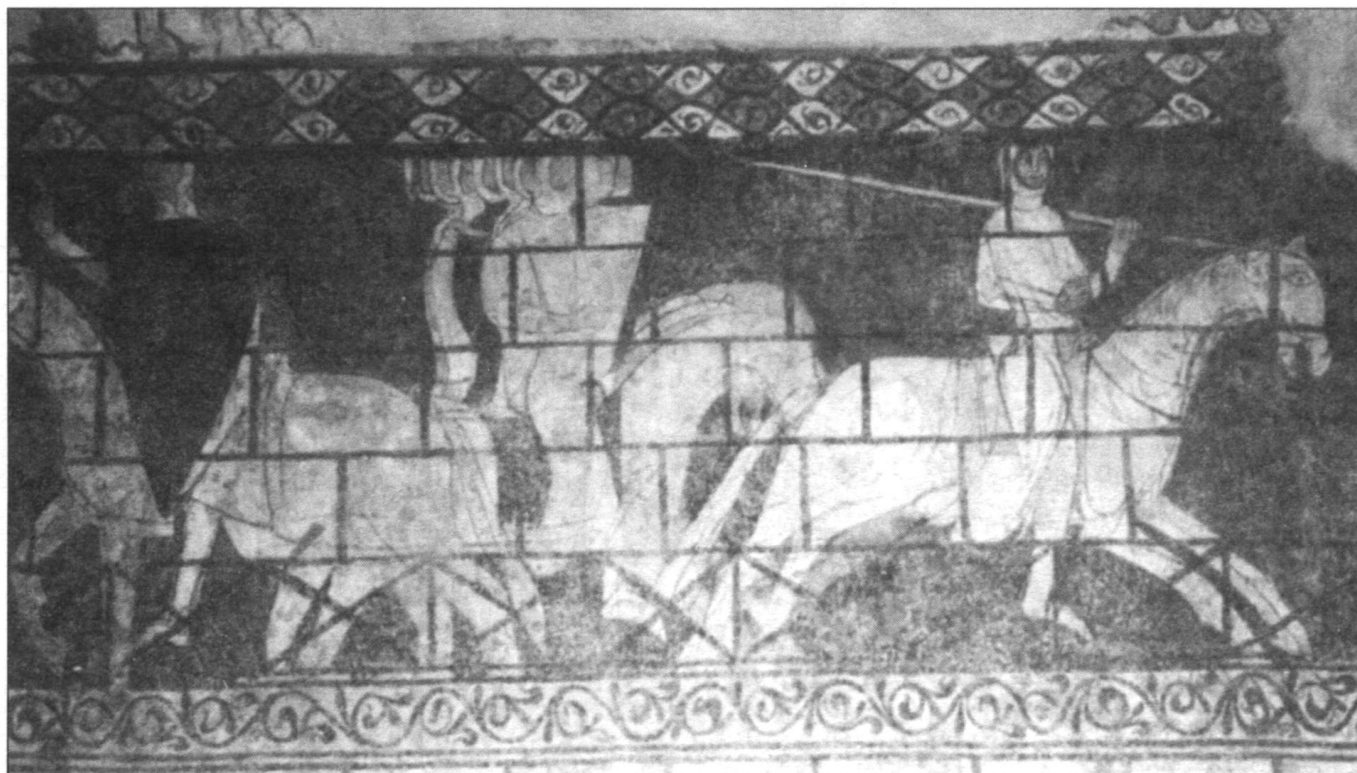
применяли такие тактические приемы, как притворное бегство с целью сломать строй бросившегося в преследование противника, а также максимально использовали особенности береговой черты для укрытия своих кораблей. Несмотря на то, что морская мощь исламских государств уже более века находилась в упадке, в литературе XIII века всё ещё часто отмечается превосходство мусульман над византийцами в морском военном искусстве, однако ни те, ни другие не могли сравниться с доминирующими тогда в Средиземноморье итальянскими флотами. Корабли Саладина практически ничем не отличались от кораблей противника. «Шини» (shini) – стандартная боевая галера египтян, однако большинство парусных грузовых судов также оснащались веслами. Относительно парусных судов известно, что трехмачтовые корабли строились мусульманскими корабельщиками Средиземноморья

ещё за век до того, как они появились в христианских флотах. Уже в 955 году ими был построен корабль, имевший 95 метров в длину и почти 40 метров в ширину. Боевые корабли, построенные в Египте, а затем по частям перевезенные на спинах верблюдов через Синайский полуостров и собранные в 1170 году в Арабском заливе, естественно, имели небольшие размеры. Совсем другое дело корабли, построенные для плавания в Индийском океане: большие по размерам, на них в качестве движителя совсем не применялись весла, отчасти из-за наличия постоянно дующих здесь муссонных ветров, отчасти из-за редковстречающихся источников пресной воды, в связи с чем предпочтение отдавалось сравнительно малочисленным экипажам. Китайское изобретение – крепящееся на петлях перо руля – также было известно восточноарабским мореплавателям уже в начале XII века.

Владения Саладина находились в самом сердце мусульманского мира, в районах, бедных железной рудой и топливом для обработки металлов. Ближайшим регионом, богатым крупными месторождениями железной руды, являлась Восточная Анатолия, однако империя Саладина ограничивалась лишь незначительным привозом руды оттуда, используя, в основном, добычу небольших шахт в горах возле Бейрута и в районе Айлуна – оба района железодобычи находились фактически на границе с латинскими государствами. Естественно, что международная торговля чугуном и сталью, особенно с Индией, приобрела жизненно важное значение для армии Саладина. Несмотря на существующие трудности, Египет уже при Фатимидах имел три государственных арсенала, а также около 3000 оружейников. То же положение, очевидно, сохранялось и к моменту прихода к власти Саладина. Помимо традиционного производства мечей в Дамаске, в Мосуле находился крупнейший рынок торговли оружием, производившегося в соседнем Багдаде.

Впоследствии Саладина критиковали за захват коней и оружия из государственных арсеналов Нур-ад-Дина после смерти последнего, но очевидно, что для такого амбициозного правителя, каким являлся Саладин, было очень важно как можно быстрее заполучить в свои руки наибольшее количество дефицитного военного снаряжения. Ценность оружия, доспехов и прочего военного снаряжения не снизилась и позднее, о чём свидетельствует тот факт, что при сдаче латинских городов и крепостей их гарнизон при любых условиях должен был сдать также и своё оружие. Были случаи, когда мусульмане требовали от латинян вместо уплаты денежного выкупа оружие, в том числе и конские доспехи. А в 1188 году византийское посольство в знак дружбы преподнесло в дар Саладину 400 кольчужных хауберков, 4000 копий и 5000 мечей, захваченных при отражении итало-норманнского вторжения. Кроме того, мечи закупались в Византии и в Европе – в последней в нарушение папского эдикта. Таким образом, запасы оружия создавались, однако затянувшаяся военная компания всё же могла привести к проблемам с вооружением.

Войска Саладина были вооружены копьями, мечами, палицами, топорами, дротиками, составными луками, арбалетами и, изредка, лассо; основным защитным вооружением являлись щиты, кожаные и металлические панцири, кольчужные хауберки, в том числе и подбитые сукном, которые назывались «казаганд» (kazaghand), и шлемы. Сложившийся с веками образ легковооруженных всадников-сарацин в легких одеждах и с кривыми саблями в руках весьма далек от реальности. Исламские мечи в подавляющем большинстве случаев всё ещё оставались прямыми, хотя изогнутые сабли, давно известные в Малой Азии, появи-

Настенная роспись второй половины XII века в замке тамплиеров в Крессаке, Центральная Франция. Большинство росписей замка, посвященных сражениям рыцарей-тамплиеров с войсками Нур ад-Дина, широко известны. Менее известна изображенная здесь череда всадников. Стиль этого рисунка совершенно другой и это может быть свидетельством испанского или даже ближневосточного влияния, занесенного в Европу сражавшимися с мусульманами тамплиерами.

лись в Персии уже в IX или X веках. Составной лук издавна являлся основным метательным оружием Ближнего Востока, а единственным заметным изменением в этом плане на протяжении всей эры крестовых походов стал переход от так называемого «гуннского» лука к двояковыгнутому «турецкому» типу. Ранний тип этого оружия требовал легкого начального натяжения, за которым следовало плавное возрастание напряжения, передающего потенциальную энергию выстрелу через массивные негибкие «уши» лука. Длинные «уши» также создавали массу проблем для конного лучника, поэтому новый двояковыгнутый лук стал более коротким, не бил лошадь по шее или голове и придавал больше энергии полету стрелы. С другой стороны, турецкий тип лука являлся более тугим и поэтому мог быть менее точным в руках недостаточно опытного стрелка. Литературные источники того времени, сетующие на неэффективность этих луков против доспехов крестоносцев, демонстрируют полное непонимание ситуации, когда объясняют это тем, что мусульмане, обстреливая рыцарей с дальней дистанции, предпочитали, мол, ранить незащищенных лошадей, чем убивать людей. Практические испытания показали, что кольчуга пробивается стрелой практически на любых дистанциях стрельбы даже из сравнительно менее мощного «длинного» лука, которым начали пользоваться в Западной Европе столетие спустя. С другой стороны, поглощающие силу удара стеганные доспехи турок почти однозначно давали воину лучшую защиту.

Количественный состав войск Саладина

Несомненно, что численное превосходство исламских армий над войсками латинских государств было подавляющим и именно поэтому доблестные крестоносцы были вытеснены из Святой земли. Это подтверждается также и фактами. Бесспорно, людской потенциал исламских государств превосходил таковой в латинских образованиях в Сирии и Палестине, но, как и в Европе, на Ближнем Востоке в боевых действиях принимала участие лишь небольшая часть населения. Тем не менее, вокруг професси-

ональных аскаров исламского правителя на непродолжительное время могли быть собраны весьма значительные вспомогательные силы. Египет мог выставить действительно большую для средневековья армию, хотя даже при Фатимидах они были не так огромны, как это иногда представляется сейчас, достигая, в лучшем случае, 25000 человек. С самого начала своей деятельности на посту наместника Нур-ад-Дина в Египте Саладин получил в свое распоряжение некоторые воинские формирования Фатимидов, насчитывавшие в 1169 году, согласно реестровым записям, 8640 воинов (не считая личного состава египетского флота), из

Изразец начала XIII века с изображением рыцарского коня, дистриера, на своде собора Сен-Трофим в Арле.

которых наиболее надежными являлись 500 курдов и 3000 турок. В другой хронике находим сообщение, что 11 сентября 1171 года Саладин собрал 174 талба, конных отряда (приблизительно, 14000 всадников), в то время как ещё 20 талбов выполняли некий приказ правителя, плюс, примерно, 7000 арабов-бедуинов вспомогательных войск. Попытка профатимидского переворота в 1174 году привела к роспуску большинства старых фатимидских отрядов и сокращения численности бедуинских вспомогательных формирований до 1300 человек. Затем реестр 1181 года исчисляет силы султанских войск в 6976 всадников-таваши и 1553 человека «карагулам мамлюков» (qaragulam mamluks). К этим воинским контингентам можно добавить отряды, находившиеся на содержании наместников сирийских городов, хотя все эти войска крайне редко собирались вместе. Гарнизон Дамаска оценивался приблизительно в 1000 человек, Химса – 500, Хамы и зависимых от него городов – 1000 и Алеппо – 1000. Регион Джазира мог выставить на поле боя ещё от 2000 до 4000 человек, включая гарнизон Мосула, который в начале XII века насчитывал 1500 человек.

Силы крестоносцев

Большинство баронских родов латинских государств Сирии и Палестины не отличались знатностью, ведя свое происхождение от ловкачей, поймавших удачу за хвост в первые годы XII столетия, сразу же после окончания Первого крестового похода, когда основная масса рыцарей-участников похода вернулась на родину. В связи с этим правители вновьобразованных христианских владений ощущали постоянную нехватку опытных воинов для защиты новых территорий. Поэтому ограничения для кандидатов на рыцарский статус были понижены до такой степени, что в рыцари стали посвящать пилигримов относительно низкого происхождения. В Иерусалиме рыцарское достоинство иногда получали даже туземные христиане. Этот факт, а также массовые браки воинов-крестоносцев с местными христианками привели к определенному «овосточиванию» латинской аристократии. Пока что этот процесс был относительно поверхностным, а большая часть перенятых восточных обычаев являлись скорее византийскими, чем ближневосточными. Тем не менее, наплыв итальянских буржуазных элементов, занимавшихся поставками и торговлей, воспринимался новой аристократией Иерусалимского королевства как социальная угроза. Рыцари, имевшие французское происхождение, презирали рыцарей-итальянцев («Французы никогда не считали итальянцев дворянами, какими бы богатыми и доблестными они ни были.»), а всех их вместе взятых ни в грош не ставила знать, время от времени прибывавшая из Европы.

Набором войск в латинских государствах занималось лицо, назначенное на должность маршала (marechal), однако его воз-

«Армия фараона в Красном море» - барельеф конца XII века на купели в церкви Сан Фреддиано, Лукка. Оба всадника облачены в кольчужные хауберки, на переднем также кольчужные чулки, покрывающие ноги.

можности были ограничены обычным правом (правом, основанным на обычаях). Рыцари, например, освобождались от службы в пешем порядке или в труднопроходимых местах, где кони не могли их нести. Тем не менее, юноши из рыцарских родов привлекались к военной службе с 15 лет и сохраняли обязанность являться по призыву сеньера до 60 лет. С другой стороны, рыцарь не был обязан продолжать службу своему сеньеру, если его фьеф был завоеван врагом. Частые упоминания о «солдатах» (soldees - soldiers) не всегда подразумевают платных наемников, которые в это время уже являлись распространенным явлением в Европе. Определенные воинские контингенты также были обязаны поставлять церковь, города, туземные христианские держатели земли и военные ордена, обязанные снаряжать рыцарей и сержантов, а также большое количество пехоты. В чрезвычайных случаях мог быть объявлен призыв «арьер бана» (argiere ban) или ополчения второй линии, в которое, опять же теоретически, собирались все свободные мужчины. Пехота также могла набираться из находящихся в Святой земле пилигримов, которых в

Иерусалимском королевстве, средоточии основных христианских святынь, было множество. Но даже всех этих вместе взятых источников воинских контингентов было явно недостаточно, поэтому военные возможности латинских государств всё в большей степени зависели от количества нанятых наемников, причем большая часть конных сержантов нанималась, вероятно, вне пределов Ближнего Востока, в Европе. Прибывшие из Западной Европы наемники большей частью оставались на постоянную службу, хотя контракты с ними возобновлялись ежемесячно. Наказания за дезертирство до истечения срока действия контракта были достаточно суровыми: у рыцаря конфисковывали оружие, доспехи и другое снаряжение, а простым наемникам протыкали руки раскаленным железом.

Военно-духовные ордена тамплиеров и госпитальеров являлись наиболее воинственной силой в латинских государствах, отражая скорее агрессивный характер вновьприбывших на Восток христиан, нежели более умиротворенных латинских поселенцев, а побуждения рыцарей-монахов имели много общего с религиозным фана-

тизмом волонтеров-муттавийя мусульманских армий. Среди туземных войск наиболее важное значение имели «туркополы» (turcoples). Сама идея и название при формировании этих войск были позаимствованы у византийцев, однако имелись некоторые сходные черты и с мусульманскими войсками мамлюков, являвшимися наиболее профессиональными воинами армии Саладина. Воинов-мусульман на службу не брали, хотя в латинских государствах очень часто приглашались на работу чиновники-мусульмане. Также на военную службу не вербовали евреев, считая их симпатизирующими исламской стороне. Осадные инженеры набирались среди различных туземных христианских народностей, но главенствующее положение здесь занимали армяне. Из всех восточных христианских конфессий именно армяне оказались наиболее близкими латинянам, но они проживали, в основном, на севере, в Антиохийском княжестве, в войсках которого и составляли ядро пехотных формирований. Христиане-марониты, проживающие сейчас на территории современного Ливана, охотно служили в войсках Иерусалимского королевства в качестве лучников, но они мало считались с существующей феодальной структурой. Как и проживавшие вдали от латинских территорий, в современном Ираке и Иране, несториане, склонявшиеся, к тому же, на сторону мусульман, сирийские ортодоксы или христиане-якобиты рассматривались пришельцами-католиками менее всего заслуживающими доверия, но даже и они вос требовались иногда в качестве проводников.

Организация войск крестоносцев

Как и во Франции, феодальные порядки которой стали образцом при образовании государственных структур в Сирии и Палестине, главнокомандующим войск королевства являлся король Иерусалима. В связи с высокой милитаризованностью государства, а также тем, что армия королевства имела долговременную структуру, обусловленную почти постоянным состоянием войны, его полномочия в военной области могли быть достаточно большими. Невозможность распространения завоеваний дальше узкой полосы вдоль береговой черты побережья Восточного Средиземноморья обусловило уязвимость латинских владений, которые могли быть разрезаны на две и более частей координированными ударами мусульманских войск, в связи с чем королевство было вынуждено содержать несоизмеримую со своими возможностями армию. И тем более невозможно было защитить территорию королевства только посредством обычных феодальных структур и установлений. Король мог требовать, чтобы его рыцари служили хоть целый год, то есть намного больше требуемой службы на Западе, но в реальности длительность периода феодальной службы определялась «Высоким Советом» (Haute Cour) королевства при планировании каждой кампании. И даже когда начиналась

война, король являлся только первым среди равных; подобное разделение власти приводило к возникновению многочисленных проблем при столкновении с подчиненным единой воле, дисциплинированным противником. Кроме того, Иерусалимское королевство постоянно испытывало недостаток в финан-

сах, что прибавляло проблем в армии, в значительной степени состоящей из наемников.

К концу XII века большинство латинских рыцарей, и даже те, которые имели земельные фьефы, наподобие своих, державших икта, мусульманских противников, проживали в городах. Держатели денежных

«Демоны и грешники» - рельефные панно приблизительно 1120 1130 годов на фасаде церкви Сент-Фуа, Конк. Слева – рыцарь в полном кольчужном доспехе, вероятно, представляющий греховность войны или гордыни, повержен вниз головой. Справа – демоны, вооруженные оружием, объявленным церковью «демоническим», - копьа, скорпионы (боевой цен) и арбалеты.

«Стражи первосвященника» на каменном подсвечнике примерно 1170 года в базилике Сан Паоло фуори ла Мура в Риме. На двух телохранителях – конические шлемы с желобами, причем один из шлемов явственно удерживается подбородным ремнем. На коленопреклоненном воине, вероятно, под кольчужным хауберком одет стеганный гамбезон.

ных сержантов, но обычно сержанты составляли военный резерв и не призывались по первому сбору войск. Количество воинов, выставяемых от разных фьефов существенно разнилось: крупные сеньерии, такие как Яффа или Галилея, должны были снарядить в поход 100 рыцарей, в то время как небольшие фьефы, вроде фьефа «жены Габера Вернье», только одного. Количество выставяемых сержантов тоже варьировалось: 500 сержантов снарядил патриарх Иерусалима, 25 – от фьефа Ле Эрэна (Ярина – Le Herin-Yarin), впрочем, так же как и количество наемных воинов – от 500 человек от патриарха до 25 от Ле Эрэна.

В латинских государствах мы находим геральдику на значительно более высокой ступени развития, чем в странах Западной Европы. Совершенно точно известно, что уже в конце XII века Иерусалимское королевство имело собственное большое знамя, арабский хронист Баха-ад-Дин описывает его следующими словами: «...на древке, высоком, как минарет, установлено на повозку, запряженную мулами. Оно имело белое поле с красными крестами. На вершине древка также водружен крест.» Другими словами, это было «карроччио» (саггоссио) наподобие тех, которые использовались в качестве места сбора городских войск средневековой Италии. Что же касается военного флота Иерусалимского королевства, то нет ни одного свидетельства о его существовании на протяжении всего XII века, хотя все портовые города королевства имели свой собственный торговый флот.

фьефов, а такие известны уже с 1130-х годов, получали ренту с портов, рынков, таможенных пошлин, коммерческой или производственной собственности. Как и любой феодальный держатель фьефа, они имели установленные военные обязательства, такие как содержание, например, определенного числа полностью снаряженных ими же рыцарей или конных сержантов. Помимо рыцарских фьефов существовали фьефы сержантские, держатели которых были обязаны приводить с собой на службу туркополов.

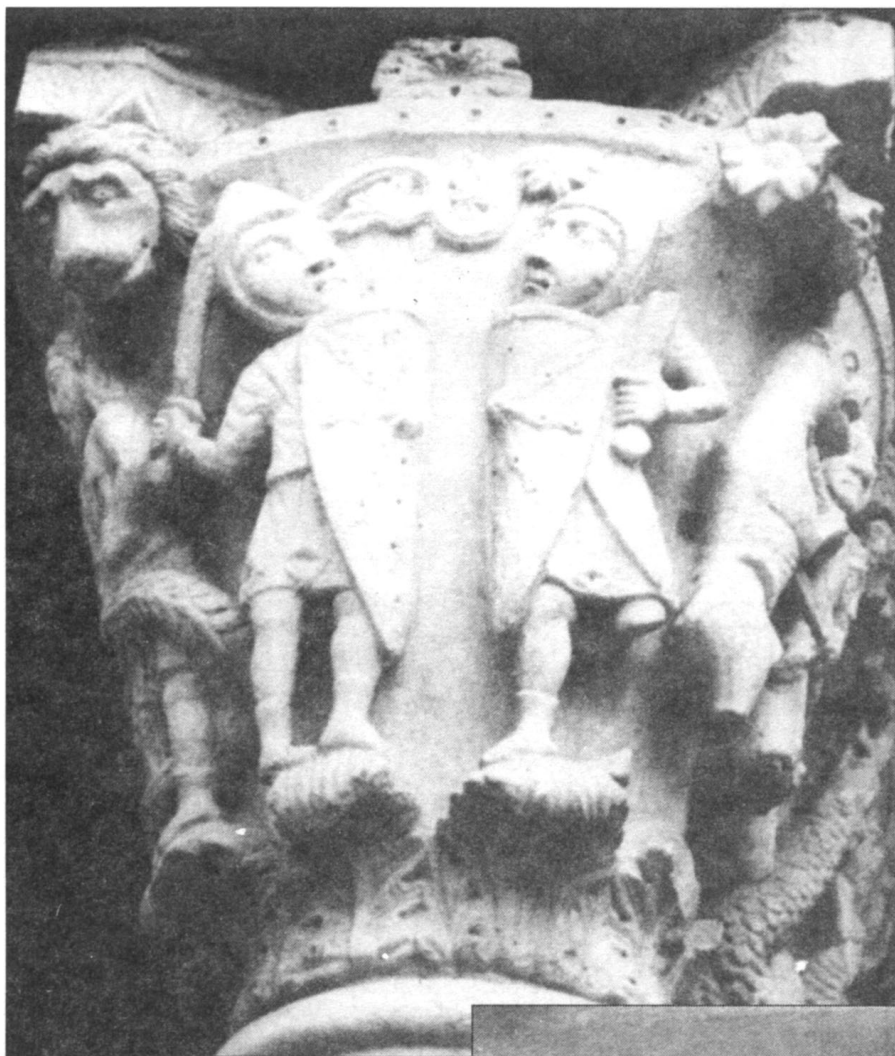
Командная структура армии Иерусалимского королевства как две капли воды походила на установившуюся в Европе. Тремя главными военачальниками являлись сенешаль (seneschal), коннетабль (connetable) и маршал (mareschal). Сенешаль ведал всеми укреплениями, за исключением королевского замка, гарнизонами и их снабжением. В военное время сенешаль обычно предводительствовал отрядом «батай» (bataille), личным отрядом короля. Коннетабль командовал войсками королевства в отсутствие ко-

роля. Он также организовывал сбор войск, движение их на марше и построение перед сражением, ставил предводителем различных частей и отрядов боевую задачу, проверял подготовленность к кампании рыцарей, сержантов и оруженосцев. Боеготовность рыцарей находилась под личной ответственностью коннетабля. Маршал, которых могло быть и несколько, являлся вторым лицом в командовании войсками после коннетабля. Его прямые обязанности состояли в наборе войск, особенно, наемников, контроле их оплаты, организация снабжения войск продовольствием, вооружением и снаряжением, лошадьми и вьючными животными (то есть организация обоза армии). Великий Туркопольер (Grand Turcopolier) командовал королевскими туркополами и находился в непосредственном подчинении маршала, туркополы военных орденов подчинялись своему орденскому руководству.

Рыцарь часто возглавлял боевую единицу, состоявшую из четырех или пяти кон-

Тактика крестоносцев

Существовавшая в Европе XII века «наука войны» охватывала широкий спектр вопросов по применению войск. Однако к крупномасштабным сражениям европейские противоборствующие стороны прибегали крайне редко из-за непредсказуемости их результата и связанного с этим риска. Таким образом, западноевропейское военное искусство, помимо осад, знало, в основном, только рейды и мелкие стычки небольших отрядов и этим, собственно, европейское тактическое мастерство и ограничивалось. Несмотря на доминирующую роль рыцарской кавалерии, успех в крупных сражениях не всегда зависел только от ее действий. Эти же боевые традиции были привиты европейцами и в латинских государствах Сирии и Палестины, где, тем не менее, на протяжении XII века в них были внесены некоторые изменения. Роль пехоты, заключающаяся в поддержке конницы, осталась неизмен-

Эти сражающиеся пешие воины не имеют доспехов. Резные фигуры конца XII века на своде кафедрального собора в Монреале, Сицилия.

ной и на новом месте, причем впоследствии на Востоке она деградировала еще более, в то время как в Европе пехота адаптировалась к новой тактике применения длинных копий.

Насколько армии латинских государств подверглись влиянию военных обычаев соседей остается неизвестным. На Востоке даже такой беспокойный элемент, как рыцари, превратился в «воинов по необходимости», что, возможно, и могло отбить у них желание учиться профессионализму у византийских солдат, тогда как культурный барьер препятствовал латинянам усваивать тактические приемы своих мусульманских противников. Многие латинские рыцари получали опыт сражений в составе – а также против – мусульманских армий, ведь не секрет, что обычной практикой для латинских воинов являлась служба в качестве наемников у сельджукских султанов Анатолии. Последующие события доказывают, что латиняне всё-таки выработали достаточно эффективную тактику против мусульман. Она, однако, была преимущественно оборонительной и разрабатывалась лишь для того,

Еще одна резная фигура на своде собора Монреалья изображает лучника с колчаном на поясе.

чтобы обеспечить выживание латинских государств, а не для полного уничтожения их врагов. Как и в Европе, крупных сражений избегали, зная, что в случае разгрома войск королевства, христианские города и замки некому будет защищать по той простой причине, что большой сбор войск означал снижение численности гарнизонов до минимума. Другой неразрешимой проблемой для армии Иерусалимского королевства являлось недостаточное обеспечение её запасными лошадьми. Использовать же лошадей противника не получалось, поскольку западная рыцарская традиция возбраняла ранить и убивать лошадь врага, в то время как мусульмане, наоборот, стремились наносить ущерб лошадям крестоносцев, особенно при обстреле их порядков с дальней дистанции.

Огромное влияние на ведение боевых действий на Ближнем Востоке имели погодные условия. В связи с этим, в случае войны, большой сбор войск обычно производился в начале весны. В зависимости от характера военных действий, войска затем могли некоторое время оставаться в лагере в ожидании пока разъянятся планы вторгшегося в страну противника либо сразу же выступить в поход, совершая марши в порядке, известном под арабским названием «караван» (caravan). Из старейшего, дошедшего до нас фрагментарно французского устава тамплиеров, составленного в первой трети XII века, известно, что во время мар-

ша рыцари обычно находились впереди своих оруженосцев, хотя в отдельных случаях эти последние, с копьями, щитами и боевыми конями (дестриерами, на которых рыцари пересаживались перед самым сражением) своих господ, могли следовать во главе походного построения в течение всего марша. Необходимость сохранения строя на марше, а также роль пехоты для защиты рыцарской конницы на переходе от внезапных налетов мусульман прекрасно сознавалась крестоносцами. Поэтому на открытой местности латинские армии двигались в походном порядке, напоминающем коробку или позднейшие пехотные каре, при котором конница двигалась в окружении пехотинцев. При движении по пересеченной или гористой местности армия перестраивалась в колонну.

Порядок устройства лагеря также лучше всего рассмотреть на примере установленного старейшего устава тамплиеров. Согласно уставу ордена, палатки братьев-рыцарей разбивались вокруг крытой тентом часовни. В светских армиях в центре лагеря обычно устанавливалась палатка военачальника. В обязанности оруженосцев входила заготовка дров для лагеря и обеспечение своих господ водой, но им не разрешалось уходить за пределы слышимости колокола лагерной часовни. Если колоколом подавался сигнал тревоги (набат), находившиеся недалеко от места нападения бросались отражать его, тогда как остальные обязаны были собраться у часовни в центре лагеря в ожидании приказаний. В лагере светской армии в случае вражеского нападения рыцари, соответственно, должны были собираться у палатки военачальника. Конные рейды, налеты и разведывательные операции носили французское название «шевошер» (chevaucher). При их проведении рыцари не облачались в доспехи, возя их в специальных мешках у седел, иногда на крупы коней садили пехоту. В таких экспедициях главенствующую роль играли туркополы, а разведка являлась единственным видом боевых действий, в котором рыцарями мог командовать туркопольер.

При построении христианской армии перед сражением пехота выстраивалась впереди кавалерии, а последняя атаковала противника через промежутки в порядках пеших воинов. Основной задачей пехоты яв-

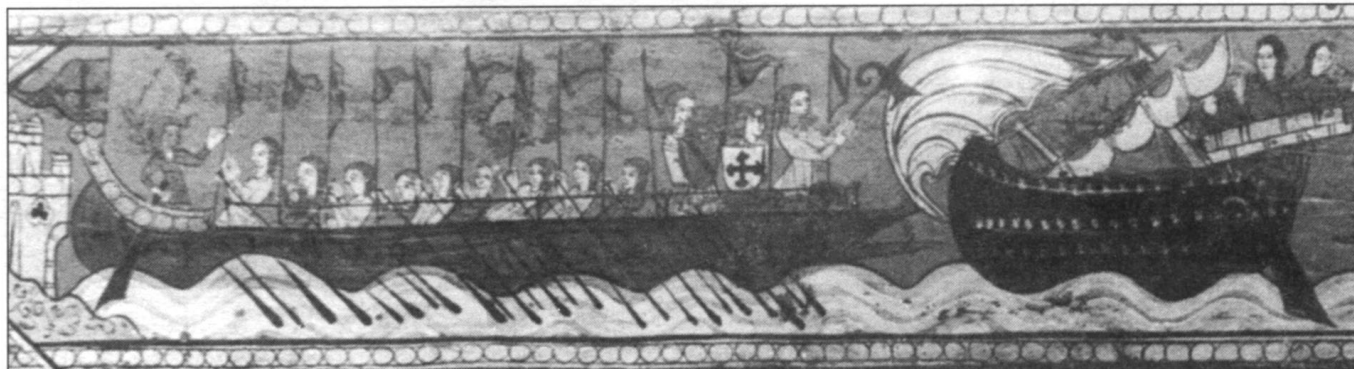
Пешие воины изображены и на небольшом барельефе середины XII века, вырезанном в подземной часовне кафедрального собора Пистойи. На воинах нет доспехов, но на них конические шлемы с загнутыми вперед вершинами, а в руках копья и длинные щиты, прикрывающие их от подбородка до ступней ног.

лялась скорее защита коней, чем всадников, хотя она могла сыграть в сражении весьма важную роль и в случае, если исход его был решен в результате успешной атаки рыцарской кавалерии. С другой стороны, достаточно большая роль, которая отводилась пехоте в армиях крестоносцев, делала их маломаневренными и относительно медленными сравнительно с их мусульманскими противниками. Структура и количественный состав конных «эшелей» (eschieles) или копий варьировались, хотя похоже, что на Ближнем Востоке в попытке бороться с быстрым и тактически гибким противником всадники часто разбивались на более мелкие боевые единицы, чем в Европе.

Хотя единственным видом наступательной тактики христианских армий оставалась атака рыцарской кавалерии, она могла быть эффективной только при условии правильного ее применения. Но поскольку применялась она, в основном, в ответ на действия противника, которому, тем самым, предоставлялась полная инициатива, ее эффективность все более снижалась. Мало того, мусульмане смогли разработать контрмеры, благодаря которым атака тяжелой кавалерии христиан вообще переставала быть сколько-нибудь действенной. Более легкая мусульманская конница научилась выходить

из-под удара, рассыпаясь во все стороны, уклоняясь в сторону от направления рыцарской атаки либо, в конце концов, сплывая свои ряды. В случае, когда такие маневры были невозможны, мусульмане могли прибегнуть к традиционной восточной уловке, притворному бегству, вследствие чего, при попытке рыцарей преследовать «бегущего» врага, атака обычно захлебывалась. И даже мусульманская пехота, однажды усвоив горькие уроки поражений конца XI-начала XII веков, в основном, умела избегать опасности таких атак.

В отличие от достаточно хорошо известной тактики кавалерии христиан, об организации и действиях в сражении христианской пехоты почти ничего не известно. Есть лишь некоторые данные о действиях пехоты при осаде или защите укреплений. Большинство замков крестоносцев, располагаясь на месте прежних византийских или исламских крепостей, находились вдали от границ латинских государств. В большинстве своем построенные на скорую руку на протяжении XII века, они представляли собой простую, а часто даже примитивную систему укреплений, очень редко учитывающую характер окружающей местности. Большие замки крестоносцев, которыми сейчас усеяны приморские районы Сирии, Ливана,

Изображение боя между галерами и двумачтовым торговым судном на краешней балке в Каталонии, конец XIII века. Тараны обеих галер поддерживаются веревками или цепями, точно так же, как показано в позднеримском манускрипте V века.

Палестины и частично Иордании, обычно либо датируются XIII веком, либо после их взятия были основательно перестроены исламскими архитекторами. И только начиная с XIII века, когда латиняне, наконец, смирились с вынужденной оборонительной тактикой, они стали строить и снаряжать замки в расчете на их долгую осаду. Начальствовал в замке «шателен» (chatelain). Гарнизоны городов состояли из рыцарей и сержантов, которые во время осады защищали башни и ворота, в то время как неопытным горожанам из городского ополчения, вооруженным арбалетами и дротиками, доверяли лишь охрану стен.

Вооружение войск крестоносцев

Латинские государства Ближнего Востока никогда не славились производством собственного оружия, хотя в Иерусалиме проживало немалое количество мастеров-оружейников и, в частности, здесь производились высокого качества щиты. Большая часть вооружения и снаряжения привозились из Европы и, в частности, из Италии либо посредством итальянских торговцев оружием. Также широко использовалось захваченное исламское оружие, а в орденском уставе тамплиеров даже имелись специальные постановления на этот счет. Таким образом, вооружение армий латинских государств мало чем отличалось от европейского. Хронист Радулфус Нигер, в год битвы при Хаттине написавший иносказание о гибели Иерусалима, перечисляет в качестве оружия и предметов вооружения христианских воинов шпоры, кольчужные чулки «шосс» (chausses), хауберки, кожаные кирасы «кюири» (cuirie), шлемы с личиной, мечи, щиты, копьа, конскую сбрую и конские доспехи, оружие пехотинцев, флажки и знамена, а также разнообразные осадные машины. Насколько точно более поздний, XIII века, устав тамплиеров отражает ситуацию XII века остается неясным, но он определяет, что каждый брат-рыцарь должен иметь кольчужный хауберк и чулки-шосс, шлем типа «шпель-де-фер» (chapel de fer) с небольшими полями, кольчужный «куаф» (coif) – вероятно, кольчужный капюшон, наплечники «эспальер» (espaliere) из кольчуги или стеганной ткани, стеганный жюпон или «гамбезон» (gambeson), меч, копье, «масс тюрк» (masse turque) – турецкая форма булавы, щит и «куто д,арм» (couteau d,armes) – большой кинжал, а также два меньших ножа небоевого использования. Его конь должен был иметь попону или «капаризон» (sararison), а рыцарь – кожаный мешок для кольчужного хауберка. Сержантам, опять же согласно устава тамплиеров, выдавалась кольчужная рубашка, на рукавах которой отсутствовали кольчужные рукавицы, «хаубержон» (haubergeon), а их чулки, для удобства передвижения в пешем порядке, доходили только до колен.

Информация о вооружении пехоты довольно скудна, но поэмы того периода, «шансон де гест» (chansons de geste), приписывают

вооружению пехотинцев кольчужные хауберки, топоры на длинной рукояти «гизарм» (gisarme), «датские» топоры с более тяжелым лезвием, булавы, «фоссары» (faussars) – возможно, более ранняя форма однолезвийного «фальшиона» (falchions), копьа, дротики, луки и арбалеты. Чрезвычайное якобы предубеждение европейских рыцарей против владения луком, возможно, является позднейшим преувеличением, так же как и рассматриваемая не менее остро проблема социальной и военной угрозы от приспособления к военным целям такого чисто охотничьего оружия, как арбалет. В 1139 году собор римско-католической

церкви при одобрении папы предал анафеме применение арбалета и, возможно, даже обычного лука в военных целях, за исключением войны с неверными. Ранние арбалеты изготовлялись целиком из дерева. Составной лук, имевший намного большую мощность, был применен в конструкции арбалета в конце XII века, но когда эта новинка достигла Ближнего Востока – неизвестно. А тот факт, что она пришла именно из Европы, а не имела местные, ближневосточные корни, доказывает конструктивным различием этого оружия у мусульман и в латинских государствах.

Лучники-противники на резном алтаре XI-XII веков в церкви Санта Мария в Валье Поркланете, Южная Италия, вооружены составными луками старой формы.

Конный сержант. Оружие и доспехи этого воина позволяют предположить его южноитальянское или нормано-сицилийское происхождение и сравнительно легки. Его хауберк без капюшона и кольчужных рукавиц. Украшения конской сбруи также указывает на исламское или византийское влияние.

Сбруя рыцарских коней отличалась от обычной сложностью конструкции. Помимо покрытого кожей деревянного седла с войлочной набивкой «афётремэн» (afeutremens) и высокой лукой «аркон» (arcons) в состав сбруи входили одинарная либо двойная подпруга и грудные и спинные ремни крепления. Последние, называемые «пуатраль» (poitral), должны были быть достаточно крепкими, чтобы выдержать сильный толчок при столкновении двух всадников, когда рыцарь наносил противнику таранный удар удерживаемым под мышкой копьём.

Осадные машины латинян мало чем отличались от используемых мусульманами. «Фондифли» (fondifles) по принципу действия являлись большими пращами, но основными камнемётательными приспособлениями являлись «мангонели» (mangonels) и «перьеры» (perieres) или «петрарии» (petraria). Особо следует отметить противовесный «требушет» (trebuchet) - это была удивительная машина. Во время проводившихся недавно экспериментов требушет с 200-килограммовым противовесом забрасывал 15-килограммовый шар на 180 метров, а 47-килограммовый - на 100 метров, причем все шары попадали в цель площадью 6 квадратных метров. Термины «перьер» или «петрария» относятся к торсионным камнемётам, аналогичным древнеримским камнемётным баллистам, «онаграм». «Петрария туркеза» (petraria turquesa) - турецкая камнемётная машина, упоминаемая примерно в 1202 году, также являлась машиной торсионного типа, возможно, аналогичной и прежде использовавшейся в исламских странах баллисте, которая называлась «коз зийяр» (qaws ziyar).

Численность христианских войск

В противоположность широкораспространённому сейчас мнению, военная элита или класс рыцарей Иерусалимского королевства конца XII века не являлся ни ослабленным, ни вырождающимся. Латинские рыцари, которых их грубые западноевропейские современники называли мягкотелыми и изнеженными, обучались для достижения достаточного уровня мастерства для войн со своими мусульманскими соседями. И даже в совершенно отличных от европейских условиях Ближнего Востока они оставались верными идеалам и устремлениям рыцарства и следовали самым последним веяниям моды из Франции и Италии.

До существенных потерь территорий, последовавших за битвой при Хаттине, Иерусалимское королевство располагало довольно значительной армией. Согласно реестрам времен короля Бодуэна IV, в феодальном ополчении королевства насчитывалось 675 рыцарей и 5025 сержантов, не считая туркополов и наемников. Всего же королевство могло выставить свыше 1000 рыцарей, включая контингенты, присланные из графства Триполи (200 рыцарей) и княжества Антиохия (700 рыцарей). Некоторое количество рыцарей всегда можно было набрать из числа прибывших в Святую землю пилигримов.

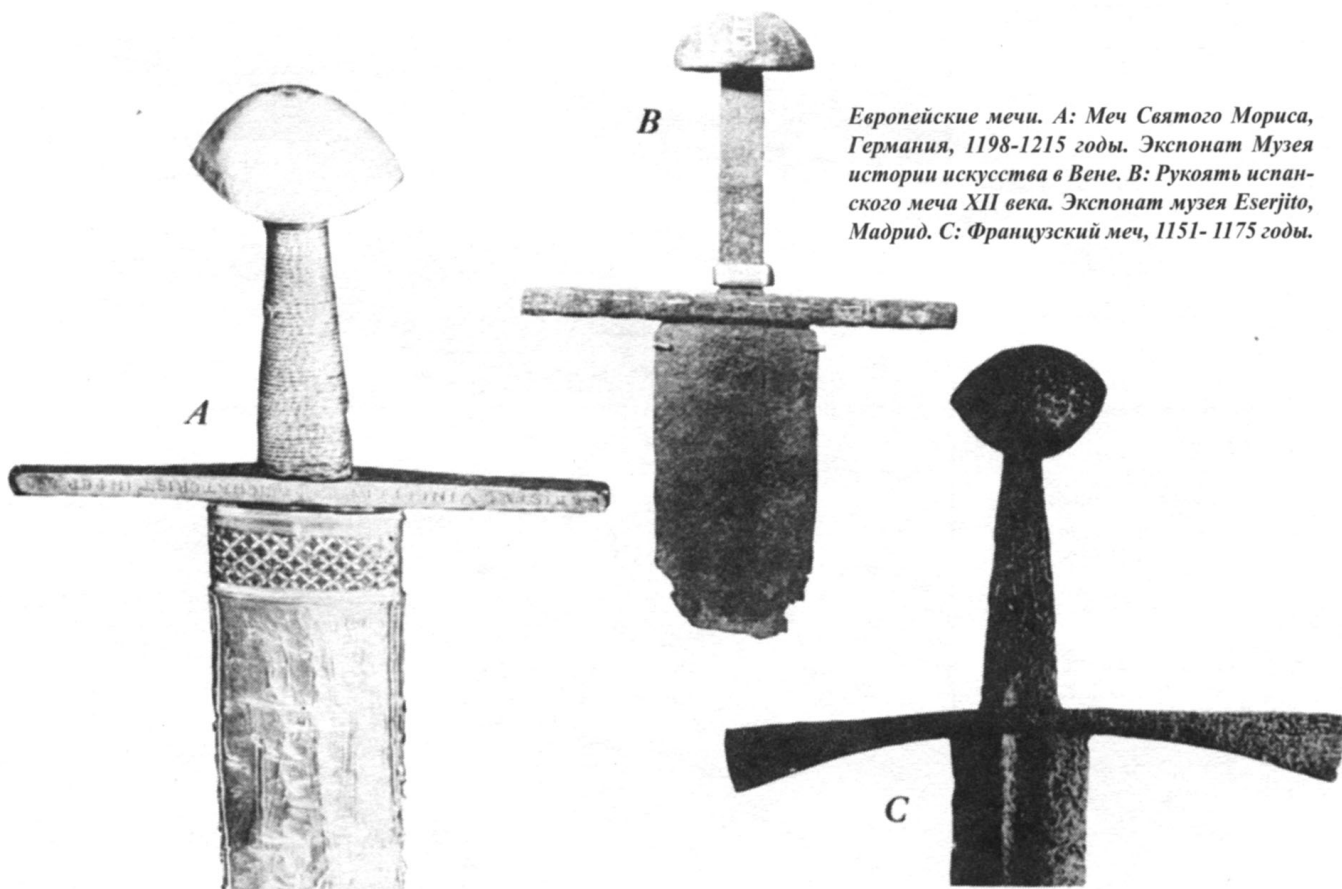
Кроме того, тамплиеры содержали в Святой земле постоянный орденский контингент численностью свыше 300 рыцарей и несколько сотен сержантов и туркополов. Также и госпитальеры, еще в 1168 году обещавшие дать в помощь королю для вторжения в Египет 500 рыцарей и 500 туркополов (хотя остается неясным, где они могли собрать такие силы, поскольку их орденский контингент на Ближнем Востоке также насчитывал не более 300 братьев-рыцарей). Численность войск могла быть также повышена за счет местного туземного ополчения.

Планы противников

Для сохранения своего престижа в исламском мире султану требовалось провес-

ти успешную военную акцию против латинских государств. Недавно оправившийся после тяжелой болезни, Саладин испытывал упадок сил и, сознавая, что смерть уже недалека, решил нанести решающий удар. Первую половину года территории Иерусалимского королевства подвергались набегам и разведывательным рейдам для испытания сил противника и ослабления их. Однако рейды прекратились, лишь только султан с основными силами своей армии вторгся в пределы королевства. Теперь все усилия были направлены только на то, чтобы вынудить христиан к большому сражению. Кроме того, это нужно было сделать как можно быстрее, поскольку в затянувшейся кампании у огромной армии Саладина могли возникнуть трудности со снабжением. Возможно, султан также не хотел упускать благоприятный момент, связанный с тем, что наиболее боеспособные войска христиан, военные ордена, понесли недавно большие потери в бою у Крессонских источников.

Мелкие стычки не смогли выманить латинские войска с их сильной оборонительной позиции, поэтому Саладин осуществил провокационную операцию, осадив Тивериаду, в которой находилась графиня Триполи, жена Раймона III. Это было довольно рискованное предприятие, поскольку его войскам грозила опасность быть зажатыми в клещи, но приманка сработала и христиане выступили для освобождения Тивериуса

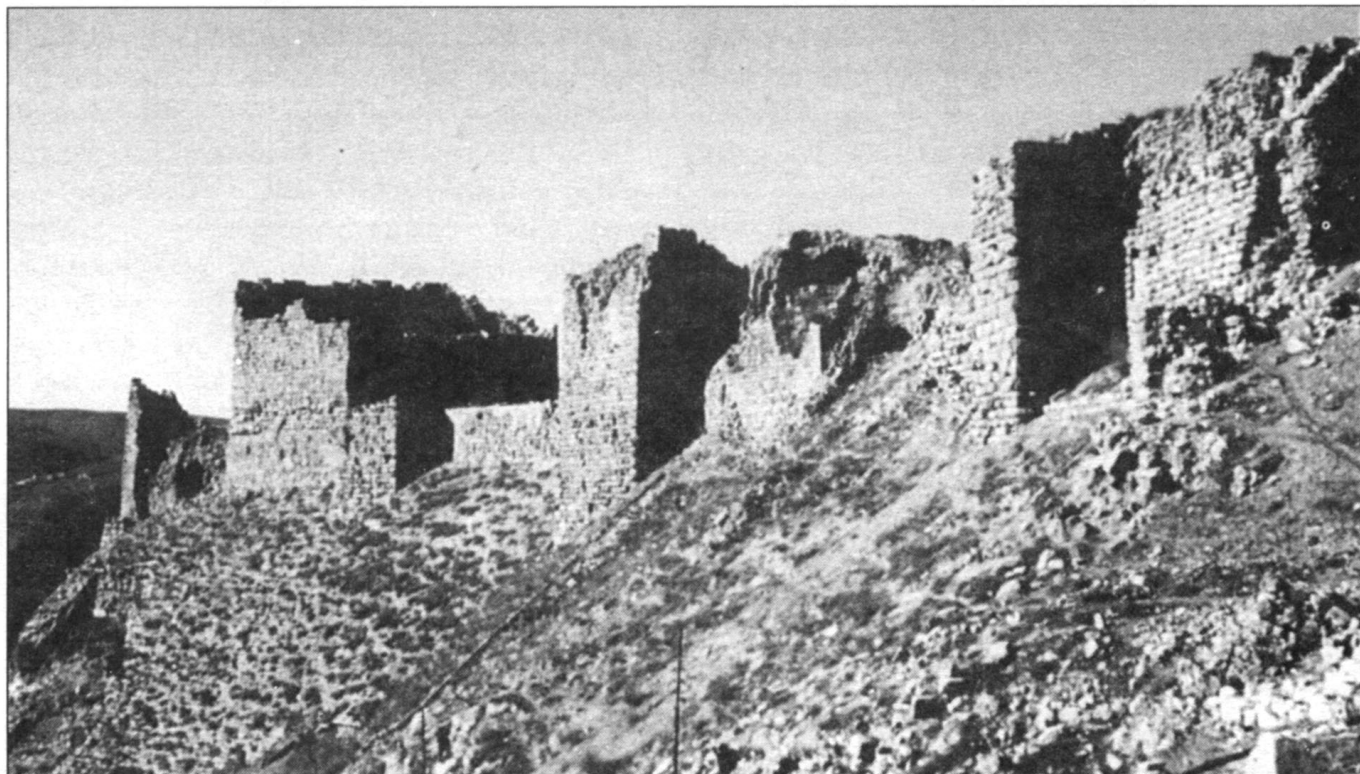
Европейские мечи. А: Меч Святого Мориса, Германия, 1198-1215 годы. Экспонат Музея истории искусства в Вене. В: Рукоять испанского меча XII века. Экспонат музея Eserjito, Мадрид. С: Французский меч, 1151-1175 годы.

(Тивериады). Теперь все зависело от того, смогут ли мусульмане заблокировать все значительные источники воды после выступления латинских войск из Сефории (Саффурийя), и Саладин сделал ставку на полномасштабное сражение до того, как христиане выберутся с безводного плато и достигнут Тивериадского озера. Предпола-

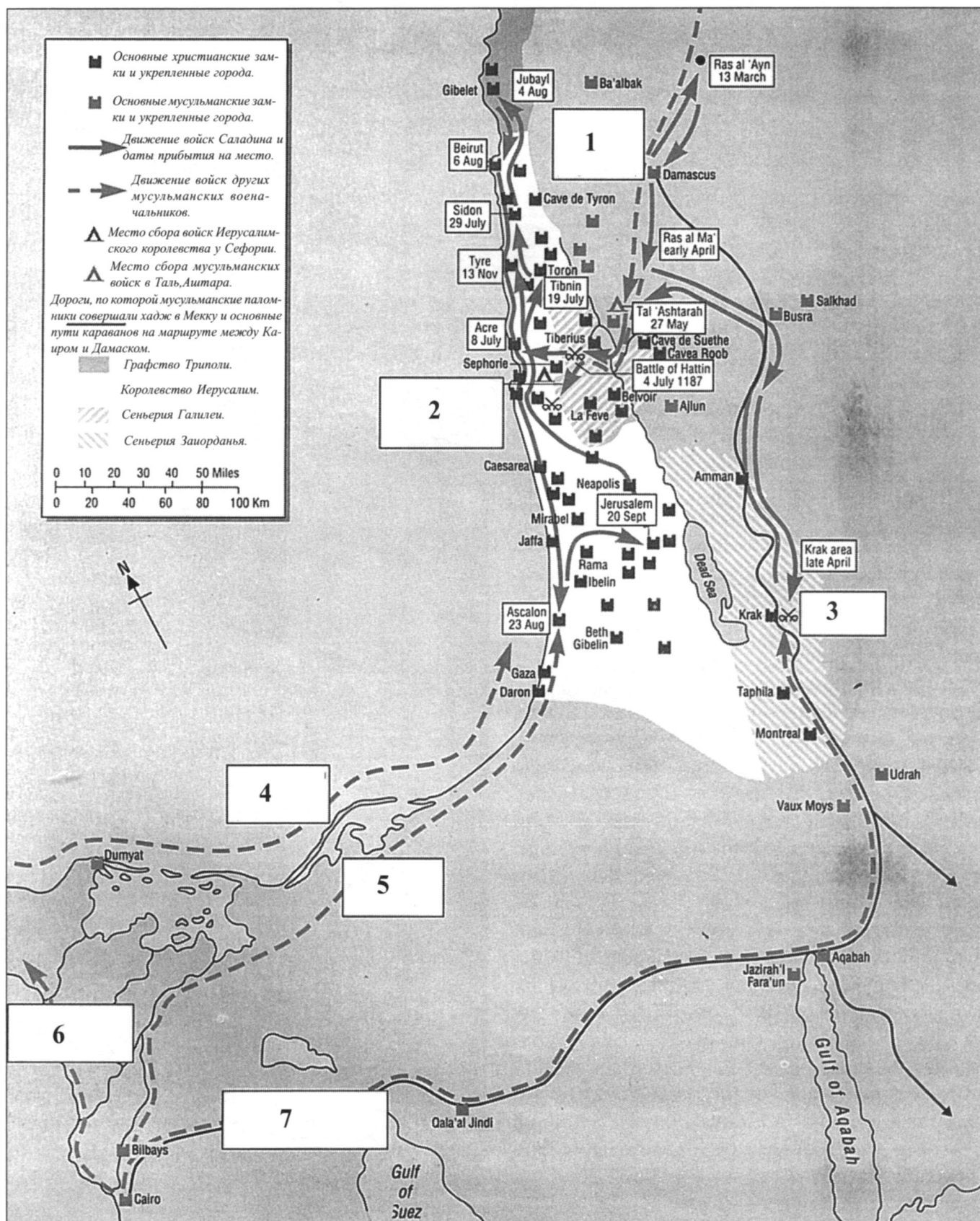
гаемое место сражения, разумеется, уже было осмотрено разведчиками Саладина. Его план действий на следующий день был довольно простым: противник не должен достичь воды, пехоту следует отделить от конницы и обе части войск полностью уничтожить. Дальнейшие события протекали почти в полном соответствии с замыслами

Саладина, если не считать того, что с места битвы спаслось значительно большее количество христиан, чем он рассчитывал.

События, последовавшие после победы Саладина при Хаттине, в результате которой христианские войска перестали существовать как единое целое, представляли собой молниеносное использование султа-

Большая часть руин, которые сегодня можно увидеть на месте взятого штурмом прежде обширного замка Крак (Керак) де Моаб. То же произошло с большинством замков крестоносцев. Опираясь на мощь этих высоких стен и башен, Рейнальд де Шатийон совершал свои разбойничьи экспедиции против мусульманских соседей.

Ход военной кампании 1187 года.

1. Северная группа мусульманских войск Таки ад-Дина совершает марш на соединение с войсками Саладина в Таль-Аштара (первая половина июня).
2. Гёкбёри с разведывательным отрядом проникает на территорию Иерусалимского королевства и наносит поражение христианам у Крессонских источников (1 мая).
3. Рейнальд де Шатийон атакует караван (зима 1186-87).
4. Хусам ад-Дин Лулду ведет мусульманский флот к Аскалону (середина августа).
5. Аль Адиль приводит египетскую армию в Южную Палестину (середина августа).
6. Хусам ад-Дин Лулду переводит 15 боевых кораблей из Каира в Александрию (конец марта).
7. Аль Адиль во главе египетской армии выступает из Каира (20 марта) и идет на соединение с Саладином для осады Крака де Моаб (начало мая).

ном плодов своего успеха путем захвата как можно большего количества укрепленных мест королевства до прибытия сил нового крестового похода. О том, что Саладин не сомневался в однозначности реакции Западной Европы на поражение единоверцев, свидетельствует первоочередность захвата мусульманами приморских городов, а уж затем начавшийся поход к главной цели кампании – Иерусалиму.

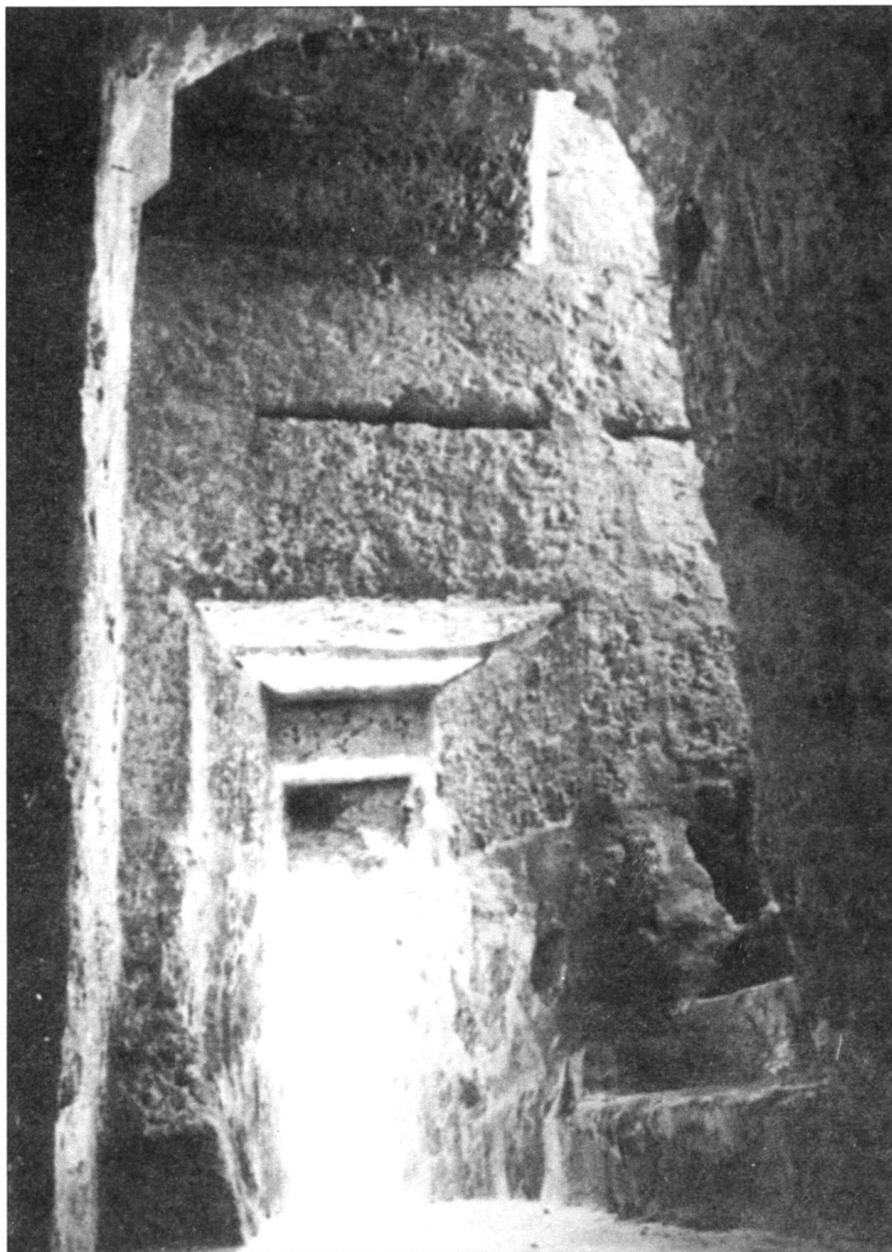
Собрав насколько возможно большую армию, которую смогло выставить его королевство, в обычном пункте сбора в Сефории, король Гвидо де Лузиньян сначала придерживался обычной осторожной тактики выжидания, надеясь на то, что мусульмане вскоре уберутся восвояси. Его войска оставались на сильной позиции, угрожая фланговым ударом вторгшемуся со стороны Дамаска противнику. Предсказуемая реакция на легко предсказуемые действия противника! Решение короля выступить на выручку осажденной Тивериаде, а затем дать бой Саладину может показаться необычным, однако подобные действия Лузиньяна довольно легко объяснимы. Гвидо мог опасаться обвинений в том, что не пришел на помощь христианскому городу и не предотвратил ущерба, причиненного войсками Саладина. Кроме того, король мог надеяться заставить врасплох и уничтожить занятую осадой мусульманскую армию западнее Тивериадского озера.

Попав в расставленную Саладином ловушку и оказавшись без запасов воды перед лицом грозного противника, Гвидо принял движение к ближайшим источникам, находившимся в деревне Хаттин на расстоянии одного перехода. Переход осуществлялся обычным порядком – кавалерия двигалась под прикрытием пехоты. Предложение решительно атаковать главные силы Саладина по неизвестным причинам (источники на сей счет молчат) было отвергнуто. Возможно, жажда и низкий моральный дух лишили христианские войска наступательного порыва.

После катастрофы при Хаттине единственное, что могли сделать малочисленные гарнизоны большинства христианских городов и замков, так это выговорить себе возможно лучшие условия сдачи, поскольку скорой помощи ждать было неоткуда, а на выручку прибывающих морем крестоносцев могли рассчитывать только приморские города. Вот почему лишь некоторые гарнизоны латинской Палестины оказали отчаянное сопротивление мусульманским войскам и почему упорные усилия защитников Тира (Сюра) были впоследствии вознаграждены.

Кампания

В начале 1187 года, несмотря на существующее между Саладином и Иерусалимским королевством перемирие, ситуация к востоку и югу от реки Иордан оставалась напряженной из-за того, что Рейнальд де Шатийон взимал непомерную дань с мусульманских караванов на торговых путях

Интерьер замка Саффурийя (Сефория) в Галилее, постройка которого относится к периоду владычества в Галилее крестоносцев.

между Сирией и Египтом, не останавливаясь и перед их захватом. Как раз зимой 1187 года Рейнальд внезапно атаковал большой караван, захватив в плен находившихся в нем купцов, путешественников и охрану. Причин таких действий сеньера Трансиордании может быть названо множество: он мог надеяться таким образом сорвать перемирие между королем и султаном, или лишить графа Раймона поддержки Саладина в его ссоре с королем Гвидо (см. выше), либо просто опустился до откровенного разбоя, как на этом настаивают некоторые мусульманские хронисты. История о том, что в этом караване путешествовала одна из сестер Саладина вместе с сыном, вымышлена, но агрессивность действий Рейнальда и неспособность короля Гвидо принудить своего вассала освободить пленников дали Саладину прекрасный повод для возобновления войны.

В самом начале 583 года Хиджры по мусульманскому летоисчислению (13 марта 1187 года) Саладин возглавил собравши-

ся в Дамаске войска и совершил марш в оазис Рас аль Май, откуда разослал письма во все сопредельные исламские государства с призывом ко всем правоверным принять участие в предстоящем джихаде. Неделию спустя из Каира в Сирию выступил со своими войсками брат Саладина Аль Адиль, наместник Египта, в то время как Хусам ад-Дин Луиллу повел 15 египетских галер вниз по Нилу, в Александрию. Далеко на севере войска Таки ад-Дина сосредоточились в Алеппо, угрожая границам княжества Антиохия. Шел мусульманский месяц Мухаррам, когда огромные массы мусульманских паломников возвращались из Мекки по завершении хаджа. Поэтому Саладин оставил войска, продолжавшие накапливаться в Рас аль Мае, под командованием своего сына Аль Афдала и, возможно, опасаясь новых разбоев Рейнальда де Шатийона, повел личную гвардию к югу от Басры, чтобы охранять Дорогу хаджа. 20 апреля Таки ад-Дин двинул свои войска по направлению к крепости Харенк (Харим), стоявшую на грани-

«Чедорлаомер побежден Авраамом» - росписной потолок середины XIII века в Баптистерии Пармы. На росписи изображен классический для Европы конный бой на копьях, даже несмотря на то, что только передний слева рыцарь держит копье традиционным образом, зажав его под мышкой.

це с княжеством Антиохия, в то самое время, когда небольшой отряд из Рас аль Мая совершал рейд на юг, в латинское Заиорданье. 26 апреля, в день, когда ожидалось прибытие в Акабу египетской армии Аль Адиля, Саладин лично возглавил нападение на Заиорданье, блокировав гарнизон Крака настолько плотно, что нерегулярные мусульманские войска смогли опустошить всю территорию сеньерии. Кроме того, Аль Афдаль по приказу Саладина также начал вторже-

ние на территорию Иерусалимского королевства, но впоследствии приказ был отменен, а войска вернулись в Рас аль Май ожидать дальнейших приказаний султана.

Тем временем бароны Иерусалимского королевства собрались примирить кроля Гвидо с Раймоном, графом Триполи, который до сих пор отсиживался во владениях своей жены в Тивериаде. В числе делегированных к Раймону лиц находились Баллианд, Ибелин, Роже де Мулен, магистр Ордена

рыцарей-госпитальеров, архиепископ Тирский, Рейнальд, граф Сидона, а также Жерар де Ридфор, магистр Ордена рыцарей-тамплиеров. Делегация выехала из Иерусалима 29 апреля и неспешно двинулась к Тивериаде. Однако уже на следующий день в Тивериаду прибыл посланец от Аль Афдаля, привезший письмо от Саладина. В нем султан вежливо просил своего «друга» графа Раймона разрешить мусульманскому разведывательному отряду проехать через вла-

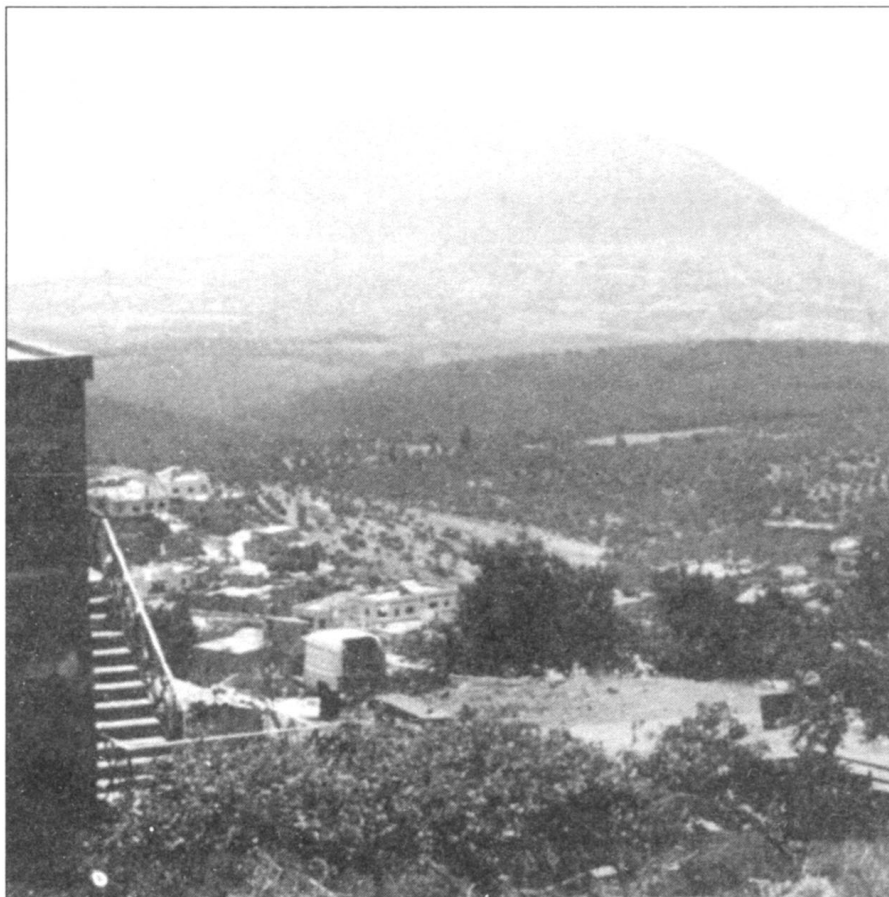

«Битва между Банну Забба и Банну Шайба» в азербайджанском манускрипте «Warga wa Gulshah» конца XII – XIII веков. Миниатюра изображает схватку на мечах под густым дождем стрел.

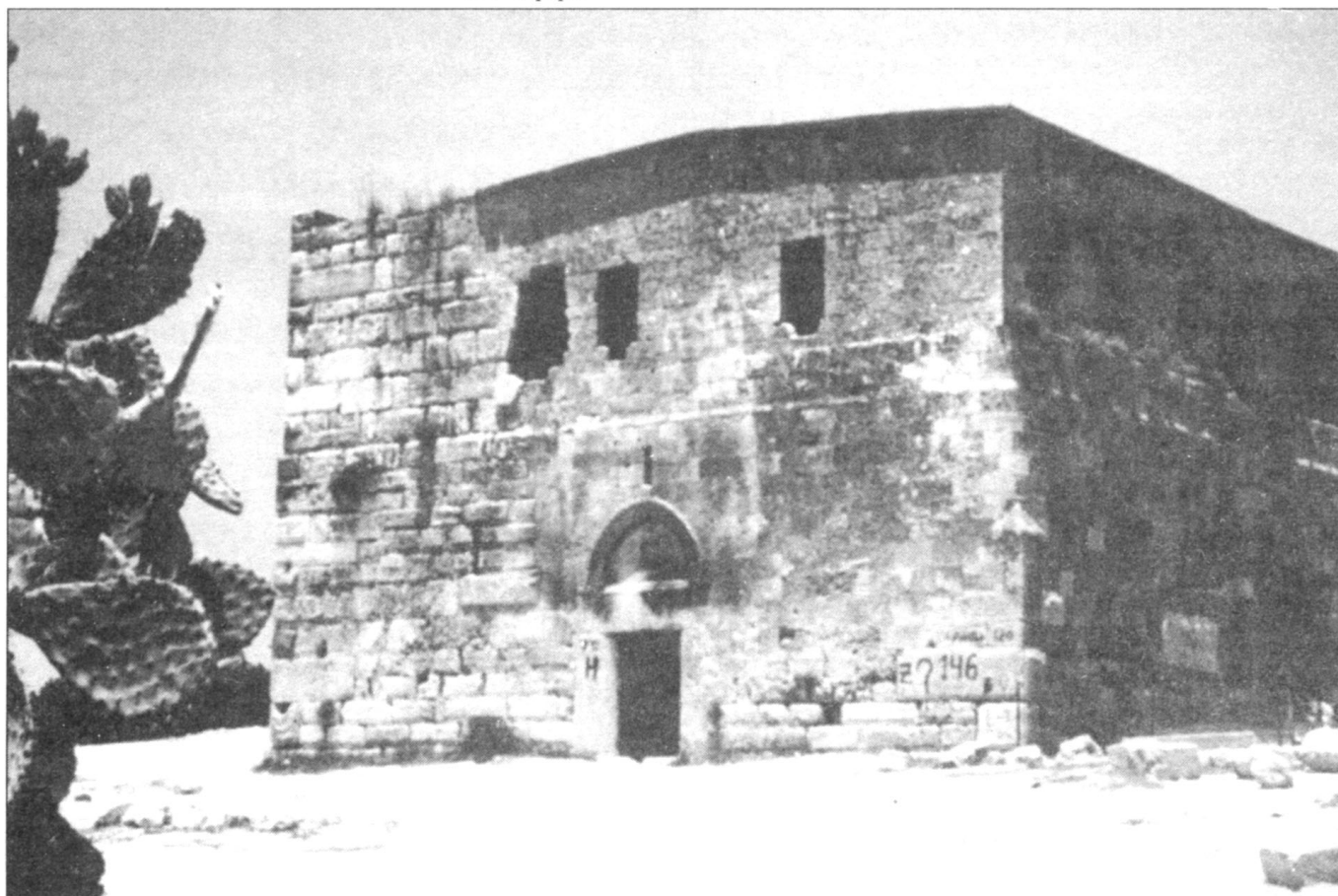
дения графа. Целью этой поездки, говорилось в письме, не является нанесение ущерба подданным графа или его власти в Галилее, а лишь достижение территории королевского домена вокруг Акры. Не зная о посылке к нему королем баронской делегации, Раймон согласился, поставив лишь условие, что мусульмане вернутся восвояси в тот же день и не причинят христианам никакого вреда.

Утром 1 мая отряд воинов Саладина миновал стены Тивериады и направился на запад. Во главе его находился Музаффар ад-Дин Гёкбёри, ведший свои войска из Джазиры, и другие турецкие эмиры, в числе которых были Каймаза аль Найджми с конным отрядом из Дамаска и Дильдирим аль Яруки с людьми из Алеппо. Аль Афдал с большими силами оставался в Аль Кавани, юго-восточнее Тивериадского озера.

Когда граф Раймон узнал о приближении делегации баронов из Иерусалима, он послал им предупреждение, что на его территории находится большой мусульманский отряд. К этому времени от делегации отделился один из баронов (согласно одних источников, это был Рейнальд Сидонский, согласно другим, - Баллиан д.Ибелин), который обещал догнать остальных в Ла Фев (Аль Фула – Al Fulah). Из разосланных гарнизоном в Галилее приказов графа и его предупреждения члены делегации узнали о проведении мусульманами разведывательной операции и Жерар де Ридфор тут же объявил сбор всех орденских сил провин-

Джабаль Табур (гора Табор) заметно возвышается над холмами Галилеи – вид из арабской деревни Айн Махиль, находящейся недалеко от Крессонских источников, где 1 мая 1187 года Гёкбёри наголову разгромил атаковавший его отряд тамплиеров Жерара де Ридфора.

Небольшой замок крестоносцев в Саффурийе (Сефории) со стороны входа с его искусно выполненной резьбой. Верхняя часть здания была перестроена местным арабским правителем Тахар аль Умаром в 1745 году. В июне 1187 года христианская армия собиралась по призыву короля Гвидо у близлежащих источников.

Источники в Музайриб в начале весны. На плодородной равнине к северу от долины реки Ярмук находится множество таких источников, которые служили в качестве пунктов сбора для мусульманских войск задолго до периода войн с крестоносцами. Здесь они могли найти не только воду, но и пастбища для лошадей.

ции. На исходе ночи 30 апреля маршал Ордена тамплиеров Жак де Майи привел магистру 90 братьев-рыцарей из замка Како (Аль Какун – Сасо – Al Qaqun). На следующее утро Жерар привел этот отряд и людей своей свиты в Назарет, где к нему перед выступлением к Крессонским источникам (Айн Джуза – Ayn Juzah - восточнее Назарета, возле современной деревни Айн Махиль – Ayn Mahil) присоединилась часть местного рыцарского ополчения. Теперь в распоряжении магистра тамплиеров находились около 130 рыцарей, некоторое количество туркополов и 400 пехотинцев, в то время как силы Гёкбёри, по данным хрис-

тианских хронистов, составляли якобы 7000 человек. Скорее всего, это преувеличение – более вероятная численность мусульман – 700 воинов.

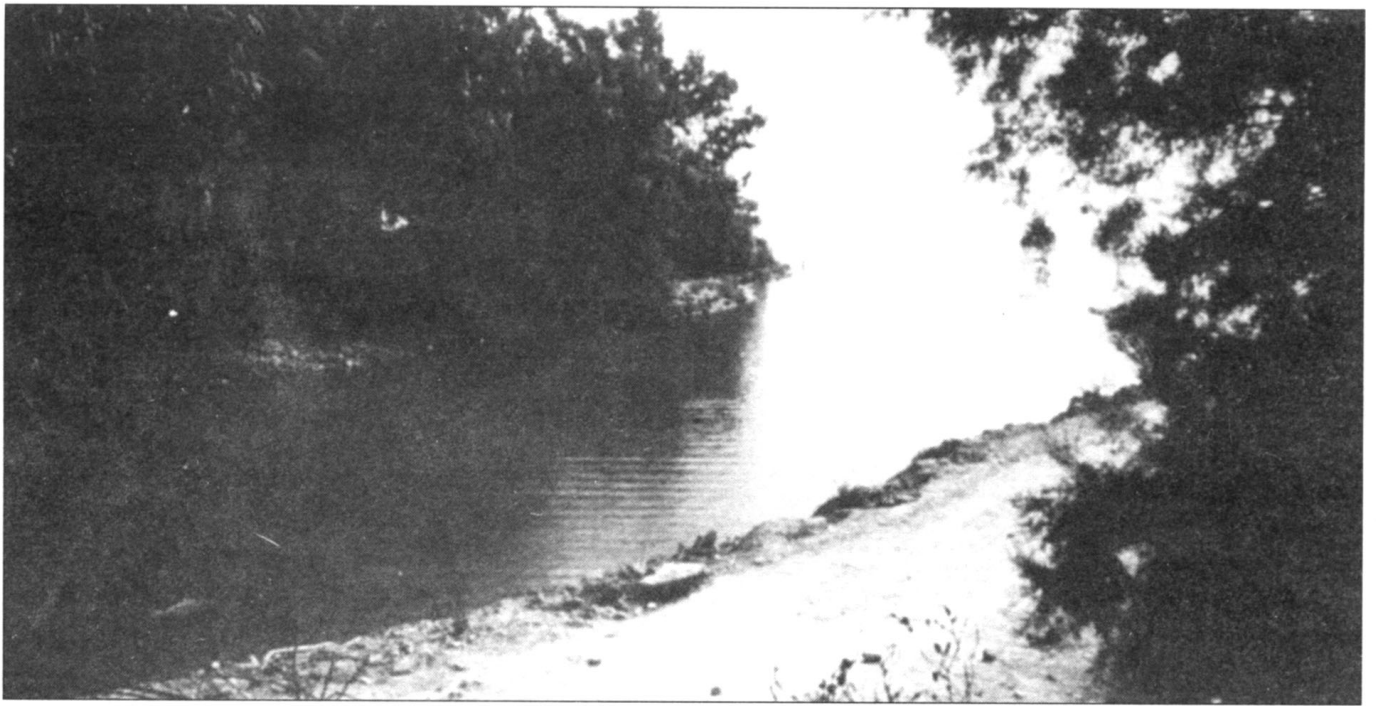
Однако даже при отсутствии точных данных о численности сторон, ход и итоги развернувшейся битвы сомнений не вызывают. Вопреки советам магистра Ордена госпитальеров и маршала собственного Ордена, Жерар настоял на проведении конной атаки на мусульманские силы. Этот чрезвычайный случай самоуверенности имел для христиан плачевный исход. По свидетельству мусульманских хронистов, бой представлял собой ско-

ротечную схватку, завершившуюся в лесу, в котором скрылись немногочисленные беглецы. Атака тамплиеров, госпитальеров, светских рыцарей ополчения и туркополов застигла врага врасплох, но силы противоборствующих сторон уж слишком были неравны и, к тому же, атакующая кавалерия христиан оторвалась от своей пехоты. Главный удар рыцарской кавалерии принял на себя отряд Дилдирима аль Яруки из Алеппо и стойко выдержал его. Видимо, Гёкбёри и Каймаз аль Наджми со своими воинами предприняли кавалерийскую контратаку, в результате которой христианская кавалерия была окружена и уничтожена. Смерти или позорного плена избежали только Жерар де Ридфор и горсточка рыцарей. Затем мусульмане рассеяли пехоту христиан, после чего разграбили окрестные территории. Тот факт, что разгоряченные боем воины Гёкбёри, возвращаясь через земли Раймона, не причинили христианам Галилеи никакого ущерба, многое говорит о дисциплинированности исламских войск.

Разгром христиан при Крессонских источниках 1 мая 1187 года имел значительно более серьезные последствия, чем можно

Водопады в Аль Хама возле западного края устья реки Ярмук. Такие обильные водные источники крайне редки в странах Ближнего Востока, поэтому обе стороны стремились их контролировать. Эти водопады находились недалеко от Тер де Сюэт, вблизи восточной границы христианской баронии Галилея.

Баб аль Тумм, где река Иордан вытекает из Тивериадского озера. Армия Саладина переправилась через реку и вошла в пределы Палестины по мосту Санабра, который находился несколько ниже по течению Иордана, 30 июня или 2 июля.

себе представить. Наладившиеся отношения между королем и графом Триполи являлись слишком незначительной компенсацией понесенным потерям. В схватке был убит магистр госпитальеров Роже де Мулен, а Орден тамплиеров понес значительные потери. Даже если поражение и не повлияло на моральное состояние христиан, то боевой дух мусульман определенно возрос. Примерно в это же время флот византийского императора Исаака Ангела совершил нападение на Кипр, которым владел соперник Исаака, претендовавший на императорский трон. К сожалению, мятежный правитель Кипра являлся союзником латинского княжества Антиохия, в связи с чем Исаак Ангел был объявлен сторонником Саладина и, таким образом, отношения между латинянами и греческими ортодоксальными христианами вконец были испорчены накануне решительного наступления Саладина.

Сбор войск

К египетской армии Аль Адила присоединился небольшой отряд телохранителей султана, который в течение двух недель действовал на территории Заиордания, разоряя христиан и подстрекая местное крестьянство переселяться в управляемые мусульманами области. К концу мая в руках Рейнальда де Шатийона остались лишь замки Крак-де-Моаб (Krak-de-Moab) и Монреаль (Montreal). Тем не менее, сражение при Крессонских источниках нарушило планы Саладина, открыв его намерения противнику, который не бросился спасать Заиорданию, а готовился к отражению нападения со стороны Дамаска. Поэтому Саладин двинулся на север с большей частью египетских войск, в то время как Аль Адиль вернулся в Каир. Султан приказал Аль Афдалю подготовить новый пункт сбора войск с пастбищами для скота и необходимым количеством

водных источников. В конце концов, для этого была выбрана местность в Таль,Аштарахе (Tal,Ashtarrah), использовавшаяся в качестве стоянки войск еще во времена Нур-ад-Дина. Здесь 27 мая и объединились войска Саладина и Аль Афдаля. Сюда же по султанскому приказу должен был прибыть с войсками Сирии и Джазиры и Таки ад-Дин. До сих пор перед ним стояла задача блокирования войск княжества Антиохия и Армянской Киликии, но по получении приказа Таки ад-Дин в начале июня заключил перемирие с христианами и повел свои войска на юг, на соединение с султаном. Прибывшие войска из Сирии, Мардина, Нисибина, Дийарбакра и других областей современной юго-восточной Турции, из Мосула и Ирбиля в северном Ираке стали лагерем вокруг Таль,Аштараха. Вскоре в Тазиле, в нескольких милях от лагеря, был произведен большой «ард» или смотр войск, в результате которого определили численность

Палестинская деревня Кафр Сабт, где в начале июня 1187 года находился базовый лагерь Саладина, была уничтожена сразу после того, как эти территории заняли израильтяне в 1948 году. Сейчас рядом с прежней мусульманской деревней расположилось еврейское поселение.

Руины церкви крестоносцев и остатки древних городских стен в северо-восточном углу средневековой Тивериады, лежащей к югу от современного города. Лагерь войск Саладина, осаждавших город в 1187 году, находился по ту сторону плато, на удалении.

собранной армии в 12000 воинов из регулярных формирований и большого количества иррегулярной конницы, ополченцев и религиозных добровольцев – всего около 45000 человек.

События же в Иерусалимском королевстве развивались следующим образом. После поражения при Крессонских источниках граф Раймон отослал назад султану отряд его воинов, находившийся в Тивериаде на случай нападения на нее королевских войск, а затем принес оммаж Гвидо как королю Иерусалима. Тем не менее, взаимная неприязнь между графом и королем и королевским окружением преодолена не была, особенно упорствовал в недоверии к графу Жерар де Ридфор, магистр тамплиеров. Потери христиан при Крессоне составили около 130 рыцарей, разорение Саладином Заирорданья также ослабило их потенциал. В этой серьезной ситуации король Гвидо в конце мая объявил сбор арьербана, призывая к оружию всех свободных мужчин-христиан. На деньги английского короля Генриха II Плантагенета, которые тот поручил тамплиерам, а де Ридфор передал королю Иерусалима, были наняты наемники – в основном, конные сержанты, согласно условиям пожертвования, носившие королевский герб Англии. Сбор войск был назначен в богатой источниками местности к югу от замка Сефория (Saffuriyah). К концу июня прибыли примерно 1200 рыцарей, свыше 4000 конных сержантов и туркополов. Пехота, численность которой достигала 15-18 тысяч человек, имела разнородный состав

от профессиональных арбалетчиков до неопытных ополченцев-новобранцев. Как видим, мусульманская армия имела численное превосходство в соотношении 3:2, хотя и несколько уступала в тяжеловооруженной коннице. Христианскую армию, помимо короля Иерусалима, возглавляли магистры обоих Орден, граф Триполи, Рейнальд де Шатийон, Баллиан д.Ибелин, Реджинальд, граф Сидона, и Готье Гарнье, сеньер Цезареи.

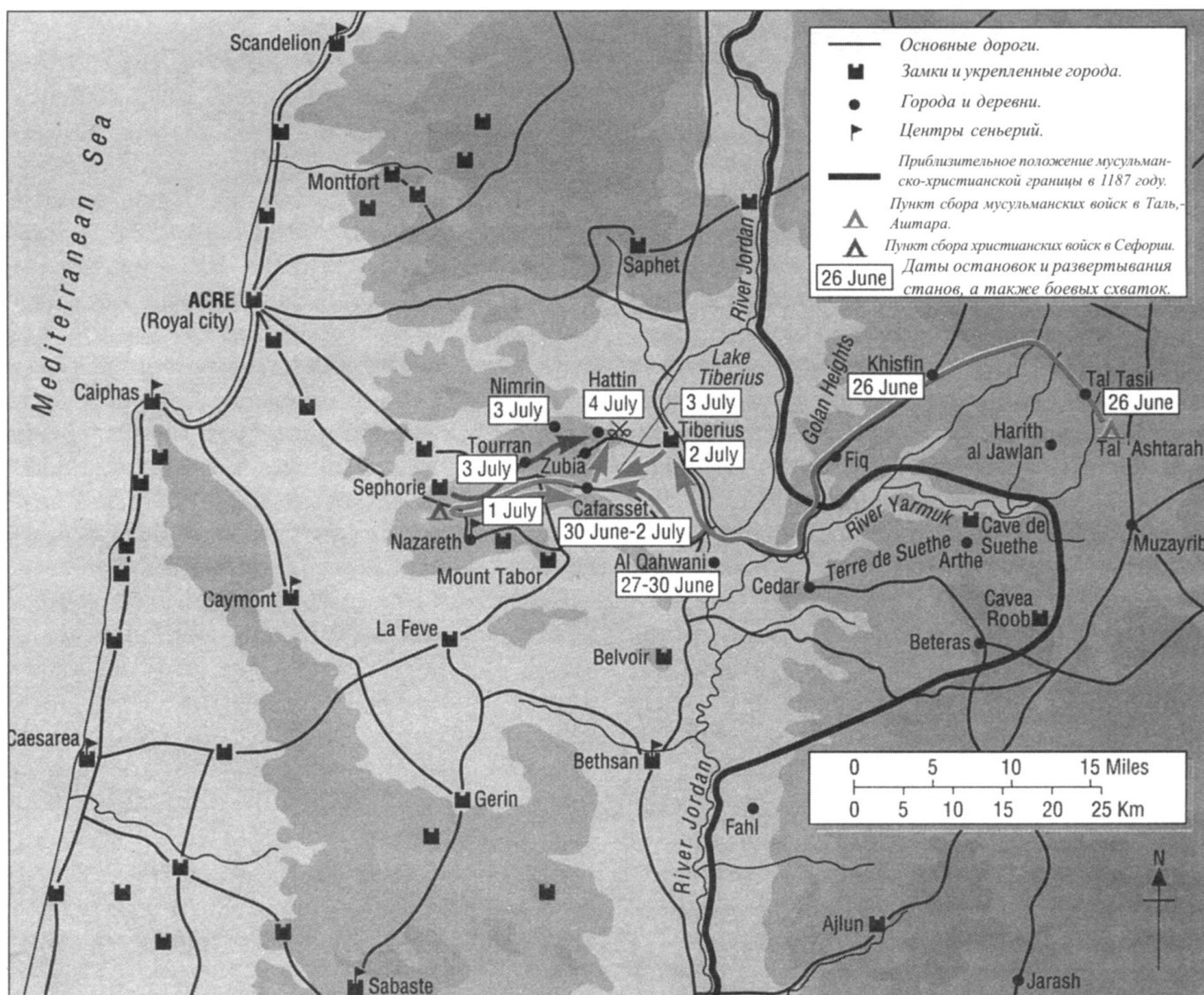
Во время шмотра мусульманских войск султан Саладин назначил их боевой порядком. Таки ад-Дин командовал правым крылом, Гёкбёри – левым, а сам султан – центром, к которому относились также авангард и арьергард. 26 июня войска совершили первый переход, остановившись лагерем в Хисфине (Khisfin) на Голанских Высотах. На следующий день мусульмане спустились с южного отрога Высот и разбили лагерь в Аль Кавани (Al Qahwani), болотистой местности между Тивериадским озером и реками Иордан и Ярмук. Небольшие мобильные отряды исламской конницы переправились через реку Иордан для разорения обширных территорий между городами Назарет и Тивериада и горой Табор – вторжение началось.

Король Гвидо де Лузиньян собрал в Акре совет военачальников, но, по получении последних известий о действиях противника, немедленно прибыл в Сефорию. Точно неизвестно, когда главные силы Саладина перешли Иордан, но, скорее всего, это произошло 30 июня. Тивериада была блокирована, к Сефории направлены разведчики, а основные силы султана расположи-

лись лагерем в Кафарсете (Kafr Sabt – Кафр Сабт), на полпути между Тивериадой и Сефорией, где имелось несколько источников. На следующий день, 1 июля, султан лично привел войска к Сефории, возможно, в надежде выманить христиан из их сильной позиции и принудить к бою. Однако Лузиньян продолжал придерживаться выжидательной тактики и после отхода от Сефории Саладин приказал провести разведку у города Лубия (Lubiyah), находившегося на альтернативном пути между Сефорией и Тивериадой.

2 июля Саладин с частью своих войск осадил Тивериаду, к городу были доставлены осадные машины с обслуживающим персоналом, а также осадные инженеры и специалисты. Однако позиция осаждающих, которые оказались зажатыми между озером и крутыми холмами, являлась настолько безнадёжной в случае, если христианская армия решится выступить из Сефории и нагрянуть к Тивериаде, что Саладин с большей частью конницы вернулся в Кафарссет. Гарнизон Тивериады после ухода большей части воинов по королевскому призыву оказался настолько малочислен, что с наступлением ночи город пал. Немногочисленные защитники во главе с доблестной женой графа Раймона, графиней Эшивой, отступили в цитадель, откуда продолжали оказывать яростное сопротивление осаждающим.

Тем временем Лузиньян собрал еще один совет в Сефории. Граф Раймон высказался против выступления на помощь осаждаемым в цитадели Тивериады, указывая,

Движение войск противников к Хаттину.

что именно этого и добивается Саладин. Если же христианские войска останутся на месте, утверждал он, Саладину придется либо отступить, либо атаковать христиан, находящихся на сильной позиции. В противном случае христианские войска, предприняв этот поход в разгар лета, рискуют быть отрезанными от источников воды в «пустыне», - под этим словом граф Раймон, очевидно, подразумевал также отсутствие корма для лошадей. Многие из присутствовавших на совете баронов, памятуя о недавних союзнических отношениях графа с Саладином, все еще считали Раймона предателем, а Жерар де Ридфор даже обвинил его в трусости. Тем не менее, рассуждения графа были признаны верными, и войска остались на своих позициях. Однако неугомонный магистр тамплиеров на протяжении всей ночи со 2-го на 3 июля продолжал изводить короля политическими и военными аргументами в пользу немедленного выступления к Тивериаде. И, возможно, одним из главных аргументов де Ридфора являлся тот факт, что деньги короля Генриха Английского потрачены впустую, поскольку для защиты христиан не предпринято никаких усилий.

Христианская армия была поднята по тревоге перед рассветом 3 июля, когда ко-

ролем все же было принято решение выступить к Тивериаде. Из Сефории к Тивериаде вели сразу несколько дорог. Войска могли повернуть на юг и, пройдя через Казаль Робер (Casal Robert - Kafr Kana - Кафр Кана), направиться на северо-восток, чтобы выйти на прямую дорогу, ведущую к Тивериаде, возле Тураана (Tur'an), где имелся источник воды, но могли и прямо направиться к Тураану, двигаясь на север, а затем на восток. В нескольких километрах к востоку от Тураана дорога разветвлялась: одна дорога на Тивериаду шла через Кафарссет, где теперь расположился лагерь Саладин, зато другая пролегла севернее, через Лубию и безводную гряду холмов, называвшуюся Рога Хаттина. Примерно в двух километрах от Тивериады обе дороги круто спускались по крутым склонам к берегам озера. Северная дорога между Турааном и Тивериадой также разветвлялась примерно в двух километрах западнее Лубии. Отсюда тропа шла еще севернее, вокруг противоположных склонов Рогов Хаттина, затем вниз по крутому склону к Хаттину с его многочисленными источниками и через ущелье Вади Хаммам на побережье озера в Магдале (Al Majdal - Аль Мадждаль).

Король Гвидо де Лузиньян выбрал до-

рогу через Казаль Робер. Войска, вероятно, покинули Сефорию на рассвете, двигаясь тремя отрядами, причем авангардом командовал граф Раймон. Лузиньян возглавлял центр, где находилась величайшая святыня христианского мира - Святой Крест, на котором был распят Иисус Христос, охраняемая епископами Акры и Лидды. Балиан д'Ибелин командовал арьергардом, вместе с которым двигались тамплиеры. Христиане совершали переход обычным порядком - кавалерия в окружении пехоты. Всевозможные неблагоприятные знамения и знаки, которые при определенном желании всегда можно обнаружить в большом количестве, уже начали свое действие на моральный дух христианских войска, тем более, что он никогда не был особенно высок, поскольку войска знали, что, если даже враг и оставит их в покое, им предстоит долгий путь по пыльной дороге, под знойным июльским небом, вдали от живительных источников влаги. Первый такой знак появился в самом начале пути, когда христианской армии встретилась сумасшедшая мусульманка. Напуганные и взбешенные воины-пехотинцы попытались сжечь несчастную, но, к ужасу христиан, огонь не причинил ей вреда. Тогда ей отрубили голову топором. Пе-

ред выступлением из лагеря лошадей не наполнили – очень серьезное упущение, особенно если учитывать недостаток воды в пути.

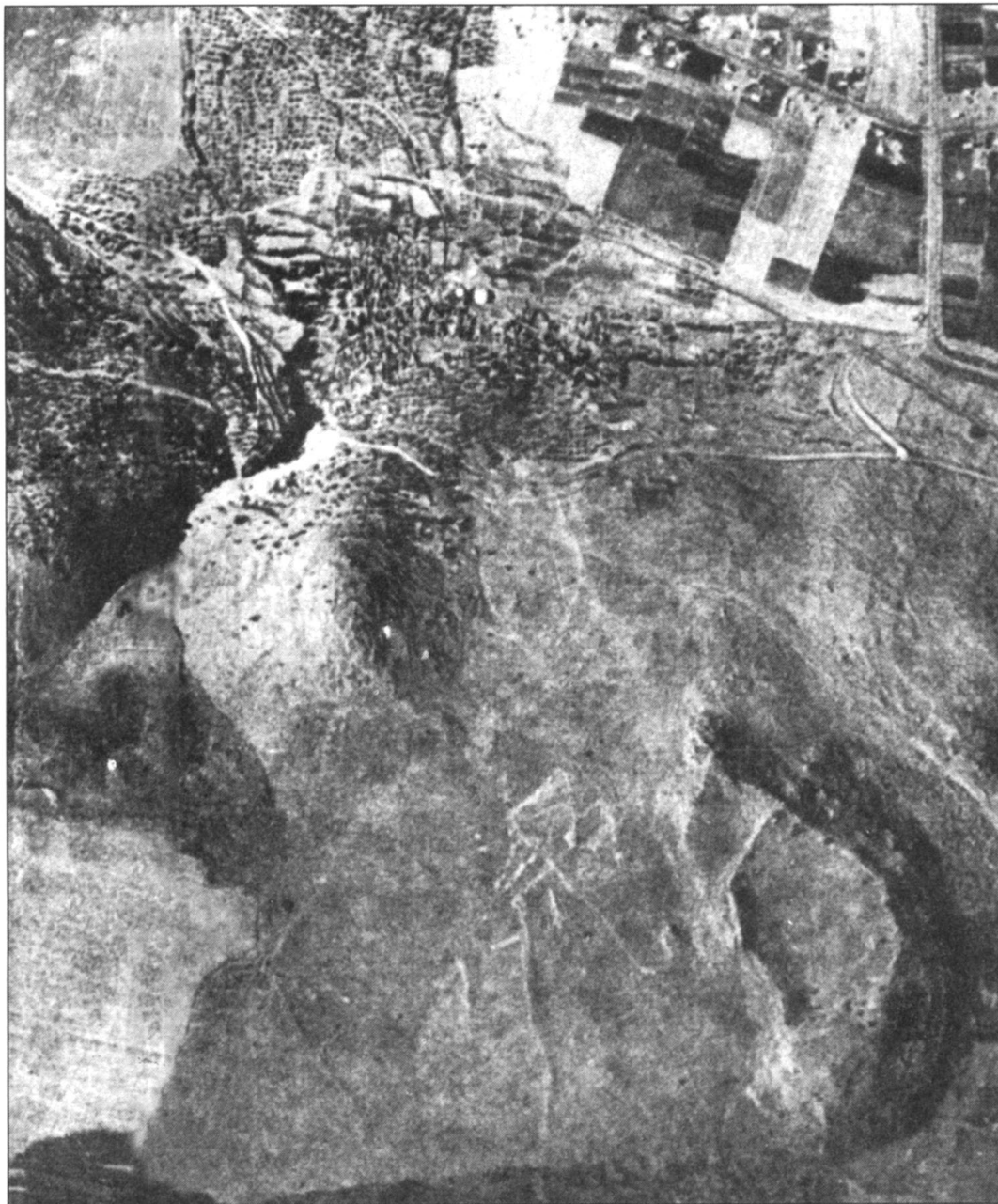
Когда находившийся в Тивериаде Саладин узнал, что христиане выступили из Сефории, он немедленно повел главные силы своей армии обратно в основной лагерь в Кафарсете, оставив лишь небольшой отряд для блокирования цитадели Тивериады. По прибытии в лагерь султан выслал небольшие отряды легкой конницы, призванные беспокоить христианские войска на марше, но основные силы Саладина не входили в контакт с противником приблизительно до 10 часов утра, когда король достиг Тураана. Некоторое количество воинов на левом фланге могли успеть напиться из источника Тураана, но основная масса христианских войск спешно оставила деревню. Неудача при попытке утолить жажду еще больше подорвала их боевой дух. По мере дальнейшего продвижения интенсивность боевых схваток нарастала: армия находилась вблизи мусульманского лагеря в Кафарсете, испытывая жажду, двигаясь в жаре, пыли,

под грохот мусульманских барабанов во время непрерывных налетов конных лучников противника, нанесших латинянам большие потери в конях, израненных стрелами. В полдень повторяющиеся атаки мусульманских войск заставили христианскую армию остановиться. Графу Раймону, находившемуся в авангарде, который уже достиг развилки дорог у Манескалсии (Мискины - Miskinah), доложили, что арьергард вынужден остановиться. Поняв, что продолжение движения по намеченному маршруту невозможно и армия не в состоянии больше пробиваться сквозь порядки мусульманских войск, граф Раймон убедил короля, что им надо повернуть налево, на дорогу к источникам Хаттина, находившимся всего в шести километрах. Оттуда они могли достичь Тивериадского озера на следующий день.

С трудом отбивавшаяся от яростных наскоков мусульманской конницы христианская армия растянулась на относительно ровной местности, по крайней мере, на два километра. Слева тянулась череда покрытых лесом склонов, называемая Джабаль Тур-

ан (Jabal Tur'an) и заканчивающаяся небольшим холмом, на вершине которого раскинулась деревня Нимрин (Nimrin). Справа на таких же лесистых холмах располагались деревни Седжера (Шаджара - Shajarah) и Лубиа. Впереди возвышались Рога Хаттина, а справа от них синели воды Тивериадского озера. Его прохладные воды казались измученным жаждой людям такими близкими, хотя на самом деле они находились в 12 километрах. Как только христианская армия попыталась сменить направление движения, она тут же смешала ряды. Саладин, имевший прекрасный обзор на плато с лежащих южнее холмов, разгадал движение противника и отправил Таки ад-Дина для блокирования пути на Хаттин. Находившиеся на правом фланге исламских войск отряды Таки ад-Дина схватились с авангардным отрядом графа Раймона, который, понимая, что мусульмане попытаются остановить его, отрезав от источников в Хаттине, посоветовал королю ускорить движение армии, однако это оказалось невозможным.

Точно неизвестно, как Таки ад-Дин ока-

Послеполуденный вид с самолета на поле битвы при Хаттине. Покинутая деревня Нимрин располагается в холмах слева, также покинутая ныне деревня Хаттин – у подножия затененной зоны в центре фотографии. Рога Хаттина видны в нижнем правом углу, на фотографии также хорошо просматриваются стены античного, возможно, бронзового века, поселения.

зался впереди и слева от христианского авангарда. Можно предположить, что его войска находились на небольшом холме северо-восточнее Лубии, блокируя главную дорогу на Тивериаду. Отсюда они могли быстро передвинуться вправо, закрепившись правым флангом на холме у деревни Нимрин и тем самым перекрывая дорогу из Манескалсии к краю плато, а отсюда к источникам Хаттина. Но это открывало главную дорогу на восток, к Тивериаде, поэтому Саладин также передвинул центр правее. Следующей ночью ставка султана располагалась на холме у деревни Лубия.

Гёкбёри во главе левого крыла исламских войск находился на холме у деревни Седжера и, вероятно, его войска атаковали христианский арьергард, вынудив короля сделать еще одну остановку. Тамплиеры контратаковали, стремясь заставить врага отступить, но их атака захлебнулась. Тогда же граф Раймон произнес: «Але! Але! Боже Всемогущий, война окончена. Мы обречены на гибель, а Святая земля потеряна.» Затем он посоветовал Гвидо разрешить из-

нуренной армии разбить лагерь вокруг Манескалсии, несмотря на то, что другие бароны требовали атаковать мусульман, считая атаку единственным шансом если не на победу, то хотя бы на спасение. На этот раз Лузиньян внял совету Раймона, возможно, надеясь, что его армия сможет, отдохнув, пробиться к Хаттинскому источнику на следующее утро. Беспокоящие атаки мусульманских войск продолжались до наступления ночи.

Холмы вокруг места, где располагалась лагерь армия христиан, были довольно лесистыми. Войска Таки ад-Дина удерживали открытое плато между Нимрином и Рогами Хаттина, тогда как центр располагался на холмах вокруг Лубии. Ничего неизвестно о расположении войск левого фланга, которым командовал Гёкбёри, но, скорее всего, они заблокировали долину, по которой собирались двигаться христиане. На протяжении ночи стоянки обеих сторон были настолько близки, что их сторожевые посты могли переговариваться между собой. Мучимые жаждой и деморализованные не-

удачами прошедшего дня, христиане тревожно прислушивались к барабанному бою, молитвам и песнопениям в стане противника, тогда как у мусульман царили совсем другие настроения. Этой ночью Саладин подтянул к месту битвы остававшиеся в Кафарсете войска, в основном, пехоту. Лучникам и арбалетчикам были розданы 400 тюков стрел, причем войска использовали лишь незначительную часть груза 70 верблюдов и в резерве оставалось еще достаточное количество тюков со стрелами. В то время как христиан мучила жажда, в мусульманский лагерь пришел караван, привезший бурдюки с водой из Тивериадского озера. Ею наполнили временные резервуары, вырытые во всех частях расбросанного по плато лагеря мусульман. И боевой дух был, конечно же, высоким. Люди Саладина собирали на склонах окрестных холмов сухой хворост, в котором это время года было полно высохших цветков чертополоха, и складывали его в большие кучи с наветренной стороны христианского лагеря, собираясь поджечь их следующим утром. Похоже, что хворост складывали также вдоль линии ожидаемого движения христианских войск.

Битва при Хаттине

Перед рассветом утром 4 июля 1187 года христианская армия уже построилась в готовности продолжать движение. Граф Раймон вновь возглавил авангард, в котором находился также и воинский контингент княжества Антиохийского во главе с князем Раймоном. Христианские войска находились в плохом состоянии, но Саладин не мешал их приготовлениям, возможно, еще сомневаясь в дальнейших действиях противника, который мог провести стремительный бросок к деревне Хаттин или предпринять отчаянную атаку на позиции мусульманских войск. Также неизвестно, в какой

Тур,ан, одна из немногих арабских деревень, уцелевших после израильского завоевания этих территорий. Она лежит у подножия холма Джабаль Тур,ан, в ней находится единственный крупный водный источник между Саффурийей и Хаттином. Войска короля Гвидо прошли деревней 3 июля, не сделав остановки для пополнения запасов воды.

момент мусульмане подожгли кучи хвороста. Одни источники утверждают, что они начали жечь хворост еще до выступления противника из лагеря, другие – во время движения христиан или же во время отступления уже раздробленных христианских сил к Рогам Хаттина. Наиболее вероятно вторая версия и костры, скорее всего, были зажжены после начала марша противника, когда стали ясны его намерения. Во всяком случае, задание Саладина было исполнено многочисленными, но не обученными добровольцами-муттавийя. Мусульмане издевались над страдающими от жажды христианами, проливая на землю воду из устроенных прошлой ночью цистерн.

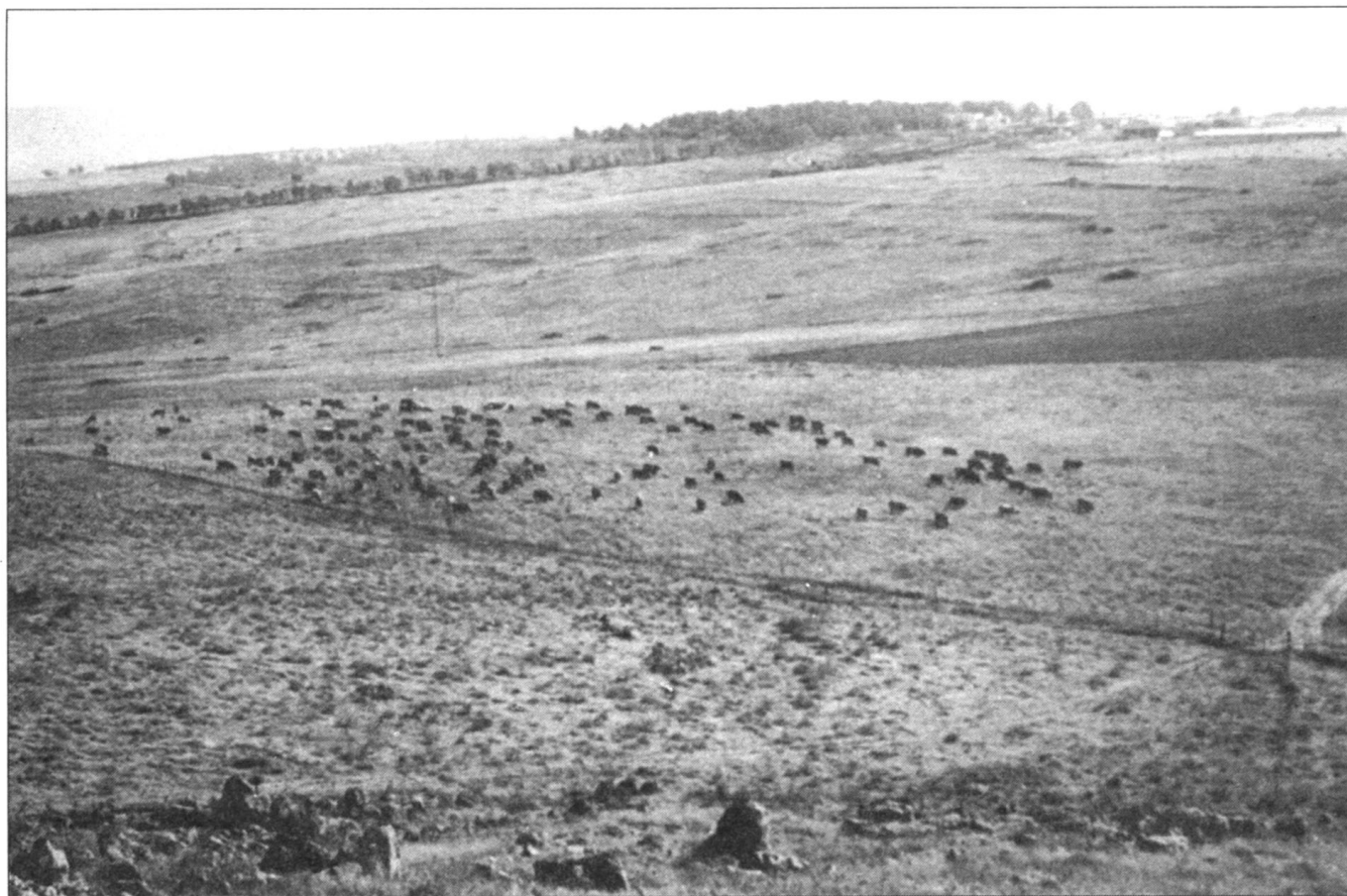
Возможно, именно в это время имевшие опыт службы в исламских армиях рыцари убеждали Лузиньяна провести внезапную атаку на позиции мусульман, однако их предложение было отклонено и армия продолжила движение к Хаттинскому источнику, который находился всего в пяти километрах. Жажда христиан была так велика, а моральный дух так низок, что шесть рыцарей и несколько сержантов, увидев момент, перебежали к Саладину, принеся ему приятную весть, что среди христиан сильны пораженческие настроения. В их числе находились Бодуэн де Фотина (Baldwin de Fota), Раульфус Бруктус (Raulfus Bructus) и Лудоикус де Табариа (Laudoicus de Tabaria). Тогда Саладин послал в атаку центр и, возможно, левый фланг своих войск под командованием Гёкбёри. Его атака была отражена находившимися в арьергарде тамплиерами, в свою очередь предпринявшими контратаку порядков Гёкбёри, в то время как авангард графа Раймона атаковал предводимое Таки ад-Дином правое крыло мусульман, блокировавшее дорогу вперед. О том, как близки были христиане в этот момент к

тому, чтобы вырваться из охватывавшего их кольца исламских войск, сообщает единственный из мусульманских хронистов, Ибн Халликан (Ibn Khallikan), составивший биографии Гёкбёри и Таки ад-Дина. «Только они,» - писал Ибн Халликан – «удержали свои позиции, в то время как остальные войска правоверных смешали свои ряды и были отброшены. Воины вернулись в бой лишь услышав, что эти военачальники еще сопротивляются врагу, и лишь тогда победа улыбнулась мусульманам.» В самом начале этой схватки Саладин потерял одного из лучших своих эмиров по имени Мангурас (Manguras). Являясь правой рукой Таки ад-Дина и его наместником в Хаме, он, вероятно, сражался на правом крыле мусульманских войск. Мангурас, по сообщению одних источников, выехал вперед и вызвал на поединок сильнейшего из христианских бойцов, но был сброшен им с лошади, оттащен в ряды противника и там обезглавлен. Правда, другие источники говорят о том, что он пал в бою с превосходящим количеством врагов.

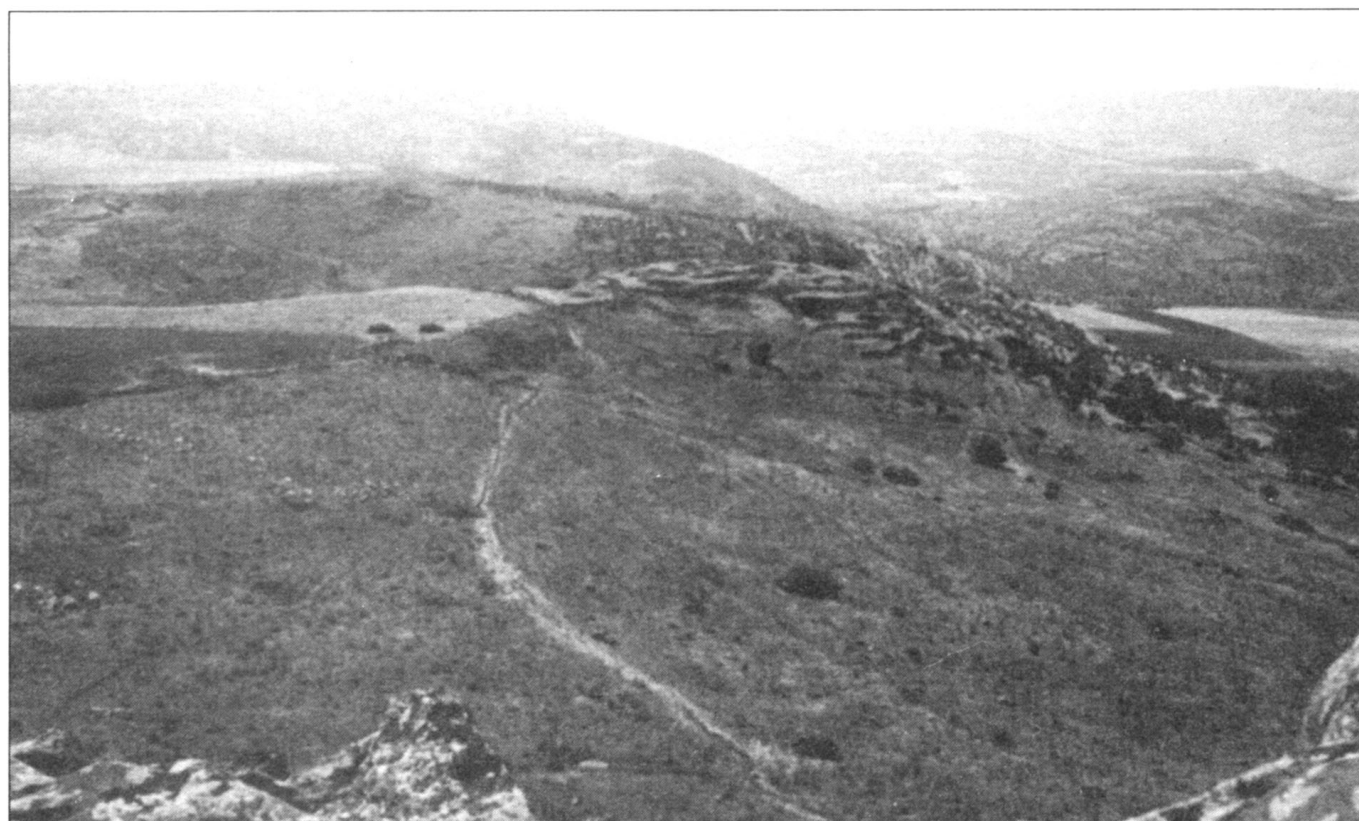
Христианская армия выступила из лагеря опять же в обычных порядках: конница прикрывалась рядами пехоты, а также лучниками и арбалетчиками, готовая отбросить зарвавшихся мусульман контрударами. Первые атаки армии Саладина были ею отбиты, но при этом было потеряно множество лошадей. Но, что более важно, христианская пехота дрогнула и в больших количествах начала оставлять свои порядки и отходить в восточном направлении. Мусульманские источники утверждают, что страждущие от жажды пехотинцы бежали по направлению к Тивериадскому озеру, несмотря на то, что оно находилось значительно дальше, чем источник в Хаттине, и, следовательно, не нужно было совершать столь

длительный переход, чтобы напиться. Христианские хронисты объясняют это движение масс пехоты ее стремлением найти убежище от врага на Рогах Хаттина. Единственное, чего никак не могут объяснить оригинальные источники и большинство современных исследований, так это тот факт, что в любом случае для этого им нужно было пройти через место, где находился центр армии Саладина! Джошуа Проуэр, крупнейший историк-эксперт, занимавшийся реконструкцией событий этой битвы, считает, что в ночь перед сражением Саладин изменил дислокацию частей своей армии, развернув ее кругом и поставив войска Таки ад-Дина на левом фланге, Гёкбёри – на правом, и разместив центр своей армии к западу от христианского лагеря. Однако сама ставка Саладина, как уже было сказано, находилась в Лубии и ближайшей целью султана оставалось стремление не допустить христианские войска к воде – ни на северо-востоке, к деревне Хаттин, ни на востоке, к Тивериадскому озеру.

Таким образом, Таки ад-Дин блокировал тропу к Хаттину, удерживая позицию, тянувшуюся от подножия Рогов Хаттина до холма, на котором располагалась деревня Нимрин; боевые порядки центра мусульманской армии занимали пространство между подножием Рогов Хаттина и Лубийским холмом, прикрывая основную дорогу к Тивериаде, а войска Гёкбёри стояли между Лубией и горным массивом Джабаль Тур,ан, перекрывая христианам пути отхода к западу, к источнику в деревне Тураан. Позиция с укреплением одного из флангов на холме являлась общепринятой тактикой турко-мусульманских конных армий, тогда как расположение армии с холмом в центральной позиции было более характерно для тактики пехоты. Совершенно ясно, что султан

Вид с северного Рога Хаттина на юго-восток, в направлении современного киббуца Лави, за которым находится брошенная жителями деревня Лубийя. Король Гвидо де Лузиньян, вероятно, пытался создать оборонительную позицию именно здесь, у подножия Рогов.

Вид с северного Рога Хаттина на запад. Ближний холм, возможно, является местом захоронения павших в бою мусульман. За ним находится глубокая расселина, по которой двигалась кавалерия графа Раймона, покинувшая место сражения после того, как войска Таки ад-Дина расступились, открывая путь христианам. За ней находится еще одна ложбина и поросшие лесом холмы вокруг покинутой деревни Хаттин.

Вид вниз в ложбину, ведущую к источникам Хаттина, по которой спаслась кавалерия графа Раймона. Надгробие в Наби Шу, айба (Джезро) – теперь священное место для арабской секты друзов.

опасался прорыва христианских войск в направлении Тивериадского озера, поэтому он отдал прямое указание остановить христиан любой ценой. Подобное расположение сарацинов логично предполагало направление атаки графа Раймона, а именно нанесение удара по слабому месту в мусульманской позиции на стыке отрядов Таки ад-Дина и Саладина. Если именно это и произошло и атака христиан имела успех, разобив эти части сарацинской армии, то христианская пехота, хлынувшая в прорыв на востоке, действительно имела все шансы достичь озера, все еще видневшегося справа от Рогов Хаттина. То, что Саладин начал концентрировать свои войска на правом фланге центральной позиции, свидетельствует, что султан намеревался ликвидировать прорыв и готовил массивную атаку мусульманской конницы. С целью отражения этой атаки, король Гвидо приказал своей армии остановиться и поставить палатки, но из-за последовавшего замешательства было установлено только три тента «рядом с горами» - недалеко к западу или юго-западу от Рогов Хаттина. Едкий дым от зажженного курстарника, наконец, сыграл свою роль, разводя глаза христиан и усиливая и без того невыносимую жажду. Ветер дул, как обычно в это время года, с запада, что означает, что муттавийя продолжали выполнять свою задачу, теперь самостоятельно действуя в лесистых холмах между Джабаль Тур,аном и Нимрином. Мусульманские войска, располагавшиеся возле Рогов Хаттина, также страдали от этого дыма до тех пор, пока отряды Саладина и Таки ад-Дина не были разведены в стороны, образовав между собою широкий разрыв.

Примерно в это время Раймон, граф Триполи, предпринял решительную атаку в северном направлении, в результате которой сумел избежать разгрома, постигшего армию крестоносцев. Однако она и прежде вызывала и сейчас вызывает самые разнообразные толкования относительно ее цели и результатов. Тем не менее, эта атака не

являлась актом предательства или бегства с поля боя, как ее иногда трактуют, а была направлена на прорыв боевых порядков мусульманских войск с целью предоставить возможность остальным христианским отрядам достичь воды в деревне Хаттин. Тем более, что приказ об атаке, судя по всему, был отдан самим королем. Одно обстоятельство очевидно – Таки ад-Дин даже не пытался противостать удару крестоносцев, наоборот, он приказал своим легковооруженным воинам расступиться и не препятствовать христианской кавалерии в ее движении вниз по плоскогорью. Ряд современных исследователей, в представлении которых европейские рыцари XII века все еще остаются неповоротливыми, закованными в железо всадниками, продолжают утверждать, что именно мощь их натиска помогла им прорвать линию противника, и даже, что инерция кавалерии графа Раймона была такова, что она просто пронеслась мимо мусульман вниз по тропе к деревне Хаттин. Эта совершенно фантастическая картина опровергается следующими фактами. Если

Вид на «каменный вал» на западном краю седловины между Рогами Хаттина. Крупные камни на переднем плане также могли служить преградой, замедлявшей скорость атак мусульманской конницы на позиции христиан.

бы Таки ад-Дин, пропуская кавалерию графа Раймона, увел своих людей на Нимринский холм, то таким образом он открыл бы широкий проход между своими войсками и войсками Саладина, в который могла хлынуть христианская пехота. Поэтому его воины просто разошлись в стороны, а затем быстро вернулись на свои позиции, тем самым практически исключив возможность нанесения удара с тыла прорвавшимися рыцарями, поскольку последним пришлось бы атаковать вверх по склону узкой и отвесной тропы. И поэтому Раймону ничего не оставалось, как продолжить движение через поля за Хаттином и вниз по Вади Хаммам (Wadi Hammam) к Тивериадскому озеру. Здесь он решил не присоединяться к своей жене, попавшей в ловушку в цитадели Тивериады, а направиться на север, к Тиру.

Тем временем на плато замешательство в рядах крестоносцев продолжало усиливаться, и большая часть пеших воинов устремилась к Рогам Хаттина, где они занимали позиции на северном Роге. Возможно, первоначально пехота христиан двигалась на северо-восток для поддержки кавалерийской атаки графа Раймона, или, может, просто последовала за своей кавалерией в надежде прорваться через брешь, образовавшуюся в боевых порядках сарацин в результате этой атаки. Когда же тропа к Хаттину была вновь перекрыта, единственное, что оставалось сделать пехоте, так это занять находившийся слева небольшой, но труднодоступный для конницы северный Рог. Моральный дух пехотинцев был настолько подавлен, что они лишь безучастно взирали на бой, который продолжала вести христианская кавалерия вокруг трех расставленных шатров у подножия Рогов. Несмотря на неоднократные приказания короля Гвидо и увещания епископов защитить Святой Крест, они упорно отказывались спуститься, отвечая: «Мы не пойдем вниз и не будем сражаться, потому что мы умираем от жажды». Тем временем оказавшиеся незащищенными лошади рыцарей были сражены

Южный Рог Хаттина – вид с северного Рога. Здесь латинская кавалерия, потерявшая большое количество коней в результате обстрела лучников, приняла последний бой в пешеходных порядках. Шатер короля Гвидо был возведен либо на северном Роге, либо в плоской седловине между Рогами.

неприятельскими стрелами, и уже большая часть рыцарей сражалась в пешеходных порядках.

В этой ситуации Гвидо де Лузиньяну ничего не оставалось делать, как приказать своим войскам занять большой, с плоской вершиной южный холм, в седловине которого был установлен ярко-красный королевский шатер, выделявшийся на фоне пустынного пейзажа. Таким образом, армия крестоносцев теперь полностью располагалась на Рогах Хаттина: пехота – на северном, кавалерия и пешие рыцари – на южном холме. Остается неизвестным, когда сарацинами был захвачен Святой Крест, но то, что это было сделано войсками Таки ад-Дина, не вызывает сомнения. Одни источники указывают, что Таки ад-Дин предпринял мощную атаку на христиан после того, как позволил графу Раймону прорваться через линию мусульманских войск. В ходе этой атаки был убит державший Крест епископ Акры, но прежде, чем святая реликвия попала в руки Таки ад-Дина, она была перехвачена епископом Лидды. Другие источники полагают, что после гибели епископа Акрского епископ Лиддский перевез святыню на южный Рог, где она и была, в конце концов, захвачена во время одной из последних атак, проведенных войсками Таки ад-Дина. Однако когда бы это ни случилось, с потерей реликвии дух христианских войск был окончательно подавлен.

Теперь мусульмане атаковали Рога Хаттина со всех сторон. Склоны северного и восточного холмов оказались слишком крутыми для конницы, хотя по северному склону северного Рога и вилась узкая тропа. Поэтому после полудня здесь против христианской пехоты действовала мусульманская пехота, и после ожесточенной борьбы те из христиан, кто не был убит или сброшен со склона, сложили оружие. Заняв свою последнюю позицию на южном Роге латинских рыцарей по приказу Саладина атаковал Таки ад-Дин. Склоны южного холма являлись более пологими, тем не менее,

атаку и здесь приходилось проводить вверх по склону. Поэтому Саладин лично возглавлял атаки мусульманской конницы. Таким образом, в то время как мусульманская пехота сражалась на северном Роге, конница Таки ад-Дина атаковала седловину между северным и южным холмом.

В этот момент часть латинских рыцарей, у которых еще оставались лошади, перегруппировалась на плоской вершине южного Рога и предприняла две дерзкие контратаки. Одна из них проходила настолько близко к подгонявшему своих людей Саладину, что было слышно, как один из рыцарей выкрикивал: «Изыди с дьявольским обманом!» Вполне возможно, что христиане все еще надеялись, убив султана, вырвать победу в самый момент поражения, а то обстоятельство, что они смогли приблизиться достаточно близко к Саладину, свидетельствует о том, что центр мусульманской армии сместился вправо к юго-западному подножию Рогов. Дважды мусульманская конница атаковала вверх по склону, прежде чем сумела захватить седловину между Рогами. Находившийся рядом с отцом молодой Аль Афдаль воскликнул: «Мы победили их!», но Саладин повернулся к нему и сказал: «Тише! Мы не победим, пока не падет этот шатер.» В этот момент мусульманская конница, вновь атаковав склон, пробила себе дорогу на южный Рог, кто-то перерезал подерживавшие королевский шатер канаты и шатер упал.

Это, как и предсказывал Саладин, определяло конец битвы. Измученные жаждой и утомленные боем крестоносцы падали наземь и сдавались без дальнейшего сопротивления. Следует заметить, что в бою пали или были ранены всего лишь несколько хорошо защищенных доспехами рыцарей, в то время как потери в конях и пехоте были достаточно велики. Совсем ничего не известно о действиях Гёкбёри и левого крыла мусульманской армии во время завершающей фазы сражения. Возможно, что его войска

вышли из боя, поскольку христианское войско было охвачено силами Саладина и Таки ад-Дина. Однако, то обстоятельство, что большей части рыцарей из арьергарда во главе с их вождами Балианом д.Ибелином и Реджинальдом, графом Сидона, удалось прорваться в самом конце сражения именно в западном направлении, свидетельствует о тактической ошибке, допущенной Гёкбёри, и, возможно, мусульманские хронисты не хотели этим фактом поставить под сомнение полноту великой победы.

Среди попавших в плен христиан оказались король Гвидо де Лузиньян, его братья Жоффруа де Лузиньян и коннетабль Амальрих (Амори) де Лузиньян, маркграф Гвиллельмо де Монферрат, Рейнальд де Шатийон, Гумфред де Торон, магистр Ордена тамплиеров Жерар де Ридфор, магистр Ордена госпитальеров Гарнье (Гарднер) де Наплус (очевидно, временно возглавивший Орден после смерти Роже де Мулена до избрания нового магистра, сам Гарнье официально занял этот пост лишь три года спустя, в 1190 году), епископ Лидды и множество других баронов. Фактически вся знать Иерусалимского королевства, за исключением графов Триполи и Сидона, Балиана д.Ибелина и Жослэна де Куртенэ, попала в руки Саладина. Очевидно, под влиянием нахлынувшего после великой победы чувства великодушия, султан предложил Гвидо де Лузиньяну чашу охлажденной и подслащенной воды, а тот, испив, передал ее Рейнальду де Шатийону, которого Саладин поклялся убить. Дело в том, что, согласно арабскому обычаю, пленнику, получившему из рук победителя еду или питье, в дальнейшем не может быть причинен вред. «Этот преступник получил воду без моего согласия,» - заключил султан, - «и мое покровительство не распространяется на него.» Рейнальд, понимая, что конец его близок, отвечал султану с надменной дерзостью, чем вызвал еще больший гнев правителя. Вопрос о том, собственноручно ли Саладин убил Рейнальда де Шатийона или приказал своим людям отрубить голову сеньеру Заиордания, остается открытым и зависит от источника, которому отдается предпочтение. После того, как барон был убит, Саладин опустил палец в кровь врага и провел им по своему лицу в знак того, что его месть совершилась. Произшедшее ужаснуло остальных пленников, подобная участь могла постигнуть и их, но султан заверил пленных христиан, что они в полной безопасности. Победители и побежденные расположились на ночь на поле битвы, но на следующий день, 5 июля, Саладин с войсками направился к Тивериаде, где графиня Эшива сдала цитадель.

Все попавшие в плен туркополы, как изменившие мусульманской вере, были казнены прямо на поле сражения. Остальные пленники 6 июля прибыли в Дамаск, где Саладин принял решение, оставившее кровавое пятно на его хваленой человечности. Всем захваченным тамплиерам и госпитальерам был предоставлен выбор: или принять ислам или умереть. Обращение в веру

Крутые северо-восточные склоны Рогов. Даже мусульманская легкая конница не могла действовать здесь эффективно, поэтому с этой стороны позиции христиан атаковала пехота. Вдали видна горловина Вади Хаммам, ведущая вниз, к Тивериадскому озеру.

под страхом смерти противоречило мусульманским законам, но, в данном случае, рыцари духовных орденов казались Саладину чем-то вроде христианских ассасинов и, таким образом, слишком опасными, чтобы их помиловать. Поэтому 250 отказавшихся перейти в ислам рыцарей были перерезаны. Лишь некоторые воины-монахи совершили акт вероотступничества. Впоследствии якобы один из них, в прошлом тамплиер испанского происхождения, командовал гарнизоном Дамаска в 1229 году, хотя справедливость этого сообщения вызывает сомнения – ведь со времен битвы при Хаттине прошло более сорока лет. Остальные бароны и рыцари были отпущены за выкуп, а большинство крестоносцев незначительного происхождения и пехотинцев продали в рабство.

По самым скромным подсчетам, не менее 3000 христиан бежало с поля битвы при Хаттине, укрывшись в ближайших замках и укрепленных городах. Некоторое время спустя на южном Рого Хаттина Саладином был воздвигнут монумент «Куббат аль Наср» (Qubbat al Nasr) или «Купол Победы.» До наших дней он полностью не сохранился, лишь недавно были обнаружены фрагменты его фундамента. Павших в битве

мусульманских воинов похоронили с почестями, однако место захоронения неизвестно. Одним из наиболее вероятных мест захоронения считается разрушенная мусульманская усыпальница Шейх аль Лика (Shaykh al Lika), расположенная к северо-западу от Рогов, недалеко от источника Хаттина.

Завоевание Иерусалимского королевства

Дальнейшие события разворачивались с удивительной быстротой. 7 июля Саладин отправил Таки ад-Дина занять приморский город Акру, которая, против ожиданий, оказала упорное сопротивление. Сам султан прибыл под стены Акры 8 июля, но лишь только его войска приготовились к штурму, в мусульманский стан прибыла делегация от города для обсуждения условий сдачи. После недолгого обсуждения условия капитуляции были согласованы и приняты городской верхушкой, хотя простые горожане, от которых скрывался сам факт переговоров, при первом известии о сдаче города подняли восстание. С целью заполучить в свои руки такой богатый и имевший важное стратегическое значение город Саладин дей-

ствительно сносился только с его феодальной и купеческой элитой, и знай об этом горожане Акры, вряд ли город сдался без боя. При сдаче Акры также был освобожден брат византийского императора, захваченный и удерживаемый в плену латинянами. Саладин немедленно отослал его в Константинополь, улучшив, таким образом, свои и без того хорошие отношения с Византией. Капитуляция Акры также коренным образом повлияла на ситуацию на море, впервые с 1153 года обеспечив египетский флот надежной базой на палестинском побережье, куда из Александрии была немедленно отправлена эскадра из десяти галер. Тем временем Аль Адиль, быстро выдвигнувшийся на север со своими египетскими войсками и захвативший хорошо укрепленный замок Мирабель (Majdalyabah - Маджалиаба), начал завоевание южной Палестины. Теперь, когда больше не нужно было опасаться угрозы противодействия войск противника, Саладин смело разделял свои силы, рассылая сразу по нескольким направлениям отряды, которые должны были очистить от врага различные территории, прежде относившиеся к латинскому Иерусалимскому королевству. Во многих местностях Палестины местные мусульманские крестьяне и евреи захватывали латинских владельцев и поселенцев или осаждали их замки до подхода войск Саладина. Количество награбленного и число взятых христианских пленников ошеломляли, не говоря уже о 4000 рабов-мусульман, освобожденных только в Акре. К концу кампании было освобождено более 20000 мусульман и захвачено в неволю более 100000 пленников-христиан.

Однако вскоре начали возникать проблемы и прежде скорое победоносное шествие исламских сил стало замедляться. Попытка войск Таки ад-Дина захватить другой приморский город, Тир (Сюр), закончилась неудачей. После королевской мобилизации войск в городе также оставался малочисленный гарнизон, но сюда первым успел прибыть прорвавшийся через кольцо мусульманских сил при Хаттине Реджинальд, граф Сидона, возглавивший оборону Тира, а силы защитников города пополнились толпами христианских беженцев, стекавшихся сюда из северных провинций королевства. Однако несмотря на успех первого противостояния и полученные графом известия, что его сильнейший замок Бельфор (Al Shaqif Arnun – Аль Шакиф Арнун) продолжает сопротивление, Реджинальд, похоже, начал переговоры о сдаче Тира с Таки ад-Дином, тем временем также осадившим сильный христианский замок Торон (Tibnin - Тибнин). Ситуация коренным образом изменилась, когда оборону Тира возглавил только что прибывший в Святую землю маркграф Коррадо де Монферрат. Его прибытие из Константинополя и датированная обычно 14 июля высадка в Тире явились поворотной точкой не только в обороне города, но и в позднейшем отвоевании латинского королевства. Вероятнее всего, он прибыл в Тир не в разгар ведущихся графом переговоров о сдаче,

а месяцем позже, но, хотя заслуга в том, что город выстоял в первые, полные отчаяния дни осады, полностью принадлежит графу Реджинальду, тем не менее, прибытие маркиза Монферрата значительно подняло дух защитников Тира.

Покинув Акру 17 июля, Саладин перед тем, как прибыть под стены Тира, провел молниеносный рейд вдоль побережья современного Ливана, затем плотно обложил город кольцом осады. В Тире, однако, уже не было графа Сидонского, успевшего перебраться в Бельфор и оттуда возобновившего переговоры, уже с Саладином, предлагая сдать Бельфор в обмен на положение и пенсию в Дамаске, а на деле продолжая укреплять оборону замка.

Многим из войск Саладина не терпелось закончить службу и направиться домой. Начался сбор урожая и держатели икта хотели собрать с подвластных крестьян побольше налогов. Кроме того, невыполнение мужьями супружеских обязанностей в течение более четырех месяцев могло послужить поводом для развода, что, согласно мусульманским законам «ила» (ila), грозило разделом икта. Поэтому Саладин очень боялся, что его армия разбредется по домам еще до того, как он захватит основной приз – Иерусалим. Но прежде чем осадить Иерусалим, султан должен был овладеть всем побережьем и приморскими городами, которые могли послужить теми воротами, через которые латиняне получают ожидаемую помощь с Запада. Египетская армия Аль Адиля уже действовала в этом направлении, взяв в июле Яффу, ближайший к Иерусалиму морской порт. К 23 июля, когда султан соединился с Аль Адилем, территория Иерусалимского королевства значительно сократилась. Христианам теперь принадлежали лишь города Газа, Аскалон и несколько изолированных друг от друга замков на юге, город Тир и замки Сафед и, возможно, еще Бельфор на севере, затерянные в пустыне замки Заиорданья на востоке и, наконец, Иерусалим.

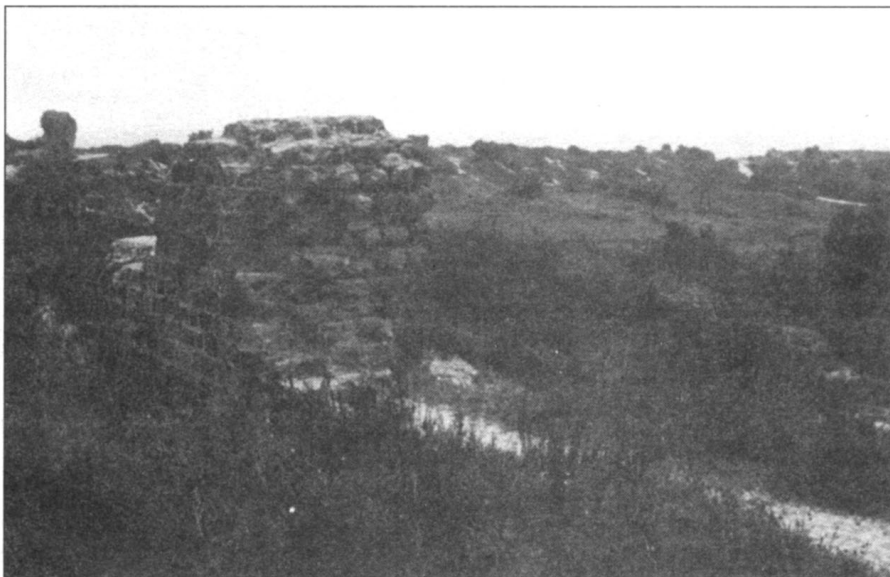
До тех пор, пока прибывший под командованием Хусам ад-Дина Луллу египетский флот не блокировал Аскалон, этот город-порт оставался ключом к южной Палестине. Осада Аскалона началась 25 августа, а уже на следующий день мусульмане взяли внешний пояс укреплений города. Однако успех этот был достигнут немалой кровью и стоил жизни двум лучшим эмирам Саладина, один из которых являлся вождем бедуинского племени Бану Миран (Banu Mihran). Немедленно начались переговоры и 5 сентября Аскалон принял те же великодушные условия, что и Акра, согласно которым гарнизону разрешалось покинуть город вместе с семьями. Христиане Аскалона были отправлены в Египет, где им до возвращения в Европу предоставили довольно приличное жилье. В тот же день в лагерь победителя прибыла делегация из Иерусалима, однако она была послана с предложениями об обмене и выкупе пленных, а не о сдаче города. Оставшиеся в

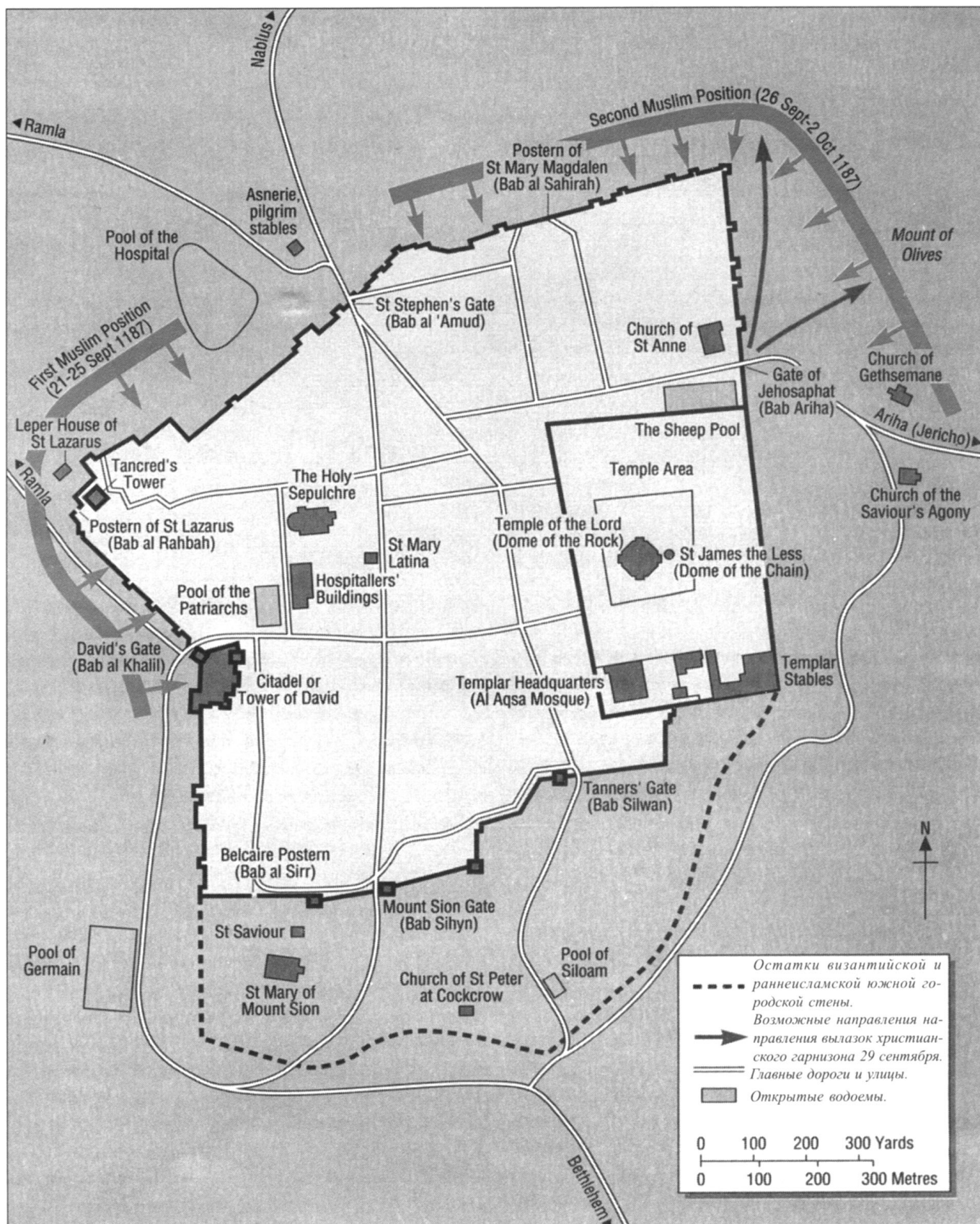
Вершины Рогов Хаттина. Справа – южный Рог, где король Гвидо де Лузиньян со своими рыцарями провел последнюю схватку, слева – северный Рог, куда ранее бежала христианская пехота.

Дорога, ведущая вверх по склону южного Рога Хаттина к седловине между Рогами. Здесь силы правого крыла мусульманских войск во главе с Таки ад-Дином провели несколько конных атак на христиан, прежде чем те сдались.

Внутренние стены южного пояса городских укреплений Аскалона. Город, который лежал на плоской песчаной равнине, окруженный полями или садами, был обнесен двумя рядами стен.

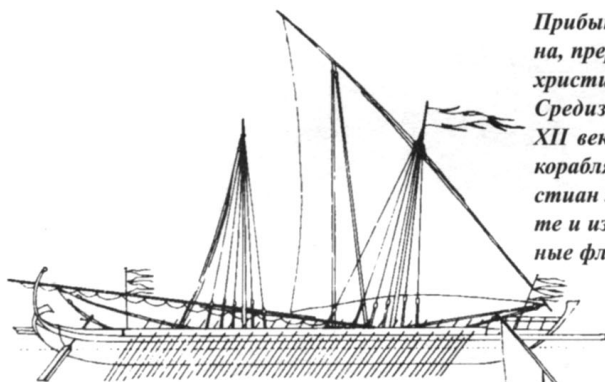
Осада Иерусалима

руках христиан города и замки южной Палестины быстро пали во время похода Саладина на Иерусалим, которого султан достиг 20 сентября.

Нет ничего удивительного в том, что моральный дух армии Саладина во время этого похода был как никогда высок. Нарушение железной дисциплины произошло только однажды, когда войска разграбили укрепленное аббатство Бетани (Al Azariyah

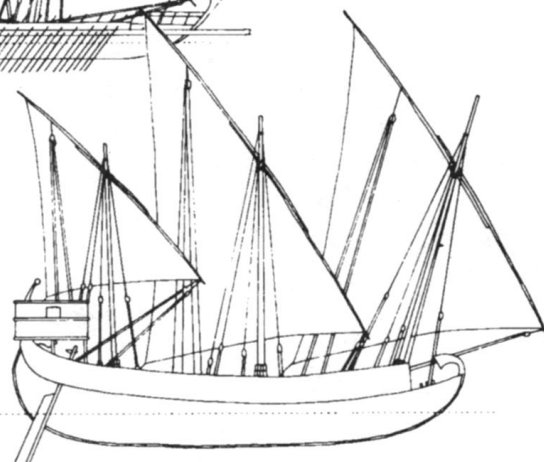
– Аль Азарийя). Причем произошло это, очевидно, в ответ на успешную вылазку гарнизона Иерусалима, в ходе которой был убит эмир, двигавшийся вперед, по словам Ибн Аль Атира, без должной осторожности. Несмотря на катастрофическое положение Иерусалимского королевства после Хаттинского разгрома (по некоторым данным, в Иерусалиме оставалось только два рыцаря), христианский гарнизон города был по-

лон решимости сражаться и в поисках припасов рыскал в окрестностях города до самого прибытия мусульманских войск. В конной атаке на сарацин принимал участие и патриарх Иракий, хотя он и не был воином. Боевой пыл жителей города несколько остудило солнечное затмение, признанное плохим предзнаменованием. Затем в Иерусалим прибыл Балиан д.Ибелин. Он находился в Тире, когда Саладин даровал ему

Прибытие к городу флота Саладина, превратившего морское сообщение христиан, решило судьбу Аскалона. Средиземноморская боевая галера XII века. Отличие мусульманского корабля от аналогичного судна христиан заключалось в большей высоте и изогнутости итневней и длинные флаги с бахромой.

Средиземноморское большое торговое судно мусульман. Трехмачтовые суда перестали строить в V-VI веках, но этот тип был возрожден в мусульманских странах за век или два до того, как они вновь появились в Италии в XIII веке.

охранную грамоту для вывоза семьи из Иерусалима. Однако прибыв в Святой город, барон был окружен его жителями, требовавшими, чтобы он возглавил оборону Иерусалима, а патриарх Ираклий даже освободил его от данной Саладину клятвы не воевать с султаном. Обуреваемый разноречивыми чувствами долга и чести, Балиан написал султану письмо, в котором объяснял, что не имел иного выбора и принял командование гарнизоном, бросив вызов человеку, давшему ему охранную грамоту. И Саладин, похоже, принял эти объяснения барона, которого он уважал и которого он считал своим другом, как должное, даже несмотря на то, что Балиан находился в стане его врагов. Д.Ибелин взялся за реорганизацию системы городской обороны с присущей ему энергией, а средства для оплаты найма профессиональных воинов еще до подхода противника ему предоставили церкви и монастыри Иерусалима. Город был заполнен беженцами, которые в случае надобности могли выйти на стены и оборонять их, но, тем не менее, профессиональных бойцов было крайне мало.

Прибыв к Иерусалиму 20 сентября, Саладин вместе со своими осадными инженерами принялся изучать укрепления города, в то время как войска разбивали лагерь. На рассвете следующего дня сарацинские войска атаковали северо-западный угол городских укреплений между воротами Баб аль Халиль (ворота Давида или Яффские ворота) и Баб аль-Амуд (ворота Святого Стефана или Дамасские ворота). Перед началом штурма обе стороны прокричали свои боевые кличи, и на защитников города дождем посыпались стрелы. Раненых было так много, что христианские врачи только тем и занимались, что вынимали стрелы из тел все новых и новых пациентов. Анонимный автор хроники «De Expugnatione Terrae

Sanctae» сообщает, что он был ранен в нос и что «металлический наконечник стрелы остался там и по сей день». Разных видов мангонели мусульман бомбардировали стены, башни и ворота города, в то время как метательные машины христиан, установленные на башнях Давида и Танкреда, вели довольно меткую контрбатарейную борьбу. Защитники города сражались с фанатичной яростью и провели несколько весьма эффективных вылазок, повредив часть осадных машин противника и отбросив сарацин к их укрепленному лагерю. Городские укрепления были повреждены в некоторых местах мощными камнеметными машинами мусульман, хотя и не настолько серьезно, чтобы там появились бреши.

Положение оставалось неизменным в течение первых пяти дней осады. Утреннее солнце слепило глаза штурмующим, а после полудня оно уже мешало защитникам. Прислуга метательных машин мусульман иногда заряжала свои мангонели обычным песком: подхваченный попутными порывами ветра, песок засыпал глаза христианских воинов, в то время как штурмовые отряды сарацин пытались закрепиться на стенах. Мусульмане несли весьма значительные потери, среди убитых были даже знатные вельможи, например, эмир Изз ад-Дин Иса, отец которого владел большим замком Джабар, воздвигнутым на берегу Евфрата в Северной Сирии.

К 25 сентября Саладину стало ясно, что ему не добиться успеха у западных стен города и приказал сворачивать лагерь. Мангонели разобрали, палатки и шатры сложили, и войска султана исчезли за окрестными холмами. В течение суток христиане надеялись, что осада закончилась и враг ушел, но на следующий день, 26 сентября, сарацины появились вновь, на этот раз у северных стен Иерусалима. По собственному

признанию защитников Святого города, они были захвачены врасплох, а мусульмане, пользуясь этим, быстро воздвигли срубленные из оливковых деревьев «заробы» (zaribas), использовавшиеся для защиты при обустройстве новой осадной позиции, и атаковали северные укрепления города, а также северный сектор восточных стен. Основные усилия штурмующих были сконцентрированы восточнее Баб аль-Амуд, на слабом участке городских укреплений, который, однако, дублировался двойной стеной, тянущейся на восток до небольших ворот Баб аль Сахира (ворота Ирода). Там же, в северо-восточном углу городских укреплений, находилась калитка Святой Марии Магдалены, через которую можно было проводить вылазки, однако пользование калиткой в этих целях было затруднено именно двойными стенами.

Осаждающие вновь воздвигли мангонели, начавшие метать камни и «нафт» (naft) — «греческий огонь». По крайней мере, одна из метательных машин противника конструктивно относилась к новому, более мощному типу противовесных камнеметов — «требуше» (trebuchet), и, по сообщению оруженосца Балиана д.Ибелина, Эрнуля, «в день возобновления мусульманами осады он трижды ударил по стенам города.» На следующий день султаном под стены были направлены три лучшие команды минеров, двигавшиеся вперед под прикрытием больших щитов и интенсивной работы сарацинских лучников, обстреливавших стены. Достигнув рва, минеры начали разрушать фундамент внешней стены. Подкопные работы велись под прикрытием крытого сооружения, конструкция которого была заранее тщательно разработана мусульманскими инженерами. В течение двух дней был вырыт туннель длиной 30 метров, свод которого поддерживался деревянными подпорками. 29 сентября в туннеле подожгли сложенные там горючие материалы и, когда поддерживающие свод опоры выгорели, произошло обрушение значительного участка стены. Все это время Саладин, справедливо опасавшийся вылазок осажденных со стороны ворот Святого Стефана, держал поблизости от места работ большой отряд тяжеловооруженной конницы. Сосредоточенные на этом участке осады сарацинские лучники вели настолько интенсивный обстрел, что защитники города не могли противодействовать минерам с высоты стен, в то время как град камней осадных машин мусульман, направленный вверх стен, исключил возможность закладки контрмины. Необходимо отметить, что под северной стеной Иерусалима, между Воротами Святого Стефана и Воротами Ирода, находились так называемые «каменоломни Соломона», и если бы мусульманским минерам удалось бы добраться до одного из этих многочисленных туннелей, то они смогли бы работать в полной безопасности, их труд сократился бы до минимума, а разрушения стен на этом участке были бы более значительны.

«Башня Давида» в цитадели Иерусалима – вид из города. Нижняя часть башни построена крестоносцами, в то время как верхняя датируется периодом реставрации оборонительных сооружений города турками-оттоманами в XVI веке.

После обрушения участка стены осажденные произвели отчаянную вылазку, в которой приняли участие все боеспособные мужчины Иерусалима, имевшие коня и оружие. Вылазка производилась через Баб Ариха (Ворота Джехосафат), но почему для этого были выбраны именно эти ворота, выход из которых упирался в крутой склон у деревни Кидран, не совсем понятно. Возможно, защитники города надеялись пересечь долину и атаковать ставку Саладина на горе Олив, или, пройдя по узкой тропе под городской стеной и обогнув башню Лаклак, нанести осаждающим фланговый удар. Так или иначе, но эта попытка нанести урон врагу была пресечена мусульманской конницей.

Внутри городских стен находились приблизительно 60000 человек – беженцы-латиняне, жители города латинской, сирийско-якобитской и ортодоксальной конфессий – все они имели различное мнение по поводу дальнейших действий. Патриарх Ираклий и находившиеся в городе бароны обещали выплатить огромную по тем временам сумму в 5000 безантов и обеспечить необходимое оружие 50 сержантам, которые согласятся охранять образовавшуюся в стене брешь в течение одной ночи. Решительный штурм города этой ночью не ожидался. Жители города и часть его гарнизона, со своей стороны, предлагали совершить крупномасштабную ночную вылазку, предпочитая погибнуть в сражении, чем быть казненными после взятия города Саладином. Ираклий, однако, сумел отговорить самых отчаянных, назвав их эгоистами, стремящими-

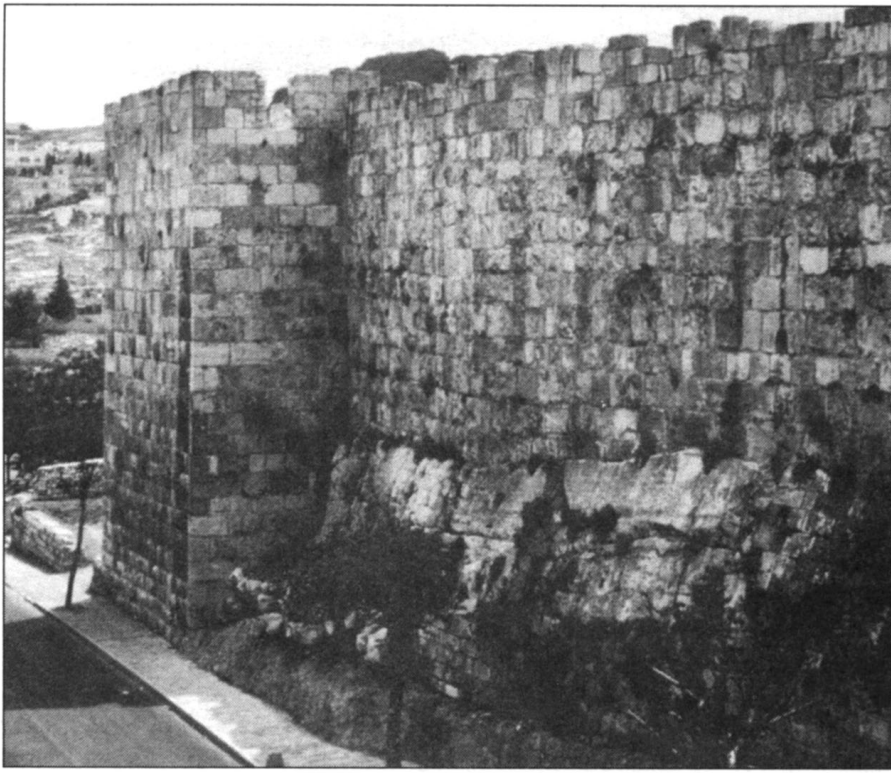
ся заслужить себе Царство Небесное, и обрекающими на погибель души своих жен и детей, которые в неволе будут вынуждены отказаться от христианской веры.

30 сентября Балиан д.Ибелин, считавшийся другом султана, был направлен в ставку Саладина, уже ведшего переговоры с представителями христианских общин Палестины, находившихся вне Иерусалима. Отношения между латинянами и христианами сирийско-якобитского толка всегда оставляли желать лучшего, но теперь резко ухудшились и отношения с христианами ортодоксальной конфессии. Жозеф Бати, христианин-ортодокс, уроженец Иерусалима и один из ближайших советников Саладина, действительно провел переговоры с находившимися в осаде единоверцами, склоняя их открыть ворота в северо-восточных кварталах Иерусалима, где проживало большинство из них. Расчитывая, что эти переговоры принесут плоды, д.Ибелину дважды отказывали в аудиенции у султана, в то время как защитниками была отбита попытка осаждающих прорваться в город через брешь. На следующий день д.Ибелин вновь прибыл в ставку султана, где узнал, что Саладин обсуждает со своими советниками и эмирами, как следует поступить с городом в создавшейся ситуации: надо ли брать Святой город штурмом, а его защитников поголовно вырезать, как это было сделано с жителями-мусульманами и евреями в 1099 году при взятии Иерусалима крестоносцами? Эти же вопросы были поставлены христианскому барону, когда Саладин, наконец, принял его. Султан также напом-

нил ему, с каким презрением было отклонено предложение почетной сдачи, сделанное представителям Иерусалима под стенами Аскалона, добавив, что он поклялся взять Иерусалим штурмом и что он – человек слова.

Понимая, что малейший признак слабости лишь усугубит положение, Балиан в ответ пригрозил, что, если христиане будут вынуждены к этому, они перебьют свои семьи, скот и городских животных, вырежут 5000 мусульманских пленников, находящихся в их руках, уничтожат все святые сокровища Иерусалима, Скальный Свод (Храм Господень), мечеть Аль Акса Моск (Храм Соломона) и другие святыни ислама, а затем самоотверженно выйдут навстречу войскам Саладина – «так мы славно умрем или победим, как подобает благородным людям». Являлась ли эта угроза свидетельством того, что фанатизм крестоносцев Первого крестового похода был все еще жив в душах латинских христиан Иерусалимского королевства, или отчаявшийся барон блефовал, уже не узнает никто. Однако ни Саладин, ни его военачальники уже не помышляли устроить христианам избиение, худшее, чем в 1099 году. Уже 2 октября были согласованы все условия мирной сдачи города, и в тот же день над Иерусалимом взвилась знамена Саладина, а его верные эмиры поставили во всех городских воротах свои заставы.

Христианам нелатинской конфессии было позволено остаться, но крестоносцы-завоеватели должны были уйти из города. За свободный выход мужчины следовало заплатить 10 динаров выкупа, за женщину

Башня Лаклак в восточном конце северной стены Иерусалима. И крестоносцы Первого крестового похода в 1099 году, и войска Саладина 29 сентября 1187 года проломили оборонительные укрепления Святого города на участке стены рядом с этой башней.

– 5 динаров, за ребенка – 1 динар. Огромную сумму в 30000 безантов нужно было выплатить за 7000 бедняков, которые не могли заплатить за себя выкуп сами. Саладин определил срок сбора денег в 40 дней. Теперь следовало бы поторговаться относительно общей суммы выкупа с мусульманами, однако споры по этому поводу происходили, в основном, между христианами. Так, руководство военно-духовных орденов не соглашалось тратить накопленные ими сокровища на помощь тем неимущим беднякам, которые не могли заплатить за себя выкуп, существуют также сомнения по поводу рвения в этом вопросе и патриарха Иерусалимского Ираклия. Христиане могли забрать с собой любую собственность, которую могли унести, однако впоследствии огромное множество вещей было за гроши сбыто в сук-аль-аскар, всегда следовавший за войсками Саладина. Когда истекли 40 дней установленного срока сбора денег, на выкуп множества неимущих средств не нашлось, поэтому, глядя, как бегут по дороге, ведущей к побережью, уносящие свои ценности зажиточные христиане, Саладин сам выкупил более тысячи их несчастных единоверцев. Эмирам Саладина отсутствие милосердия у богатых христиан было так омерзительно, что они потребовали у султана разрешить им конфисковать на выкуп бедным богатства, утекающие через Баб Яфа (Яффские ворота, ведущие к порту Яффа) и Ворота Давида. Саладин отказался нарушить условия соглашения, поэтому по истечении срока перемирия в Иерусалиме еще оставалось свыше 15 тысяч латинских христиан. Однако ушедшим из Иерусалима с самым ценным добром христианам также

не повезло – у большинства из добравшихся до Триполи иерусалимских беженцев последнее имущество отобрали сами крестоносцы.

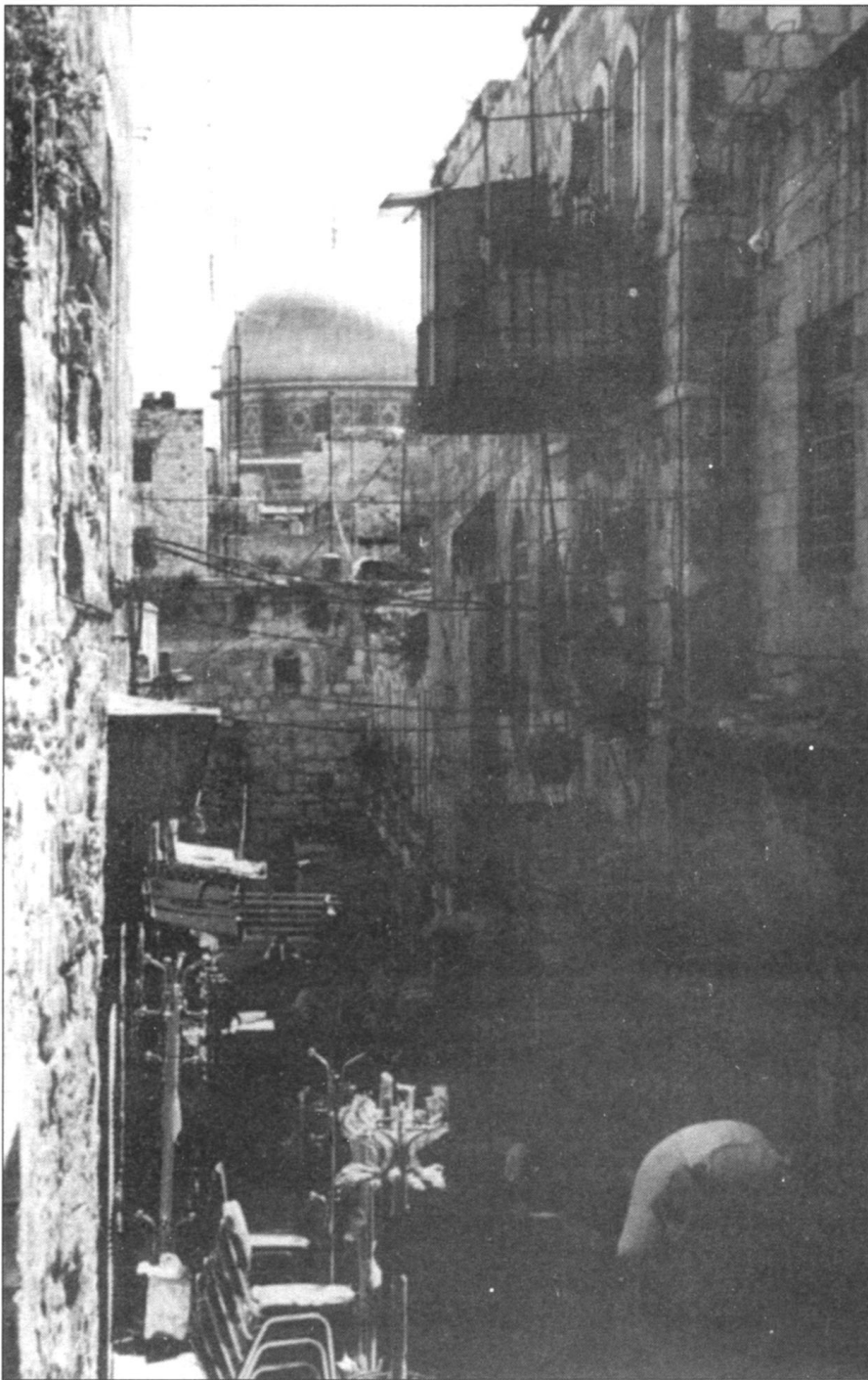
В Иерусалиме также нашли убежище несколько высокопоставленных дам. Королеве Иерусалимской Сибилле разрешили свидание с супругом, королем Гвидо де Лузиньяном, заключенным в цитадели Неаполиса (Наблуса), а леди Стефании, вдове Рейнальда де Шатийона, в обмен на приказ о сдаче гарнизонам заиорданских замков Крак де Моаб и Монреаль, вернули сына, захваченного в плен вместе с отцом при Хаттине. Однако, когда защитники замков Заиордания сдать отказались, Стефания отослала своего сына назад к Саладину, который был так поражен этим благородным жестом, что вскоре отпустил юношу без выкупа.

Мусульмане вошли в Иерусалим еще до истечения срока выплаты выкупов. Их первой задачей стало очищение города после владычества неверных, чтобы «обратить его к исламу» и сделать возможным богослужение в нем. 9 октября 1187 года состоялось торжественное вступление в Иерусалим Саладина в сопровождении крупнейших религиозных деятелей и функционеров для вознесения молитвы (salat) во вновь открытой мечети Аль Акса Моск. Тем временем мусульманами занимались все новые и новые здания. Дворец, в котором жил патриарх Иерусалимский, в качестве монастыря предоставили «суфиям» (sufis) или мусульманским мистикам. Резиденция Ордена госпитальеров стала религиозным колледжем, в то время как большинство латинских церквей были переданы для богослужения другим христианским конфессиям.

Тем не менее, падение Иерусалима не означало окончание борьбы. К востоку от Иордана еще продолжались боевые действия против оставшихся в руках христиан владений в долине реки Ярмук. Далеко на юге, в Заиорданье, длительное время продолжалось сопротивление христианских замков Монреаль и Крак де Моаб, павших, соответственно, только в 1188 и 1189 годах. Со временем защитники Тира также обрели уверенность в собственных силах и не только отказывались сдасться, но и упорно не сдавали позиций на стенах своего города, расположенного на каменистом полуострове, на который можно было попасть только по узкому песчаному перешейку. Поддержку городу оказывали также многочисленные морские суда. После овладения Иерусалимом Саладин вознамерился возобновить осаду Тира и прибыл сюда с небольшим отрядом 12 ноября. Остальные сарацинские войска подошли к городу только 13 дней спустя, в тот же день предприняв штурм городских стен при поддержке большого количества осадных машин. В этой ситуации поддержка христианских кораблей оказалась неоценимой. Перешеек, соединяющий город с сушей, был очень узким, и корабли христиан, с находящимися на них лучниками, арбалетчиками и камнеметами, встали на якорь с обеих его сторон, обстреливая фланги штурмующих. В течение последующих дней осажденные отбили несколько яростных штурмов, а затем осада потекла вяло, заполненная лишь редкими случайными атаками мусульман и частыми вылазками защитников Тира, среди которых заметно выделялся испанский рыцарь в зеленом сюрко и с оленьими рогами на шлеме. В конце концов, он заслужил похвалу от самого Саладина.

Становилось ясно, что Тир можно взять лишь завоевав контроль над морем, поэтому из Акры вызвали египетскую эскадру, состоявшую из десяти галер и некоторого количества вспомогательных судов, под командованием Абд аль Салам аль Магриби, опытного моряка из Северной Африки. Условия для ведения войны на море являлись чрезвычайными, поскольку мореходный сезон на Средиземном море ограничивается семью месяцами, с начала апреля по конец октября, а затем начинается период зимних штормов. Тем не менее, мусульманский флот вынудил христианские галеры укрыться в гавани Тира. Наступившая вскоре зима тоже не прибавила радости осаждающим: лагерь Саладина превратился в слякотное болото, стали распространяться болезни.

Затем на море произошла катастрофа. Пять мусульманских галер, посланные в дозор в ночь с 29-го на 30 декабря, с наступлением рассвета утратили бдительность (а скорее всего, их экипажи просто заснули) и были врасплох захвачены целым христианским флотом из 17 галер и десятка меньших судов, быстро вышедшими из гавани Тира и взявшими вражеские корабли на абордаж. Оставшимся пяти мусульманским галерам и другим судам было приказано следовать

В отличие от Аскалона и нескольких других прибрежных городов, Иерусалим тесно застроен узкими улочками. В сентябре 1187 года он также был заполнен беженцами. После сдачи города Саладину 2 октября мусульмане вернули себе святыне места, утраченные почти век назад в результате взятия города крестоносцами. Наиболее важными для мусульман являлись мечеть Аль Акса Моск (Храм Соломона), закрытая на фотографии домами правой стороны улицы Баб аль Каттаин, и Скальный свод (Гроб Господень).

спасти их и своих единоверцев на Востоке от владычества неверных. В конце концов, именно эти послания римского первосвященника и привели к организации Третьего крестового похода. Однако понтификат папы Григория длился совсем недолго, поскольку 19 декабря того же года он тоже умер. Тем временем стойкость защитников Тира сделала невозможным для Саладина овладение этим городом и обеспечила крестоносцев Третьего крестового похода надежной базой, опираясь на которую они начали отвоевание Иерусалимского королевства в 1191 году. Тем не менее, это реанимированное королевство уже никогда не достигло прежних размеров и прежнего могущества, поскольку Хаттинская катастрофа уничтожила поддерживавшую его феодальную структуру и подорвала основы королевской власти этого государства. К тому же, оно существовало впредь в условиях непрерывного роста западноевропейского влияния на его внешнюю и внутреннюю политику, очень часто не учитывавшего местные условия.

В мусульманском мире освобождение Иерусалима знаменовалось чрезвычайным ростом престижа Саладина. И уже 23 сентября, еще до того, как мусульмане овладели Святым городом, вышедший из Дамаска в Каир караван впервые за последние более чем 87 лет проделал весь путь не окружным путем, а вдоль средиземноморского побережья без уплаты пограничных пошлин.

Анализ действий мусульманской армии

В битве при Хаттине Саладин применил весь арсенал разнообразных тактических средств, известных мусульманским армиям Ближнего Востока. Победе его войск в немалой степени способствовало пресловутое решение военного руководства Иерусалимского королевства совершить, не имея достаточных запасов воды, длительный переход по безводной местности; этой ошибкой христиан в полной мере и воспользовался Саладин, продемонстрировав явное тактическое превосходство. Измотав и расчленив христианские войска, Саладин провел завершающую фазу сражения уже в условиях подавляющего превосходства боевых возможностей мусульманской армии. Бытует мнение, что подобный исход битвы вполне закономерен и мусульмане просто были обя-

в Бейрут, поскольку их было слишком мало для эффективных действий против христианского флота. После их отплытия за ними погнались христианские галеры, вскоре начавшие наступать противника. Во избежание захвата кораблей христианами большинство их выбросило на берег, их экипажи разбежались, а сами суда были уничтожены по приказу Саладина. Впрочем, один большой парусный корабль, по свидетельству хронистов, «похожий на небольшую гору» и укомплектованный опытными моряками, все же ушел, пользуясь сильным попутным ветром. Вскоре после этой неудачи на море войска Саладина предприняли последний штурм города, который также с уроном был отбит, после чего султан созвал совещание своих эмиров. На совете мнение эмиров разделилось: одни из них предлагали продолжать осаду, но большинство выс-

казалось за снятие осады, поскольку войска устали и их люди хотят вернуться домой. Поэтому на следующий день, 1 января 1188 года, Саладин распустил свою армию, за исключением отрядов султанской гвардии, которые он повел в Акру.

Последствия сражения и подведение итогов

События 1187 года повергли Западную Европу в ужас, потеря Иерусалима рассматривалась как позорный для всех христиан факт. 20 октября, после получения вестей, что Святой город перешел в руки мусульман, скончался римский папа Урбан III - как говорили, от великого горя. Девять дней спустя его преемник, папа Григорий VIII, разослал послания, призывая весь христианский мир восстать на защиту святынь и

«Ночная атака Раби ибн Аднана» из азербайджанского манускрипта «Warga wa Gulshah» конца XII – начала XIII века. Два всадника на переднем плане облачены в пластинчатые джошаны, надетые поверх сюрко и кольчужных хауберков, на головах – высокие шлемы. Вооружены длинными мечами, заостренными с одной стороны, и большими круглыми щитами. Всадников прикрывают пешие воины, не имеющие доспехов.

заны победить, учитывая их превосходство в скорости маневра, умении менять позицию не разобщая рядов и в лучшей связи между войсками на поле боя. Однако в истории можно найти немало примеров, когда обладавшие всеми этими превосходными качествами мусульманские войска терпели поражения от войск крестоносцев. В данном случае можно сделать единственный правильный вывод: сражение при Хаттине было выиграно в результате тактического превосходства мусульманской стороны, поскольку Саладин заставил своего противника сражаться в выгодном ему месте, в выгодное ему время и в выгодных ему условиях.

Анализ действий христианских войск

Отрицательное влияние на моральный дух и боевой потенциал христианских войск могло иметь предшествовавшее сражению при Хаттине поражение при Крессонских источниках, в результате которого, к тому же, был подорван престиж самого одаренного военачальника латинского королевства – Раймона, графа Триполи. Предположение Чарльза Омана о том, что христиане могли достичь воды в Вади аль Хаммам, в многих километрах к северу от Хаттина, обойдя, тем самым, блокировавшие дорогу силы мусульман, определенно неверно. Фактически, единственной, но фатальной ошибкой Гвидо де Лузиньяна стало его решение предпринять поход на выручку осажденной Тивериаде по занятой противником безводной территории к востоку от Сефории. Однако, приняв его, король и его советники, похоже, сделали все возможное и даже, вероятно, все, что должно было, по их мнению, поставить Саладина и возглавляемые им силы ислама в невыгодное положение. В начавшемся сражении христианские войска придерживались испытанной тактики, которая с успехом применялась ими в прошлом. Тот факт, что теперь она привела к

катастрофе, частично объясняется теми изменениями, которые произошли в структуре руководства противостоящих мусульманских сил, но, в основном, связан с крайним изнеможением христианской пехоты, которая, не выполнив своего прямого назначения - прикрытия рыцарской кавалерии, оторвалась от нее. Конский защитный доспех, возможно, уже использовавшийся в армиях латинских государств, в 1187 году, тем не менее, встречался еще чрезвычайно редко,

«Чедорлаомер пленяет Лота» на росписном потолке середины XIII века в Пармском баптистерии, Италия. В правой части росписи всадники облачены в облегченные кольчужные хауберки, использовавшиеся в жарком климате Италии или латинских государств Ближнего Востока и считавшиеся, однако, устаревшими во Франции и Англии. Сам Чедорлаомер изображен в архаичных и нереалистичных римских доспехах.

в результате чего большая часть рыцарей оказались спешными, когда мусульманские лучники перебили или переранили большинство лошадей. В связи с этим предполагаемое военно-технологическое превосходство западноевропейского тяжелооруженного рыцаря над ближневосточным всадником, все еще безусловно принимаемое всеми современными историками, требует более тщательного изучения. Заострив внимание на обстоятельствах, в которых европейскому рыцарству приходилось сражаться на Ближнем Востоке, мы оставим последнее слово за другом и биографом Саладина, Баха ад-Дином: «Латинского рыцаря, пока его конь находится в хорошем состоянии, опрокинуть невозможно. Прикрытый с головы до ног непроницаемым кольчужным хауберком... самые яростные удары не действуют на него. Но лишь только его конь убит или тяжело ранен, рыцаря сбивают с ног и берут в плен».

Поле битвы сегодня

Успешная для Саладина военная кампания 1187 года проходила на территории пяти современных государств – Сирии, Ливана, Иордании, Израиля и Египта. Кроме того, шестой страной можно считать оккупированные Израилем территории Палестины, не говоря уже об оккупированных тем же Израилем районах Сирии и Ливана. Тем не менее, большинство мест, где проходили бои, очень легко посетить, а рядом с Рогами Хаттина теперь расположен гостеприим-

ный киббуц (kibbutz), в котором имеется пятизвездочная гостиница.

Таль, Ашгара и Тазиль, являвшиеся местами сбора армии Саладина, легко найти к югу от небольшого современного городка Нава в плодородной провинции Дара, а к югу от Дамаска. К сожалению, они находятся в 10 километрах от сирийско-израильской линии прекращения огня, в пределах охраняемой войсками ООН зоны, для входа в которую даже сирийским гражданам нужны специальные разрешения. Его можно получить в Дамаске, но это займет несколько дней. Басра, как и все другие регионы, города и замки Сирии, радушно принимает гостей. Посещение регионов Иордании также не требует особых формальностей, однако прежде, чем отправиться для осмотра великолепной пещерной крепости в Айн Хабис (Ayn Habis), рекомендуется проконсультироваться с властями, так как пещеры на самом деле выходят к государственным границам Иордании.

В Сирии и Иордании совсем не обязательно пользование личным автотранспортом, но в обратном случае потребуется автомобиль с хорошим дорожным просветом (клиренсом), достаточным для движения по бездорожью. Пользование услугами такси в этих странах обойдется значительно дешевле, чем взять машину напрокат. Пользование местными автобусными линиями – еще дешевле, но автобусы не делают промежуточных остановок на маршруте. В Дамаске, Дара, а, Ирбиде, Аммане, Караке и Петре найдется достаточно хороших отелей, а довольно комфортные «фундуки» (funduqs), или небольшие гостиницы для путешественников, можно найти в любом небольшом городке. Большинство ливанских замков и городов, причастных к кампании 1187 года, находятся на беспокойном юге страны, некоторые из них – в пределах оккупированной Израилем полосы, и до недавнего времени путешествие по этому району считалось рискованным. Здесь доступны те же виды транспорта и ночлега, что и в Сирии и Иордании. То же относится и к Египту, разве что при внедорожном движении на Синайском полуострове потребуются автомобили с усиленной трансмиссией.

Главные места боевых действий кампании 1187 года находятся в Израиле, оккупированном Восточном Иерусалиме, на западном берегу реки Иордан и секторе Газа. К удивлению многих туристов, путешествие по Израилю может оказаться более трудным, чем в соседних арабских странах. Большинство из них предпочитают пляжи или экскурсии со всеми удобствами к основным историческим достопримечательностям, а те, кто оставляет основные автомагистрали страны, попадают в небольшие поселения и городки, где чужаки – большая редкость. И в то время как в главных туристических центрах Израиля достаточно прекрасных отелей, в деревенской глубинке ощущается недостаток небольших гостиниц, сравнимых с фундуками соседних арабских стран. В то же время здесь существуют компании

или «киббуццимы», которые предлагают достаточно комфортабельный, хотя иногда и весьма дорогой, отдых. В начале 90-х годов на оккупированных территориях существовала напряженная политическая обстановка, но и тогда положение относительно транспорта и ночлега мало чем отличалась от таковой в Сирии и Иордании. На Голанских Высотах, с которых войска Саладина спустились по пути к Тивериадскому озеру, они останавливались лагерем у теперь уже взорванной деревни Хисфин (Hisfin). В отличие от других оккупированных территорий, на Голанских высотах теперь тихо по той простой причине, что жители этих местностей покинули их еще в период военных действий в 1967 году.

Ныне поле битвы при Хаттине находится на восточном краю киббуца Лави, и к нему легко подъехать по дороге, которая поворачивает на север от основной трассы Хайфа – Тивериада (шоссе 77) к востоку от Рогов Хаттина. Почти все деревни, которые существовали в 1187 году, были разрушены израильтянами во время арабо-израильской войны 1948 года, а их жители изгнаны. Жители Турана, тем не менее, остались, так же, как и жители деревни Айн Махиль, которая расположена рядом с Крессонскими источниками. Замок Саффурийя (Сефория) уцелел, но от располагавшейся рядом деревни не осталось ничего, кроме разрушенных фундаментов домов. На месте Лубийи – теперь поросшие чертополохом руины, окруженные деревьями мемориального парка. Нимрин также стерт с лица земли. Могила Наби Шуайба стала святыней секты друзов. Недалеко от нее находится автосвалка, которая постепенно поглощает остатки заброшенной деревни Хиттин. В расположенном дальше к югу Кафр Сабт, где в 1187 году размещалась ставка Саладина, теперь находится еврейское поселение. Тивериада, конечно же, сохранилась, но ее главная мечеть сейчас является складским помещением соседнего кафе. Так называемая «Цитадель Крестоносцев», к северу от старого города, представляет собой здание XVIII века, но недавняя выемка грунта к югу от города открыла фундаменты построек, которые, по видимому, могут быть фрагментами церкви периода крестовых походов и стен старого арабо-латинского города.

Хронология

1187 год:

зима: Рейнальд де Шатийон захватывает мусульманский караван, следующий из Каира в Дамаск.

13 марта: Саладин разбивает лагерь в Рас аль Майн и призывает правоверных к джихаду.

20 марта: Аль Адиль ведет египетские войска к Акабе. Хаджиб Лулду переводит военные корабли египетского флота в Александрию.

29 марта: Таки ад-Дин прибыл с войсками в Алеппо для ораны северных границ.

Начало апреля: Саладин отправляется с отрядом телохранителей на юг, к Басре для защиты возвращающихся из Мекки и Медины паломников.

26 апреля: Атака войск Саладина на Крак де Моаб.

29 апреля: Посланец от Аль Афдаля испрашивает разрешение графа Раймона на проход мусульманского разведывательного отряда через владения графа.

1 мая: Отряд мусульманских разведчиков, подвергшийся неожиданному нападению христианских войск возле Крессонских источников, разбил христиан и в тот же день вернулся во владения султана.

27 мая: Саладин отдает приказ войскам Айюбидского государства собраться в Таль, Ашгара. Король Гвидо назначает сбор арьербана в Сефории.

26 июня: После проведения смотра своих войск Саладин спускается с Голанских Высот и разбивает лагерь в Хисфине. Король Гвидо собирает Совет баронов в Акре.

27 июня: Армия Саладина останавливается лагерем в Аль Кавани, на христианскую территорию посланы разведывательные отряды.

28-29 июня: Завершается сбор христианской армии под Сефорией.

30 июня: Саладин останавливается лагерем возле Кафарсета (по мнению некоторых историков, войска Саладина не переходили Иордан до 2 июля).

1 июля: Саладин идет на сближение с христианской армией, по-прежнему стоящей лагерем у Сефории, затем отходит, проведя разведку у Лубии.

2 июля: Часть мусульманских войск совершает нападение на Тивериаду. Город пал, но в его осажденной цитадели укрылась графиня Триполи.

Ночь со 2 на 3 июля: Король Гвидо решает двинуть свои войска на выручку Тивериаде.

3 июля: Войска христиан движутся к Тивериаде. Саладин оставляет небольшой отряд для блокады городской цитадели, а сам группирует свои войска для сражения с силами Иерусалимского королевства. Христиане вынуждены остановиться в Манескалси.

Ночь с 3 на 4 июля: Саладин занимается построением своих войск перед решающим сражением.

4 июля: Христианская армия потерпела поражение в сражении у Рогов Хаттина.

5 июля: Графиня Эшиза сдает цитадель Тивериады.

8 июля: Мусульманские войска осаждают Акру.

10 июля: Акра сдается Саладину.

14 июля: Тир прерывает переговоры с султаном о сдаче.

26 июля: Капитуляция Торона.

29 июля: Капитуляция Сидона.

4 августа: Капитуляция Джибейля.

6 августа: Капитуляция Бейрута.

25 августа: Саладин и Аль Адиль начинают осаду Аскалона.

5 сентября: Капитуляция Аскалона.

20 сентября: Мусульманские войска начинают осаду Иерусалима.

25 сентября: Снятие мусульманского лагеря у западных стен Иерусалима.

26 сентября: Штурм северных стен Иерусалима.

29 сентября: В северной городской стене посредством подкопа сделан обширный пролом.

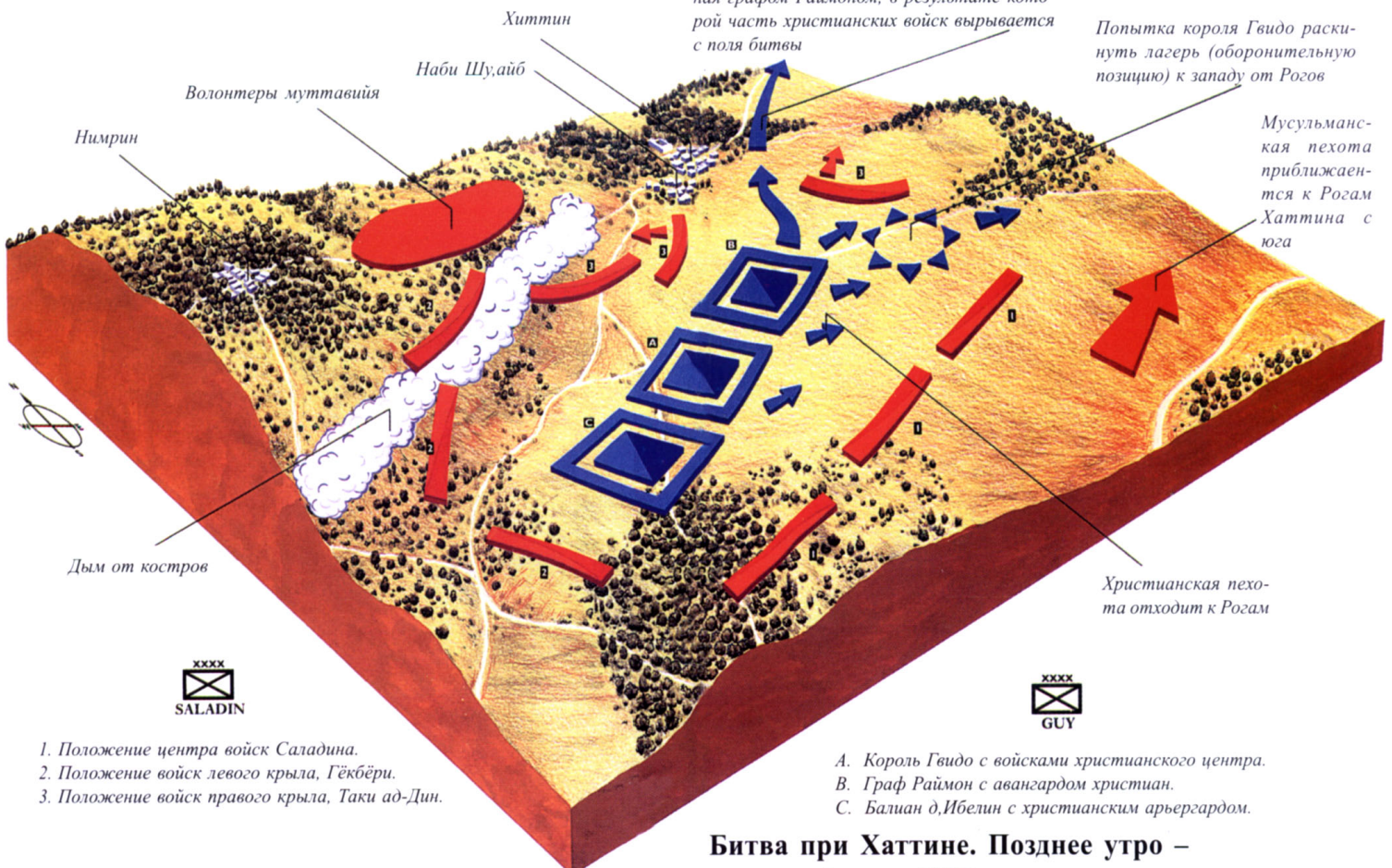
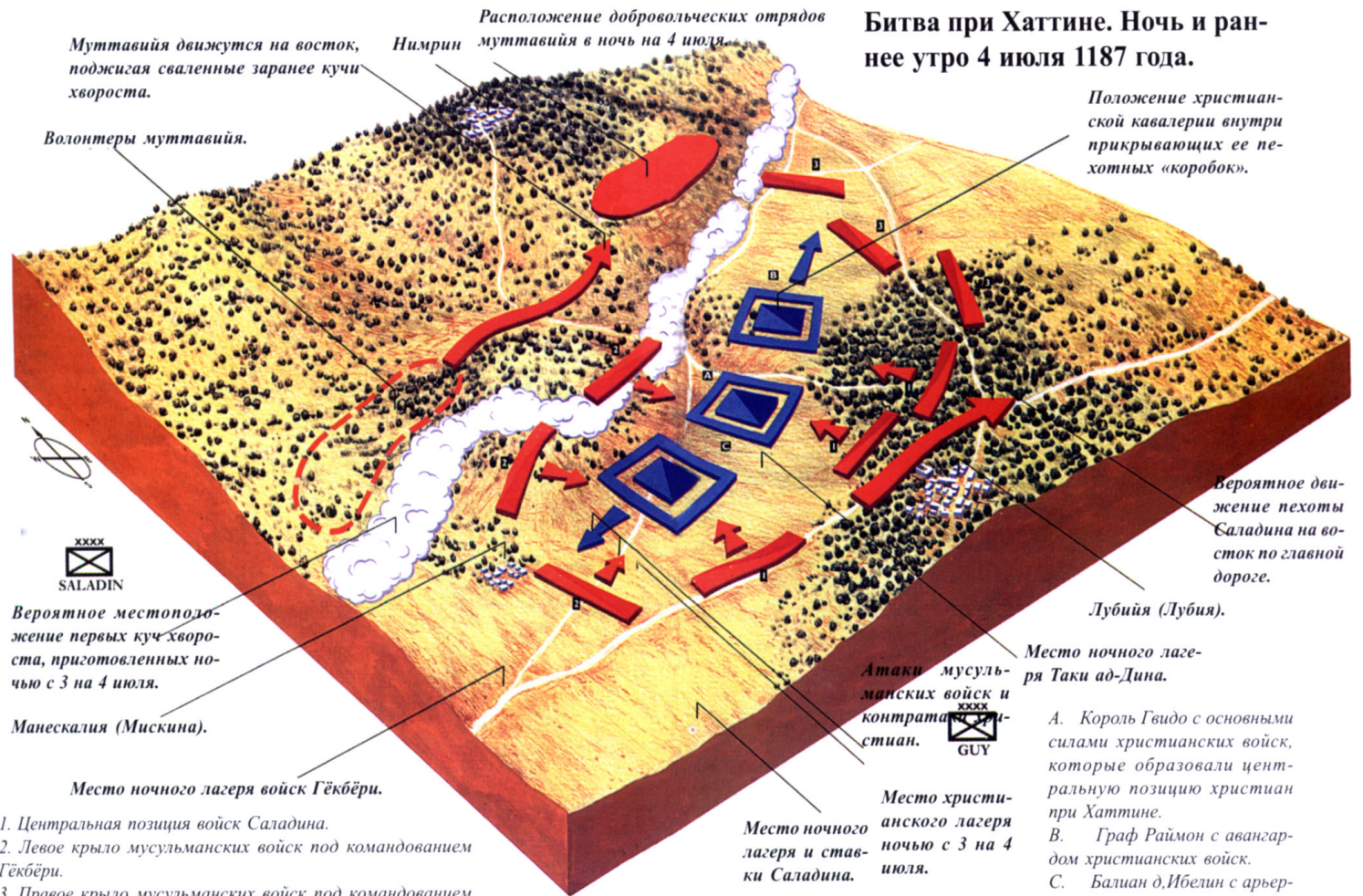
2 октября: Саладин принимает капитуляцию Иерусалима.

1 ноября: Начало повторной осады Тира.

30 декабря: Отбита комбинированная атака на Тир с суши и с моря.

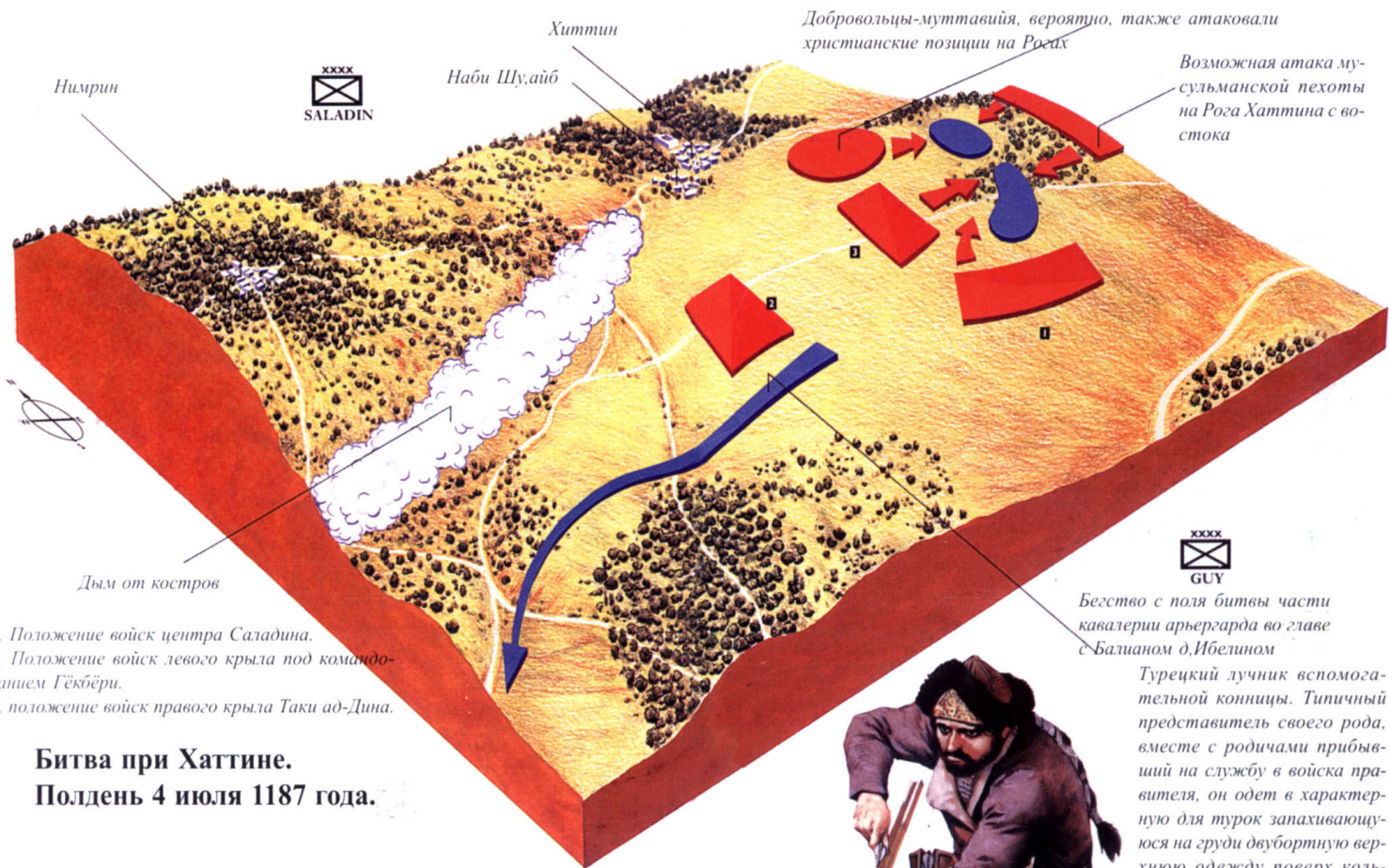
1 января 1188 года: Саладин распускает полковину своей армии и снимает осаду с Тира.

Битва при Хаттине. Ночь и раннее утро 4 июля 1187 года.

Битва при Хаттине. Позднее утро – полдень 4 июля 1187 года.

Вернуться к оглавлению

1. Положение войск центра Саладина.
2. Положение войск левого крыла под командованием Гёкбёри.
3. Положение войск правого крыла Таки ад-Дина.

Битва при Хаттине. Полдень 4 июля 1187 года.

Бегство с поля битвы части кавалерии арьергарда во главе с Балшаном д.Ибелином

Турецкий лучник вспомогательной конницы. Типичный представитель своего рода, вместе с родичами прибывший на службу в войска правителя, он одет в характерную для турок запахивающуюся на груди двубортную верхнюю одежду поверх кольчужной рубашки и в подбитой мехом шапке племенной шиты. Его лук оснащен «маджрой» (majra) – направляющей деталью для стрельбы короткими стрелами.

Всадник-гулам (ghulam). Одежда этого элитного конного воина, которая видна под его пластинчатым панцирем, турко-иранского происхождения. Его раскрашенный шлем снабжен кожаным назатыльником, а вес панциря относительно невелик. Всадник вооружен булавой, украшенной головой какого-то животного, изогнутой саблей и тяжелым прямым мечом, упрятым под седлом.

Слева – арабский всадник. Справа – Сержант со знаменем.

